ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ[1].

По J. Ролле.

Между тѣмъ внутреннее состояніе украинскаго общества было тоже крайне смутно. Хозяйственная организація почти распалась; главное—земля лежала заброшенною: историческія обстоятельства отвратили отъ нея человѣка. Въ то же время соціальный строй втеченіе десяти лѣтъ уже успѣлъ утратить ту однородность и простоту, какая его характеризовала первое время послѣ революціи. Намѣтились классовыя различія, а съ ними и противоположность классовыхъ интересовъ. Изъ среды козачества выдѣлялась какъ-бы аристократія, заслуженные люди, заявлявшіе притязаніе на особыя права—полковники, асаулы, сотники; сюда примыкали люди, лично близкіе гетману и кое-кто изъ шляхты русской или даже и польской, вступившей въ союзъ съ козачествомъ. Подъ властью старшины состояла козацкая масса, вписанная въ реестры. Внѣ реестровъ оставались посполитые, но имъ тоже не хотѣлось возвращаться къ плугу: они осѣдали по мѣстечкамъ и образовывали собой городскую козацкую милицію—„городы". Это терпѣлось, такъ какъ подобными запасными козаками наполнялись кадры полковъ, то и дѣло нуждавшіеся въ пополненіяхъ вслѣдствіе безпрестанныхъ военныхъ потерь. Но тѣмъ не менѣе кто-нибудь да долженъ же былъ оставаться при полевой работѣ. Козацкая старшина, сначала мягко, потомъ съ все растущей настойчивостью принуждала хлоповъ оставаться при землѣ. И, наконецъ, на ряду съ этими

---

[1]) См. „Кіевская Старина" 1894 г. № 10.

классовыми группами заявлялъ о своемъ существованіи пролетаріатъ, „голота“, чрезвычайно усилившійся въ смутное время классъ людей, утратившихъ свои общественныя связи и свое, такъ-сказать, общественное равновѣсіе. Они служили наймитами на безчисленныхъ винокурняхъ, которыя были въ то время чуть не при каждомъ зажиточномъ хозяйствѣ, пастухами при многочисленныхъ стадахъ, но предпочитали проводить время въ шинкахъ, ожидая созыва на посполитое рушенье, или случая примкнуть къ какому-нибудь гайдамацкому загону. Десятилѣтняя безпрерывная война, усиливъ эту группу, усилила въ ней и ея противообщественные инстинкты: дикость и жестокость, стремленіе къ легкой добычѣ, къ ничѣмъ необуздываемой свободѣ.

Обнаружившись въ этомъ направленіи, раздробленіе украинскаго общества обнаружилось и въ другомъ. Симпатіи къ Польшѣ и ея культурѣ, которыя всегда укрывались въ душахъ извѣстной части украинскихъ людей, начинали проявляться все сильнѣе и свободнѣе, особенно среди правобережной старшины. Въ то-же время обездоленные, по преимуществу голота лѣваго берега, проявляли тяготѣніе къ Москвѣ, которая привлекала ихъ неопредѣленныя симпатіи своимъ православіемъ и все уравнивающимъ монархическо-демократическимъ строемъ. Вотъ два болѣе ясныхъ политическихъ настроенія, но были и другія. Пока Хмельницкій былъ живъ, пока Украина имѣла въ немъ сильный руководящій центръ, всѣ отдѣльныя стремленія молчали; когда его не стало, все заговорило своими особыми голосами.

Юрій Хмельницкій, 16-тилѣтній сынъ Богдана, выбранный еще при жизни отца радой въ его преемники, не могъ въ тѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась Украина, удержать даже и призрака власти. Его опекунъ, войсковой писарь Иванъ Выговскій, тотчасъ же послѣ смерти Хмельницкаго былъ провозглашенъ гетманомъ „на тотъ часъ“.

Выговскій, овручскій шляхтичъ, женатый на новогрудской каштелянкѣ, находящейся въ родствѣ съ магнатскими родами Литовской Руси, былъ, вмѣстѣ съ переяславскимъ полковникомъ Тетерей, образованнѣйшимъ представителемъ польской культуры при чигиринскомъ дворѣ. Со свойственной ему осторожностью

Выговскій скрывалъ свои польскія симпатіи; но какъ только онъ сталъ руководящей силой, дѣло сближенія съ Польшей приняло новый и рѣшительный оборотъ. Ревностный аріанинъ кіевскій подкоморій и овручскій староста Юрій Немиричъ, единственный оказавшійся представитель родовитаго панства при чигиринскомъ дворѣ, много трудился надъ этимъ сближеніемъ. Оффиціальнымъ агентомъ съ польской стороны былъ волынскій каштелянъ Беніовскій. Между Полоннымъ, гдѣ жилъ Беніовскій, и Чигириномъ открылись энергическія сношенія; самъ чигиринскій дворъ принялъ польскій характеръ, этикетъ, языкъ. И хотя Выговскій продолжалъ вести двуличную политику, увѣряя Москву въ своей преданности, уже въ началѣ осени 1658 года, т. е. ровно годъ спустя послѣ избранія Выговскаго, былъ составленъ знаменитый гадячскій договоръ. Въ силу его, Польша признавала Украину за особое княжество, связанное съ ней, какъ и Литва, лишь федеральной уніей, съ собственнымъ управленіемъ, со своимъ особымъ урядомъ, и духовнымъ, и свѣтскимъ, съ 60-ю тысячами реестроваго войска. Повидимому, надъ Украиной занималась заря новой жизни, занималась... и тотчасъ потухла, какъ миражъ надъ безводной пустыней, какъ блуждающій огонекъ надъ гніющимъ болотомъ. Украина неудержимо катилась по своей роковой наклонной плоскости. Правъ или нѣтъ былъ Беніовскій, когда писалъ, что козачество, „gens tauro-scythica“, ничѣмъ нельзя удовлетворить; правъ или нѣтъ коронный обозный Андрей Потоцкій въ своихъ словахъ Яну-Казиміру, что у украинцевъ „главная задача, чтобъ не быть имъ ни подъ вашей королевской милостью, ни подъ царемъ, и они надѣются добиться своего, пугая вашу королевскую милость царемъ, а царя вашей королевской милостью“,—но можно-ли было винить украинскую массу, что она не могла повѣрить въ прочность союза съ Польшей, въ искренность ея намѣреній, какъ вѣрила старшина? Польша ликовала по случаю заключенія гадяцкаго договора; сеймъ 1659 г. осыпалъ милостями козаковъ, прибывшихъ въ Варшаву для заключенія договора и принятія присяги; нобилитаціи и пожалованія сыпались какъ изъ рога изобилія, особенно много щедротъ пришлось

на многочисленную семью Выговскихъ; Юрій Немиричъ сказалъ блестящую рѣчь, въ которой сравнивалъ Украину съ блуднымъ сыномъ, возвращающимся подъ кровъ отчій. И все было напрасно. Еще тою же осенью 1657 г., когда Выговскій былъ выбранъ гетманомъ, на лѣвомъ берегу поднялся старый Пушкаренко, дикій и неотесанный, но мужественный и опытный воинъ, любимецъ черни. Лѣвобережная голота видѣла въ немъ своего представителя и прочила ему гетманскую булаву. Все недовольное тянулось къ Полтавѣ, которая приняла видъ укрѣпленнаго лагеря. Болѣе 40,000 собралось подъ знамя Пушкаренка босыхъ и нагихъ „дейнаковъ", безъ коней и оружія, съ рогатинами, кіями и косами. Съ трудомъ удалось Выговскому потушить возстаніе: Пушкаренко былъ изрубленъ побѣдителями, Полтава сожжена до-тла. Но какъ только разнеслась по Украинѣ вѣсть о заключеніи съ Польшей новаго договора, снова вспыхнуло волненіе, особенно на лѣвомъ берегу. Смута все усиливалась; Юрій Немиричъ палъ ея жертвой вмѣстѣ съ шляхтой, которая поселилась было на лѣвомъ берегу, полагая, что гадячскій договоръ обезпечиваетъ ея безопасность; то и дѣло появлялись новые претенденты на гетманскую булаву, чтобъ, пофигурировавъ на сценѣ одинъ день, исчезнуть. Всѣ эти Пушкаренки, Довгали, Безпалые, Золотаренки, Цецуры, Сомки, посылаютъ въ Москву жалобы, доносы и обвиненія другъ на друга, просятъ о помощи: отряды московскихъ войскъ проходятъ вдоль и поперекъ по несчастному краю; пламя войны снова вспыхиваетъ на правомъ берегу. Но польскія войска лишь слабо подкрѣпляютъ Выговскаго, и онъ видитъ, что долженъ уйти. Осенью 1659 г. Выговскій сложилъ булаву, и Юрась Хмельницкій, теперь уже достигшій совершеннолѣтія, объявленъ былъ гетманомъ. Козацкая рада, собранная около Терехтемирова на Жердевскомъ полѣ, постановила остаться подъ московскимъ протекторатомъ съ тѣмъ, чтобы расширены были автономныя права Украины: за образецъ для измѣненій въ этомъ смыслѣ взятъ былъ тотъ же самый гадячскій договоръ. Но Москва меньше всего думала объ увеличеніи украинскихъ правъ и вольностей. Трубецкой везъ на Украину такія инструкціи: чтобъ вся Бѣ-

лоруссія и Сѣверщина съ Черниговомъ, Новгородомъ-Сѣверскимъ, Стародубомъ и Почепомъ были отобраны отъ Украины, а въ Переяславѣ, Нѣжинѣ, Брацлавлѣ и Умани рядомъ съ полковниками жили царскіе намѣстники. Опасаясь противодѣйствія со стороны правобережья, Трубецкой вызвалъ Юрася Хмельницкаго со старшиной въ Переяславъ для заключенія новыхъ условій и присяги. Болѣе вліятельные изъ правобережныхъ полковниковъ, брацлавскій—Зеленскій, подольскій—Гоголь, паволоцкій—Богунъ, уманскій—Ханенко и друг. не поѣхали въ Переяславъ. И хотя договоръ былъ заключенъ въ желанномъ для Москвы смыслѣ, но послѣдствія этого насильственнаго заключенія обнаружились въ слѣдующемъ же 1660 году, когда произошло снова столкновеніе московско-козацкихъ войскъ съ польско-татарскими. Московскіе войска были разбиты подъ Чудновымъ, Шереметевъ, главный начальникъ ихъ, пошелъ въ плѣнъ къ татарамъ, а козацкое войско, съ Юріемъ Хмельницкимъ во главѣ, передалось на сторону Польши. Чудновскимъ договоромъ козаковъ съ Польшей возобновлялась сила договора гадяцкаго. Но никакой договоръ не могъ обнаружить дѣйствія; анархія продолжала царить на Украинѣ.

А между тѣмъ та незамѣтная еще въ началѣ Хмельнищины трещина, которая дѣлила украинскій народъ на двѣ половины, восточную и западную, лѣвобережную и правобережную, успѣла за этотъ короткій, десятилѣтній, промежутокъ времени выросги до размѣровъ настоящей пропасти. Не смотря на весь внѣшній хаосъ, царящій повсюду, на кажущуюся противорѣчивость частныхъ стремленій, несомнѣнно ясно было все-таки, что лѣвобережная Украина тяготѣетъ къ Московскому государству, правобережная къ Польшѣ. Днѣпръ, эта извѣчная колыбель южнорусскаго племени, силою несчастныхъ историческихъ условій искусственно раздѣлилъ единую народную стихію. Гетманъ, выдвинутый лѣвобережной Украиной, могъ появиться на правомъ берегу; правобережный гетманъ, случалось, на одинъ моментъ завладѣвалъ вліяніемъ на лѣвобережьѣ; Янъ-Казиміръ, во главѣ польско-козацко-татарской арміи въ 1663—4 гг. побѣдоносно прошелъ по лѣвобережной территоріи. Но Украина

объединялась ровно до тѣхъ поръ, пока на лицо была гнетущая сила; какъ только гнетъ устранялся, раздвоеніе опять вступало въ свои права.

Андрусовское перемиріе, состоявшееся между Москвой и Польшей въ 1667 г., закрѣпило этотъ фактъ, открыто разорвавъ Украину на двѣ половины: московскій царь увольнялъ обывателей правобережья отъ данной ему присяги. Лѣвобережная Украина со своей столицей въ Батуринѣ, окончательно оторвалась подъ власть Москвы, которая съ все растущей интенсивностью втягивала ее въ составъ своего государственнаго цѣлаго; правобережная продолжала свой анархическій путь.

Номинально край считается польскимъ по Днѣпръ. Но фактическія границы, гдѣ кое-какъ признавалась польская власть, были гораздо уже: едва половина подольской земли по Ушицу, потомъ Волынь и Кіевское Полѣсье до Чернобыля надъ Днѣпромъ. Все Брацлавское воеводство, большая половина Кіевскаго и юговосточная часть Подольскаго знать не хотѣли Польши, хотя все-таки сильно пропитаны польскими культурными вліяніями: старшина говоритъ по-польски, оффиціальный русскій языкъ усвоилъ себѣ польскіе обороты, названія урядовъ заимствованы отъ Польши; только католическая церковь снесена совершенно. На этой территоріи лишь въ отдѣльныхъ замкахъ постоянно держался, и то съ большими усиліями, польскій гарнизонъ: главнымъ образомъ въ Бѣлой Церкви, затѣмъ въ Дымирѣ, а по временамъ въ Барѣ. Но Польша все-таки не отказывалась отъ своихъ правъ, и потому здѣсь кипѣла неустанная борьба, смѣнявшаяся лишь на мгновенье грознымъ затишьемъ, полнымъ ожиданія новой бури. Не только каждый годъ, но чуть-ли не каждое время года имѣло свою особую исторію. Народъ и полковники выбирали себѣ гетмана: онъ то признавалъ власть Польши, то возмущался противъ нея, обращался ко всѣмъ сосѣдямъ поочередно, къ Москвѣ, Турціи, молдавскому или валахскому господарю, крымскому хану,—и исчезалъ, вытѣсненный другимъ, и успѣвъ лишь пролитой кровью запечатлѣть память о своемъ эфемерномъ владычествѣ. Татары хозяйничаютъ на правомъ берегу, какъ у себя дома, и свободно вы-

бираютъ свою дань. Числятся пока еще слѣдующіе полки, а, слѣдовательно, и населенные округа: Чигиринскій, Каневскій, Черкасскій, Паволоцкій, Брацлавскій, Тарговицкій, Уманскій, Корсунскій, Бѣлоцерковскій, Кальницкій и наказной Подольскій; упоминается, кромѣ того, Немировскій и Межибожскій; но населеніе уменьшается. Вотъ маленькіе отрывки изъ люстраціи 1665 г. Въ какой-то моментъ затишья удалось полякамъ сдѣлать опись государственныхъ имѣній части Подольскаго воеводства: „Летичевское староство—все опустошено, потому что лежитъ на самомъ шляху, по которому ходитъ каждый непріятель, отчего нѣтъ надежды удержать ни мѣщанъ, ни подданныхъ по деревнямъ". О Проскуровѣ и его волостяхъ: „мѣщанъ въ городѣ 12, ничего не платятъ, такъ какъ недавно сѣли здѣсь на свободу. Въ деревняхъ (такихъ-то) нѣтъ ни одного подданного, почему ставы и млины пусты, такъ какъ изъ-за наѣздовъ и нападеній не могутъ люди оставаться въ своихъ домахъ". То же староства Улановское и Хмельницкое; въ Вержбовецкомъ староствѣ „ни въ мѣстечкѣ, ни въ деревняхъ, къ нему принадлежащихъ, нѣтъ ни одного подданнаго" и т. д. Край пустѣетъ.

Послѣ того, какъ Юрій Хмельницкій соединилъ было на одинъ моментъ обѣ Украины и тотчасъ же, почувствовавъ, насколько власть была ему не по-силамъ, отказался отъ нея и ушелъ въ монастырь (1660 г.), выступилъ въ правобережной Украинѣ гетманомъ Тетеря, зять Хмельницкаго. Тетеря былъ искренній сторонникъ Польши, и, еслибъ въ его силахъ было слить Украину съ Польшей, то онъ, конечно, сдѣлалъ бы это. Но задача была не по-плечу даже и не такому заурядному человѣку, какъ Тетеря. Онъ счастливо справился съ самымъ замѣтнымъ изъ своихъ противниковъ Попенкомъ, который собралъ около себя заднѣпровскую голоту и выступилъ какъ ярый врагъ всего польскаго, но все-таки уже въ 1665 г. долженъ былъ сложить булаву. Тотчасъ послѣ его удаленія, появился на исторической сценѣ чигиринскій полковникъ Петръ Дорошенко. Дорошенку удалось на нѣсколько лѣтъ заслонить собой всѣ осталь-

ныя фигуры, всѣхъ этихъ Опаръ, Суховіевъ, Ханенокъ, которые параллельно выдвигались одинъ за другимъ изъ хаоса.

Въ самомъ дѣлѣ, это былъ замѣчательный человѣкъ. И сорока лѣтъ еще не было Дорошенку, когда правобережные полковники сдѣлали его своимъ гетманомъ. Онъ былъ не безъ образованія: изъ кіевскихъ школъ вынесъ онъ знакомство съ „козацко-русскимъ“ письмомъ, но на умы окружающихъ онъ дѣйствовалъ своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ не школьнаго, а чисто народнаго склада, сильной діалектикой, прямо, безъ ухищреній, достигающей намѣченной цѣли. Наружность молодаго гетмана была самая подкупающая, и онъ умѣлъ украшать ее по шляхетски; вообще, ни въ чемъ не пренебрегалъ шляхетской обстановкой. Добродушіе, которое располагало къ нему простыя сердца, не исключало жестокости, если она требовалась обстоятельствами. А подъ всѣмъ этимъ укрывался политическій умъ, сильное честолюбіе, широкіе замыслы.

Дорошенко, слѣдуя традиціямъ политики Богдана Хмельницкаго, не пренебрегалъ никакой политической комбинаціей, лишь бы она сулила выгоды; но больше всего возлагалъ онъ упованій на союзъ съ мусульманами. Онъ надѣялся такимъ путемъ сохранить внутреннюю самостоятельность. Татарскій ханъ— постоянный союзникъ Дорошенка. Благодаря татарамъ, а также, конечно, и своимъ личнымъ способностямъ, Дорошенку удалось было даже взять верхъ надъ вліятельнымъ лѣвобережнымъ гетманомъ Брюховецкимъ и на одинъ моментъ опять соединить обѣ Украины; но Андрусовское перемиріе положило окончательный предѣлъ всѣмъ честолюбивымъ замысламъ Дорошенка въ томъ направленіи. Онъ вынужденъ былъ ограничить свою дѣятельность правымъ берегомъ: надо было устраиваться здѣсь. Дорошенко былъ не прочь признать вассальную зависимость отъ Польши, еслибъ эта зависимость не влекла за собой никакихъ фактическихъ обязательствъ; но для Польши весь вопросъ заключался именно въ томъ, какъ реализовать свои номинальныя права. Столкновенія были неизбѣжны, и столкновенія невыгодныя для Польши, такъ какъ за Дорошенкомъ всегда стояла татарская орда. Но за то во главѣ военныхъ силъ поль-

скихъ стоялъ въ это время такой въ высокой степени замѣчательный человѣкъ, какъ Янъ Собѣсскій, будущій король, пока еще великій коронный гетманъ. Его необыкновенная энергія, въ связи съ высокими дарованіями и исключительными свойствами характера, уравновѣшивали собою неравенство борющихся силъ. Въ годъ Андрусовскаго перемирія (1667 г.) состоялся между Дорошенкомъ и Собѣсскимъ Подгаецкій договоръ. Польша признавала за Дорошенкомъ титулъ гетмана его королевской милости войска запорожскаго; вся фактическая территорія козаковъ оставалась за ними, но шляхта могла возвратиться въ свои имѣнія. Такимъ образомъ договоръ этотъ заключалъ временныя уступки; но бѣда въ томъ, что ни та, ни другая сторона не думали серьезно объ его выполненіи. Польша ясно видѣла, что съ такимъ гетманомъ, какъ Дорошенко, ей не придти ни къ какому возможному для нея modus vivendi, и выдвинула ему соперника въ лицѣ уманскаго полковника Ханенка. Правобережная Украина распалась на два лагеря съ двумя столицами—одной въ Чигиринѣ, другой въ Умани. Дорошенко рѣшился на послѣдній шагъ: отдалъ Украину въ подданство Турціи на правахъ господарствъ молдавскаго и валахскаго.

Планы Дорошенка совпали съ настроеніемъ турецкой политики. Еще въ концѣ 1669 г. воинственный Магометъ IV, покончивши съ Кандіей, рѣшилъ, опираясь на предложенія украинскаго гетмана, покончить также и старые счеты съ Польшей. Турція приступила къ грандіознымъ приготовленіямъ. Конечно, въ Польшѣ не могли не знать, что дѣлается въ Турціи. Знали о приготовленіяхъ король и великій коронный гетманъ Собѣсскій, зналъ каждый, кто хотѣлъ знать. Но польскимъ государствомъ, при слабомъ Михаилѣ Корибутѣ, управляла шляхта, а она-то именно и не хотѣла ничего знать объ опасности. Ей больше нравилось представлять дѣло такъ, что всѣ домогательства короля и гетмана на счетъ предупредительныхъ мѣръ вытекаютъ изъ ихъ „деспотическихъ“ стремленій, изъ желанія усилить свою власть. Вѣдь всякія мѣры требовали со стороны шляхты жертвъ, и не малыхъ. А между тѣмъ Порта начала

уже открыто заявлять протекторатъ. Шляхта все-таки продолжала упорно не вѣрить опасности, въ то время какъ на Украинѣ знали чуть не день и часъ, когда она должна наступить. Литовскіе татары, издавна поселенные надъ Нѣманомъ, пробирались на югъ, кидая свои пепелища, на встрѣчу подымающемуся на Польшу мусульманскому потоку.

Пока Магометъ IV стягивалъ въ свой лагерь съ Адріанополя огромныя силы аньчаровъ и спаговъ, земское ополченіе европейскихъ и азіатскихъ владѣній, молдаванъ и валаховъ, добружскихъ и бѣлгородскихъ татаръ, липковъ (татаръ литовскихъ),—крымская орда, въ качествѣ авангарда, заливала край, вторгаясь въ него по всѣмъ тремъ шляхамъ. Ханъ стоялъ съ Дорошенкомъ на Украйнѣ и разсылалъ универсалы съ требованіемъ покорности падишаху. Что было польскаго войска на Украинѣ, все было снесено. Хищники залили Подолье, проникли далеко въ глубь края по направленію къ сѣверо-западу, разорили русское воеводство, пробрались на Покуты въ такія мѣстности, которыя считались до тѣхъ поръ защищенными отъ татаръ горами и лѣсами: теперь впереди дикихъ татаръ шли знакомые съ мѣстными условіями липки и барскіе черемисы. До ста тысячъ людей досталось въ ясыръ. Наконецъ тронулась въ путь, въ началѣ іюня 1672 г., и пестрая трехсотъ-тысячная армія Магомета IV. Самъ султанъ со своимъ дворомъ сопровождалъ ее, выступая на покореніе невѣрнаго Лехистана; путь его былъ обставленъ всей возможной восточной роскошью. Армія въ своемъ движеніи растягивалась на нѣсколько миль; каждую ночь въ пунктѣ султанскаго ночлега выросталъ цѣлый городъ, удовлетворявшій всѣмъ утонченнымъ потребностямъ двора Немудрено поэтому, что только въ августѣ армія вступила въ границы Подолья. Теперь грозная опасность была ясна каждому. Но шляхта и здѣсь успѣла найти себѣ успокоеніе; она увѣрила себя въ неприступности Каменца. Напрасно убѣждалъ Собѣсскій, что мысль объ этой неприступности неосновательна, что крѣпость крайне нуждается въ поправкѣ укрѣпленій, въ усиленіи гарнизона, иначе она непремѣнно должна будетъ сдаться: его никто не слушалъ.

Всѣ турецкія силы направились на Каменецъ: лишь взятіе Каменца обезпечивало занятіе Подолья. На одного осаждаемаго воина приходилось больше сотни осаждающихъ; въ Каменцѣ не было такихъ пушекъ, какіе были у турокъ, всего было четыре человѣка знающихъ артиллеристовъ; не было даже боевыхъ снарядовъ, съѣстныхъ припасовъ. „Только чудо могло бы спасти Каменецъ, но вѣдь Господь Богъ не дѣлаетъ чудесъ безъ необходимости", писалъ по этому поводу Собѣсскій. Больше недѣли держался городъ; но дальнѣйшее сопротивленіе являлось при этихъ условіяхъ явной невозможностью. Каменецъ сдался; 30 августа Магометъ IV торжественно вступилъ въ столицу Подолья.

Вѣсть о взятіи Каменца поразила Польшу, какъ громовой ударъ изъ безоблачнаго неба. Такъ велика была слѣпая вѣра польскаго общества въ неприступность Каменца, что не находили возможнымъ иначе объяснить случившееся, какъ измѣной, и въ безсмысленной ярости искали виновныхъ. Каменецъ взятъ, этотъ ключъ къ прекрасному Подолью, драгоцѣннѣйшему перлу польской короны. Маіоръ Геклингъ взорвалъ бастіонъ, гдѣ хранили порохъ, и погубилъ такимъ образомъ вмѣстѣ съ собой до двухъ съ половиной тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ храбраго Володіевскаго, „подольскаго Гектора"; каменецкія церкви обращены въ мечети; множество женщинъ, и шляхтянокъ, и горожанокъ, и монахинь, погнано на далекій востокъ, на продажу въ гаремы; тысячи возовъ потащили къ Волощинѣ и къ Черному морю подольскія сокровища, свезенныя на сбереженіе въ Каменецъ со всего края... Вотъ вѣсти, которыя несли съ собой въ глубь Польши подольскіе бѣглецы, отъ тѣхъ поръ бездомные и безпріютные скитальцы, изъ которыхъ лишь болѣе счастливые успѣли захватить кое-что изъ своихъ драгоцѣнностей, родовыя иконы и останки предковъ. А, главное, вся Польша стоитъ открытой и беззащитной передъ страшною турецкой силой. И она, въ самомъ дѣлѣ, двинулась въ глубь края, по направленію къ Львову. Вкругъ главныхъ силъ турецкой арміи кишѣли татары и козаки: маленькими отрядами разбѣгались они во всѣ стороны, захватывая въ неволю безчисленныя жертвы.

Втеченіе ста дней на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ миль стояло сплошное зарево, носились клубы дыма, раздавались жалобные стоны, заглушаемые дикимъ крикомъ побѣдителей. Тридцать укрѣпленныхъ замечковъ пало къ ногамъ Магомета IV: нѣкоторые изъ нихъ геройски защищались, другіе прямо отдавались на милость врага. И если потокъ непріятельскій остановился подъ Львовомъ, а не подъ Краковомъ или Варшавой, то не польское войско задержало его, а приближающаяся осень съ холодомъ и сыростью, невыносимыми для непривычныхъ южныхъ людей, изъ какихъ состояло турецкое войско. Но и добрый геній Польши еще бодрствовалъ надъ ней: онъ олицетворялся теперь Яномъ Собѣсскимъ. Гетманъ не могъ ничего сдѣлать, чтобы предупредить бѣду; но когда всѣ его предсказанія сбылись почти съ математической точностью, онъ съумѣлъ воспользоваться настроеніемъ до послѣдней степени испуганнаго, растерявшагося общества и завладѣлъ положеніемъ. Но пока можно было только одно: цѣной всякихъ жертвъ удалить врага. Въ октябрѣ 1672 года былъ заключенъ столь тяжелый для Польши Бучацкій договоръ: Подольское воеводство съ Каменцемъ дѣлалось турецкой областью, Украина собственно, т. е. Брацлавщина и Кіевщина, объявлялись козацкимъ владѣніемъ подъ турецкимъ протекторатомъ. Границы вновь созданнаго Подольскаго пашалыката включали въ себя Чортковъ и Ягельницу, шли далѣе по теченію р. Збручи и достигали до Чернаго шляха. На западъ и сѣверъ отъ этихъ границъ была Польша; на югъ и востокъ, по Днѣпръ, зависящая отъ Турціи козацкая Украина.

Что внесла собой для Украины эта новая политическая сила? Только усилила разложеніе, и ничего больше. Была или нѣтъ осуществима для Богдана Хмельницкаго идея украинскаго княжества подъ турецкимъ протекторатомъ, но для Дорошенка это было уже невозможно, слишкомъ поздно.

Взятіе Каменца оглушило Польшу, но въ слѣдующемъ же году Хотинская побѣда доказала, съ одной стороны, что Польша еще не безсильна, съ другой—сдѣлала королемъ Собѣсскаго. Польское государство слишкомъ было далеко отъ того, чтобы отказаться отъ своихъ правъ на Подолье и Украину.

Положеніе Украины сдѣлалось отчаяннымъ: ее терзали со всѣхъ сторонъ. Великій визирь Кара-Мустафа, приводя край въ повиновеніе, до-тла уничтожилъ Ладыжинъ и Умань, главные пункты края, опустошилъ почти всю Брацлавщину, захвативъ и часть Волынской земли; татары, разоряя всюду, съ неудовольствіемъ смотрѣли на дѣйствія своихъ союзниковъ, которые безразсудно тратили живой капиталъ: сколько денегъ можно было взять за даромъ перерѣзанныхъ жителей на цареградскихъ рынкахъ! Когда отступали татары и турки, появлялись польскіе отряды, тоже приводя къ покорности. Одна часть козаковъ признавала власть Ханенка и тянула къ Польшѣ, другая—Дорошенка и тянула къ Турціи; наконецъ лѣвобережный гетманъ Самойловичъ хотѣлъ воспользоваться смутой и высылалъ сюда свои отряды, чтобъ поддерживать своихъ сторонниковъ. Жизнь на Украинѣ сдѣлалась невозможной. Населеніе бѣжало во всѣ стороны: на западъ въ Червонную Русь, но больше всего на востокъ за Днѣпръ. Стали выселяться цѣлыми полками: въ 1674 г.—въ годъ, когда свирѣпствовалъ Кара-Мустафа, два полка, уманскій и брацлавскій, осѣли по р. Орели; въ слѣдующемъ году корсунскій полкъ со своимъ полковникомъ Кандыбой переправился за Днѣпръ. Ханенко увидѣлъ, что нѣтъ возможности ему въ данныхъ условіяхъ держаться на своемъ яко-бы гетманствѣ, тоже убѣжалъ за Днѣпръ, въ 1675 г. отдалъ свою булаву въ руки Самойловича и поселился доживать свою старость на покоѣ въ Козельцѣ Черниговской губ. Наконецъ, и онъ, главный виновникъ событій, правобережный гетманъ Петръ Дорошенко, долженъ былъ прійти къ печальному убѣжденію, что несбыточны были всѣ его планы, ошибочны всѣ разсчеты: Турція не могла послужить оплотомъ для новой украинской общественной организаціи. И Дорошенко вслѣдъ за народомъ правобережья тоже направился на лѣвый берегъ, отдался во власть московскаго государя и здѣсь, въ московской землѣ, кончилъ свои дни въ почетной ссылкѣ. Много бѣдъ принесли Украинѣ его широкіе замыслы; но и враги не рѣшаются утверждать, что его дѣйствія направлялись лишь личными побужденіями, своекорыстными разсчетами. Въ слѣдующіе

(77—78-й) годы, годы осады Чигирина Турками и новыхъ татарскихъ нападеній, остатки населенія перебрались на лѣвый берегъ. На всей территоріи Украины оставался одинъ только козацкій полкъ, Подольскій, державшійся въ Брацлавщинѣ, съ полковникомъ Гоголемъ; но и тотъ, по приглашенію Собѣсскаго, перешелъ на Кіевское Полѣсье, въ Димирское староство. Общественная организація козацкой Украины распалась совершенно.

Украина, т. е. подольское, брацлавское и большая часть кіевскаго воеводства, обратилась въ пустыню. Можетъ быть, десятка два тысячъ еще ютилось въ рѣдкихъ и жалкихъ поселеніяхъ по окраинамъ этой пустыни, по берегамъ рр. Днѣпра и Днѣстра, не считая, конечно, большого турецкаго гарнизона въ Каменцѣ; но они не составляли Украины. Были люди, но не было общества. Дальше вглубь края пустыня дѣлалась уже совершенно безлюдной. Роскошныя нивы Украины заросли бурьяномъ; нигдѣ жилья человѣческаго, ни признака стадъ, которыми еще такъ недавно славилась Украина, только одичавшія собаки, размножившіяся до-невѣроятности, вели ожесточенную борьбу за существованіе съ господами степи волками; начали снова появляться даже и дикіе кони, которые сдѣлались было уже рѣдкостью, расплодились дикія козы, лоси и медвѣди. Лукьяновъ въ пять дней ѣзды черезъ Украинскую пустыню не встрѣтилъ живой души. Отъ Корсуня и Бѣлой-Церкви на Волынь, по словамъ Величка, можно было видѣть лишь безлюдные замки, высокіе валы которыхъ были пріютомъ дикихъ звѣрей, а повалившіяся стѣны, покрытыя мхомъ и поросшія бурьяномъ, служили прибѣжищемъ гадовъ. Всюду было полнѣйшее истощеніе. Подолье, со своимъ необычайнымъ плодородіемъ, не могло прокормить пятнадцати тысячъ каменецкаго гарнизона: муку, овесъ, ячмень—все принуждены были турки доставать изъ Молдавіи и Валахіи. Подольскіе кмети, разбѣжавшіеся при нашествіи турокъ, опять начали было собираться понемногу: но насильственныя дѣйствія со стороны турокъ снова и окончательно разгоняли ихъ: съ тѣхъ поръ до полнаго водворенія турокъ, на Подольѣ ютились лишь разбойничьи липки и др. бродяги, которые жили наѣздами и грабежомъ сосѣднихъ польскихъ областей. На ог-

ромной территоріи Барскаго староства совсѣмъ не было населенія, кромѣ небольшого числа черемисъ, тоже потерявшихъ привычки правильной осѣдлой жизни. Степную Украину съ ея скудными обитателями снабжало теперь хлѣбомъ Кіевское Полѣсье. Прекратилось торговое движеніе, заросли дороги, лишь немногочисленные караваны верблюдовъ, подъ сильнымъ турецкимъ конвоемъ, ходили по одному проторенному пути между Каменцомъ и Шаргродомъ, гдѣ пріютились восточные купцы, которые откупались отъ татаръ и которыхъ не трогали поляки, нуждавшіеся въ ихъ товарахъ.

Не стало населенія, не стало Украины. Три сосѣднихъ государства, еще такъ недавно и съ такимъ ожесточеніемъ боровшіяся за ея обладаніе, остановились передъ неожиданной дѣйствительностью: не за что стало бороться. Этотъ фактъ, такъ удачно прекратившій борьбу, остроуміемъ дипломатовъ былъ возведенъ въ принципъ. Между условіями Бахчисарайскаго мира, заключеннаго въ 1681 г. между Россіей и Турціей, есть слѣдующее: „Обѣ стороны свято обязуются отъ Кіева до Запорожья, по сторонамъ Днѣпра, не устраивать городовъ и мѣстечекъ". А когда Россія заключала съ Польшей такъ называемый вѣчный миръ (1686 г.), то между сторонами и вышло затрудненіе на счетъ тѣхъ разоренныхъ замковъ и городовъ, которые были отъ мѣстечка Стаекъ внизъ по Днѣпру по рѣкѣ Тясмину, и этотъ пунктъ уладили такъ, что та мѣстность должна оставаться пустой, какой она и теперь есть.

Дипломатія рѣшила обратить територію Украины въ вѣчную могилу, въ грандіозную надгробную плиту надъ свободолюбіемъ народа, который предпочелъ залить землю своей кровью и усѣять своими костями, лишь бы не подчиниться навязываемому ему подневольному режиму. Но жизнь не справлялась съ дипломатіей, и лишь только затихла вытоптавшая ее борьба, она всюду снова пустила свои отпрыски, такъ легко и быстро разроставшіеся на плодородной почвѣ Украины. И по мѣрѣ того, какъ жизнь снова возникала и укрѣплялась, она опять принимала старыя козацкія формы. Это и не могло быть иначе: вѣдь вплотную къ степной Украинѣ примыкало, съ одной сто-

роны, насквозь козацкое Запорожье, съ другой, Кіевское Полѣсье, которое теперь выступило на первый планъ въ судьбахъ края.

Кіевское Полѣсье, какъ и Волынь, во время Хмельнищины дѣйствовало заодно съ остальной Украиной; но такъ какъ привиллегированный классъ—князья и земяне на Волыни, застѣнковая шляхта, т. е. бояре на Полѣсьѣ—былъ здѣсь несравненно сильнѣе, то и умиротвореніе, въ смыслѣ присоединенія къ Польшѣ, наступило здѣсь еще въ то время, когда въ степяхъ кипѣла ожесточенная борьба: конечно, этому способствовало и укромное положеніе края, лѣсного и лежащаго въ сторонѣ. Теперь Кіевское Полѣсье очутилось на границѣ, съ одной стороны, Подольскаго пашалыката, съ другой—разоренной дикой степи. На немъ лежала тяжесть пограничной сторожи отъ мусульманскихъ сосѣдей, тяжесть, которую еще недавно несла на себѣ степная Украина. Польское правительство, сознавая это, стремилось организовать здѣсь усиленную защиту, но, по обыкновенію, наталкивалось на недостатокъ средствъ. Нельзя сказать, какъ бы оно вышло изъ затрудненія, еслибъ былъ иной король. Но Янъ Собѣсскій былъ страстный поклонникъ козачества, конечно, въ теоріи. Да и на практикѣ онъ охотно входилъ въ сдѣлки съ козаками, готовъ былъ смотрѣть снисходительно на ихъ преступныя, съ польской точки зрѣнія, дѣйствія, зналъ русскій языкъ, имѣлъ въ козацкой средѣ личныхъ хорошихъ знакомыхъ, если не друзей, и самъ пользовался между козаками такимъ расположеніемъ, что знаменитый кошевой запорожскій Сирко охотно помогалъ Собѣсскому, хотя Запорожье и тянуло вмѣстѣ съ лѣвобережной Украиной къ Москвѣ. Любимой мечтой Собѣсскаго, также какъ и его вѣрнаго помощника, великаго короннаго гетмана Яблоновскаго, было возстановить козачество, сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ искренно привязанное къ Польшѣ, и здѣлать изъ него оплотъ для борьбы съ мусульманскимъ востокомъ. Кіевское Полѣсье представлялось имъ удобной территоріей для осуществленія этой мечты. И вотъ Собѣсскій приглашаетъ Гоголя съ его козаками изъ Брацлавщины въ Димирское староство, какъ уже было сказано выше, и они пересе-

ляются, около тысячи человѣкъ: козаки должны были подчиниться власти короннаго гетмана, которую представлялъ польскій коммиссаръ или региментарь, и получали жалованье и сукно или право выбирать провіантъ съ населенія. Кромѣ того, к ролевская канцелярія выдавала „заповѣдные листы“ отдѣльнымъ лицамъ на право формировать вольныя козацкія дружины. Сначала эти листы выдавались только шляхтичамъ, потомъ только старымъ опытнымъ козакамъ, когда правительство убѣдилось, что шляхтичи выбиваются изъ послушанія мѣстнымъ военнымъ властямъ. Полки росли, какъ грибы послѣ дождя; но государству отъ нихъ было мало пользы, а краю—рѣшительное разореніе. На первомъ планѣ въ составѣ этихъ полковъ стояли обыватели шляхетскихъ околицъ (хотя далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ разсчитывалъ Собѣсскій, такъ какъ эти бывшіе когда-то русскіе бояре уже привыкли смотрѣть на себя, какъ на польскихъ шляхтичей, и считали унизительнымъ служить въ козацкихъ вольныхъ дружинахъ); затѣмъ всякій сбродъ изъ-за Днѣпра, съ Запорожья, мѣщане, бѣглые хлопы и т. д. Всегда стѣсненное въ средствахъ польское правительство предоставляло этимъ дружинамъ, вмѣсто жалованья, право выбирать съ обывателей „борошно“, т. е. обыватели обязывались не только кормить козаковъ, но и одѣвать, однимъ словомъ—удовлетворять всѣ ихъ потребности, а потребности, конечно, вещь растяжимая: къ нимъ могъ относиться не только провіантъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. мука, крупа, сухари, но и возы, упряжь, порохъ, свинецъ—на случай похода, и даже пиво, водка, медъ. Отсюда вытекали безконечныя столкновенія и злоупотребленія правомъ сильнаго. Козаки, число которыхъ быстро увеличивалось, дѣйствовали въ краѣ, какъ въ завоеванной странѣ. Мѣстная шляхта вопила къ трону о защитѣ и правосудіи, но тамъ дѣлали видъ, что ничего не слышатъ и не знаютъ: слишкомъ сильно было желаніе короля и стараго гетмана имѣть свое собственное козачество. На самомъ дѣлѣ, это импровизированное козачество совсѣмъ не имѣло въ себѣ ничего козацкаго, кромѣ внѣшнихъ формъ, приближаясь скорѣе къ подворнымъ панскимъ козацкимъ милиціямъ, чѣмъ къ настоящему козачеству. Оно не имѣло и

не могло имѣть въ себѣ козацкаго духа, такъ какъ ничѣмъ внутренно не было связано съ территоріей, на которой дѣйствовало, ни съ ея населеніемъ, не было ни въ какомъ смыслѣ его представителемъ, какимъ было настоящее козачество. Немудрено поэтому, что подобное искусственное козачество легко вырождалось чуть что не въ разбойничьи шайки, для которыхъ не было своихъ и чужихъ, которыя равно охотно бились съ басурманами, какъ обдирали сосѣднихъ земянъ, кметей или даже себѣ подобныхъ козаковъ. Но это полѣсское, или „лѣсное", козачество имѣло большое значеніе для той вновь зарождающейся жизни въ степяхъ, о которой мы говорили выше. Какъ только степнымъ козакамъ становилось слишкомъ трудно держаться на своей одичалой Украинѣ, они являлись на Полѣсье, получали здѣсь необходимую имъ поддержку и опять исчезали въ дикой и вольной степи. Такой поддержкой Полѣсья выросъ и Палій, въ лицѣ котораго въ послѣдній разъ ярко вспыхнуло къ жизни украинское козачество.

Такую роль играло Полѣсье, а слѣдовательно и Польша, во вновь возникающей жизни на Украинѣ. Но и Турція не могла оставаться безучастной. Турки не видѣли никакихъ выгодъ отъ Бучацкаго договора, такого, на взглядъ, блестящаго: пустынный край не только ничего не приносилъ, но требовалъ еще большихъ расходовъ. Естественно было туркамъ подумать о какихъ нибудь мѣрахъ для измѣненія положенія. Въ 1682 г. султанъ передалъ Украину вмѣстѣ съ гетманскимъ достоинствомъ молдавскому господарю Дукѣ съ обязательствомъ жить здѣсь. Дука дѣятельно принялся за колонизацію своихъ новыхъ владѣній. Колонизація пошла успѣшно. Изъ-за Днѣстра двигаются молдаване и селятся вдоль береговъ рѣки; изъ-за Днѣпра возвращаются цѣлыми громадами „прочане" и расходятся по Украинѣ, стремясь въ тѣ мѣста, гдѣ отцы ихъ пользовались козацкою волей. Переселяясь на лѣвый берегъ Днѣпра, они обращались большею частію въ посполитыхъ, и теперь, на призывъ Дуки, недовольные лѣвобережными порядками, они охотно шли назадъ на свои пепелища. Это обратное переселеніе достигаетъ такихъ размѣровъ, что лѣвобережный гетманъ Самойловичъ при-

ходитъ въ тревогу и принимаетъ чрезвычайныя мѣры. Козаки Самойловича пытаются силою задержать народъ; на переправахъ происходятъ настоящія битвы, съ кровопролитіемъ и трупами, но это не помогаетъ, какъ не помогаютъ дипломатическіе переговоры. Украина оживаетъ: Брацлавъ, Чигиринъ, Богуславъ, Хвастовъ, Черкассы снова заселяются настолько, что появляются полки соотвѣтствующихъ названій, отстраиваются села, появляются и церкви, и колокольный звонъ заставляетъ забывать, что дѣло идетъ о турецкой территоріи. Дука, человѣкъ тихій, мягкій, къ тому же обезпеченный доходами молдавской земли, ничего не требовалъ отъ своихъ новыхъ подданныхъ, кромѣ признанія своей власти; а Турки только что пережили Вѣну. Немудрено поэтому, что колонизація началась такъ удачно.

Это удачное начало турки задумали укрѣпить и развить, обратившись за помощью къ тѣни великаго перваго вождя, поднявшаго Украину. Въ 1685 г. султанскимъ фирманомъ вызывается къ существованію новое удѣльное княжество Сарматія, и, какъ выходецъ изъ давно заброшенной и позабытой могилы, появляется на историческую сцену новый украинскій гетманъ съ титуломъ удѣльнаго князя Сарматіи Юрій Хмельницкій, ничтожный сынъ своего отца. Ограниченный, тщеславный, эпилептикъ, онъ уже и своимъ образованіемъ на панскую ногу былъ оторванъ отъ народной среды, а во время своихъ долгихъ скитаній на чужбинѣ, по преимуществу въ Турціи и Крыму, растратилъ тѣ остатки нравственныхъ понятій, какія могли еще его связывать съ родною почвой. Конечно, не на такой опорѣ могла Турція создать что-нибудь прочное: сверхъ всего, Хмельницкій возбуждалъ къ себѣ недовѣріе и презрѣніе русскаго населенія, какъ разстрига. Не смотря на громкій титулъ, территоріальный районъ его владѣній былъ ограниченный. За годъ до возникновенія княжества Польша отдала въ распоряженіе козачества всѣ земли между рр. Тясьминомъ, Тикичемъ и Кіевскимъ Полѣсьемъ, т. е. бывшую территорію полковъ чигиринскаго, каневскаго, корсунскаго, черкасскаго, уманскаго, кальницкаго и бѣлоцерковскаго. Отсюда не слѣдуетъ заключать,

конечно, что эти земли были въ полномъ распоряженіи Польши; но можно заключить, что польское вліяніе было здѣсь сильнѣе турецкаго, и, слѣдовательно, Сарматія не могла имѣть сюда никакихъ дѣйствительныхъ притязаній. Оставалась для нея лишь территорія полка брацлавскаго и небольшая часть Подоліи, остававшаяся за предѣлами пашалыката. Столицей княжества былъ Немировъ, раньше многолюдное мѣстечко, отъ котораго къ описываемому времени сохранились лишь развалины, гдѣ ютилось нѣсколько несчастныхъ полуодичалыхъ еврейскихъ семей. Князь явился въ свое княжество подъ охраной военнаго отряда, состоящаго частью изъ турокъ, частью изъ всякаго сброда, липковъ, волохъ, босняковъ, болгаръ, бѣглыхъ червонорусскихъ кметей и т. д.; построилъ кое-какое помѣщеніе для себя, своего двора и гарема, который онъ держалъ, какъ истинный вассалъ султана. Надо было княжить, а главное жить. Но чѣмъ, т. е. на чей счетъ, жить? Территорія княжества, и въ указанныхъ выше, ограниченныхъ, предѣлахъ, все же была довольно обширна; но населеніе было крайне скудно, и главное— совсѣмъ не расположено платить и постоянно готово сняться со своихъ еще ненасиженныхъ, какъ слѣдуетъ, мѣстъ. По этому поводу вышло столкновеніе съ брацлавскимъ полковникомъ Коваленкомъ, котораго Хмельницкій убилъ собственноручно; русское поселеніе было возмущено окончательно. Пробовалъ Хмельницкій дѣлать грабительскіе набѣги со своимъ сбродомъ на Червонную Русь, но Польша находилась въ періодѣ подъема своего духа, и всюду была такая бдительность и осторожность, что эти набѣги не могли ничего дать. Оставалось прибѣгать къ экстреннымъ мѣрамъ въ родѣ прямого обдирательства своихъ подданныхъ. Такихъ подданныхъ, которыхъ стоило бы обдирать, конечно, было немного, но они были. Въ Немировѣ жилъ богатый еврей Аронъ, или Орунъ, торговецъ невольницами; онъ-то и сдѣлался жертвой Хмельницкаго. Однако такая внутренняя политика князя не понравилась туркамъ; они вызвали Хмельницкаго и казнили его. Такимъ образомъ княжество Сарматія покончило черезъ два года свое эфемерное существованіе.

Трудно сказать, сколько правды заключается въ этомъ эффектномъ эпизодѣ столкновенія Хмельницкаго съ Оруномъ, такъ какъ южнорусскіе, польскіе и армянскіе писатели различно разсказываютъ исторію окончательнаго исчезновенія Юрія Хмельницкаго съ исторической сцены. Но самъ Орунъ, какъ типъ, если не какъ индивидуальность, есть несомнѣнная горькая историческая правда. Да нѣтъ основаній заподозрѣвать Оруна и какъ личность, такъ какъ народъ Украины еще въ половинѣ настоящаго столѣтія пѣлъ о немъ:

Буде дивка, Орунъ купыть,
Колыбъ тильки гарна...

Такъ ужасно одичала жизнь на Украинѣ, что матери продавали своихъ малолѣтнихъ дочерей тому или другому Оруну, знакомому съ секретами калотехники, который воспитывалъ изъ простыхъ сельскихъ дивчатъ съ ихъ безъискусственной красотой настоящихъ гаремныхъ одалискъ: создавая цѣлыми годами усилій и соотвѣтствующихъ приспособленій утонченную красоту, онъ въ то же время систематически убивалъ въ своихъ воспитанницахъ нравственное чувство, такъ что подобная гурія, вышедшая изъ искусныхъ рукъ своего воспитателя, уже и не мечтала ни о чемъ, кромѣ лѣни и роскоши гарема.

Торговля людьми была до сихъ поръ лишь принадлежностью крымскихъ татаръ; теперь и на Украинѣ стали появляться люди, достаточно предпріимчивые и безсовѣстные, чтобъ сдѣлать изъ торговли своими братьями источникъ наживы. Можно указать, напр., на Шпака, одного изъ ватажковъ или полковниковъ, который, пользуясь смутой, царившей на Украинѣ въ началѣ 18-го в., уводилъ толпы украинцевъ и продавалъ ихъ въ крымскихъ владѣніяхъ. Имя Шпака до сихъ поръ держится въ народной памяти въ названіи Шпаковаго шляха по направленію отъ Немирова къ Балтѣ.

Турція еще пыталась было и послѣ Юрія Хмельницкаго назначать отъ себя гетмана, но уже въ 1688 г. въ Немировѣ жилъ въ качествѣ наказного козацкаго атамана шляхтичъ Куницкій, поставленный Собѣсскимъ. Районъ турецкаго вліянія, все съуживаясь, наконецъ заключается въ Каменцѣ-Подольскомъ, не выходя за предѣлы его стѣнъ; самъ городъ находится въ

такой блокадѣ, что турецкій гарнизонъ не могъ, какъ говорится, показать носа за эти стѣны. Такимъ образомъ, когда въ силу Карловицкаго мира, заключеннаго въ 1699 г., край былъ возвращенъ Польшѣ, то туркамъ оставалось только выступить изъ Каменца и ничего больше.

И такъ, къ началу 18-го в. положеніе дѣлъ было такое. Украина снова принадлежала Польшѣ, теперь уже на правахъ завоеваннаго края. Но жизнь, между тѣмъ, успѣла пустить ростки по всей роскошной территоріи Украины, и ростки отъ стараго корневища—тѣ же упорные, русско-козацкіе, не совмѣстимые съ существованіемъ польскаго общественнаго строя. Новое населеніе опять вязалось въ полки, выбирало полковниковъ и не хотѣло и слышать о подданствѣ: „сама натура каждаго хлопа, особенно въ тѣхъ краяхъ, между козаками, всегда побуждаетъ къ бунтамъ противъ пановъ", какъ выражается одинъ польскій современникъ-шляхтичъ. А въ хаотическомъ броженіи чувствовалось присутствіе направляющаго начала, исходящаго отъ сильной личности одного человѣка, который безъ всякаго уполномочія, признанія гетманскаго титула былъ главнымъ руководящимъ двигателемъ украинской жизни въ данный моментъ. Мы подразумѣваемъ хвастовскаго полковника Семена Палія.

Вмѣстѣ съ талантами дипломата, администратора и полководца Палій соединялъ въ себѣ ту особую силу, которая окружаетъ извѣстныхъ людей обаяніемъ, дѣйствующимъ на души не только современниковъ, но и потомства. У Палія это его обаяніе связано было несомнѣнно съ той его характерной чертой, что онъ не допускалъ противопоставленія козацкихъ интересовъ хлопскимъ, всюду являясь сторонникомъ не козацкой привиллегированности, а общенародной независимости. Палій утвердился въ степной части Кіевскаго воеводства, примыкающей къ Полѣсью, укрѣпился въ Хвастовѣ и колонизовалъ Хвастовщину. Но ему было, вѣроятно, все таки трудно держаться въ степи, и въ 1689 г. онъ появляется на Полѣсьѣ, пользуясь тѣмъ покровительствомъ, какое здѣсь оказывалось козачеству. И не только въ степи, но и на Полѣсьѣ Палій утвердился такъ прочно, не смотря на жалобы шляхты, на неудовольствіе мѣстнаго коза-

высшей инстанціи: шляхтичи просили помощи у „вельможнаго пана Палія“ не только въ своихъ затрудненіяхъ по отношенію къ подданнымъ, но и во взаимныхъ спорахъ и недоразумѣніяхъ. Стало и лѣсное козачество примыкать къ степовой „палівщинѣ“. Остальные полковники организующихся украинскихъ полковъ, Самусь, Искра, Абазинъ видѣли въ Паліѣ свой центръ и подчинялись ему. Свободное степовое козачество росло и крѣпло, а Польша, имѣя подъ бокомъ Турцію, относилась къ этому росту съ благосклонной снисходительностью. Положеніе рѣзко измѣнилось съ полнымъ вытѣсненіемъ турокъ: къ тому же умеръ и покровитель козачества Собѣсскій, за три года до Карловицкаго мира. Тотчасъ же за заключеніемъ этого мира появляется сеймовая конституція, совершенно уничтожающая козачество на всей территоріи польскаго государства, слѣдовательно, не только Полѣсья, но и вновь присоединеннаго Подолья и Украины. Тѣмъ самымъ все населеніе Украины обращалось въ подданство панамъ, которые тотчасъ же должны были явиться, чтобы занять свои старыя имѣнія. Но невозможно было и предположить, чтобъ на этой почвѣ, пропитанной кровью, пролитой за свободу, дѣло могло обойтись мирно. Борьба была неизбѣжна. Уже въ 1702 г. снова все было въ огнѣ, и Кіевщина, и Брацлавщина, и Подолье, весь край вплоть до Волыни, гдѣ многочисленные земяне успѣли съорганизоватися во-время и удержать хлоповъ. И Польша, терзаемая снова внутренней войной, не могла справиться съ своими бунтующими подданными: Палій былъ сломленъ лѣвобережнымъ гетманомъ Мазепой. Но еще нѣсколько лѣтъ длились волненія, которыя питались политической смутой, царившей эти годы на сѣверо-востокѣ Европы подъ именемъ великой сѣверной войны. Наконецъ, затихли и эти внѣшніе толчки, волновавшіе несчастный край,— все затихло; старая жизнь замерла окончательно. Но тотчасъ же на смѣну ея ворвалась новая торжествующая волна, которая залила и погребла подъ собой, вмѣстѣ съ козачествомъ, и русскую національную стихію Украины.

А. Ефименко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО[1].

Начало моей учительской службы.

Приступая съ майской книжки „Кіевской Старины" этого года къ продолженію своихъ воспоминаній, послѣ трехлѣтняго перерыва, я долженъ бы, придерживаясь хронологіи, начать свои очерки не съ Немировской гимназіи, а съ Винницкой; но такъ какъ гимназія эта въ 1847 г. изъ Винницы переведена въ Бѣлую Церковь, то о шестимѣсячномъ моемъ пребываніи въ Винницѣ я предполагалъ разсказать тогда, когда доберусь до Бѣлоцерковской гимназіи, куда я назначенъ въ 1862 году; но нѣкоторые изъ моихъ читателей заявили желаніе познакомиться съ началомъ моей службы раньше этого времени, а потому, уступая такому желанію, я обращаюсь къ гимназіи Винницкой.

Ровно 50 лѣтъ тому назадъ, а именно 9 сентября 1844 года, попечителемъ кн. Давыдовымъ подписана бумага о моемъ назначеніи учителемъ русскаго языка въ параллельныхъ классахъ Винницкой гимназіи. Недѣли черезъ двѣ, наканунѣ моего выѣзда изъ Кіева, въ памятномъ всѣмъ намъ, оставшимся въ живыхъ, погребкѣ въ оградѣ Братскаго монастыря собрались друзья, земляки мои, на проводы.

Жаль только, что мнѣ не изъ чего было слишкомъ раскошелиться: 100 рублей третного, за вычетомъ 10% въ пользу инвалидовъ и за уплатой долга незабвенному ректору В.

[1]) См. „Кіев. Стар." 1894 г. № 10.

Ѳ. Ѳедорову, на оставшіяся деньги сдѣлана была форменная пара, небольшой запасъ бѣлья—и расходъ сталъ равенъ приходу. Накурившись и наговорившись вдоволь, мы прошлись по набережной, покатались по Днѣпру, и конецъ угощенію.

На другой день, по рекомендаціи одного изъ товарищей, въ институтъ явился „попутчикъ", какой-то панъ Петржицкій. Хотя у меня имѣлась казенная подорожная, но мы условились съ паномъ поѣхать на долгихъ проселками.

Около пяти часовъ вечера къ университетскому зданію подъѣхала жидовская балагула; мы съ паномъ влѣзли въ нее, какъ въ пещеру, и тронулись въ путь. Добрашевъ вызвался провесть меня за городъ. На четвертой верстѣ старой Житомірской дороги мы разстались. Фуръ, фуръ, фуръ! Прощай студенчество! [1]).

...Невеселую картину представляло 50 лѣтъ тому назадъ путешествіе по Заднѣпровской Украинѣ. Тяжело и смутно становилось на душѣ при взглядѣ на бѣдныя деревушки, разбросанныя тамъ и сямъ по равнинамъ, на изнуренныя лица крестьянъ, съ рѣзкимъ отпечаткомъ глубокой грусти, свидѣтельствовавшей о крѣпостномъ гнетѣ, тяготѣвшемъ надъ многими поколѣніями. Какой просторъ,какая благодать—и такое стѣсненіе, такая бѣдность!... Нестройно, безпорядочно тѣснятся бѣленькія хатки, разбросанныя безъ всякой симметріи надъ прудомъ по косогору, то прижимаясь любовно одна къ другой, то расходясь на далекое разстояніе, какъ поссорившіеся нищіе. Почти рядомъ съ ними гордо возвышается пышный палацъ, который словно всосалъ въ себя благосостояніе цѣлыхъ поколѣній хлоповъ, оставивъ на ихъ долю бѣдность и нищету. Это жилище магната, но его здѣсь нѣтъ, онъ постоянно живетъ за границей, отдавъ имѣнія свои въ распоряженіе управляющаго, который изъ всѣхъ силъ побивается надъ тѣмъ, чтобы извлечь какъ можно больше доходовъ и для своего патрона, и для себя, не думая о томъ, чего стоитъ народу его усердіе...

---

[1]) Обильный приключеніями путь мой отъ Кіева до Винницы описанъ мною еще въ 1864 г. (Кіевлянинъ №№ 69 и 70). Здѣсь помѣщается уцѣлѣвшій у меня отрывокъ изъ моихъ „путевыхъ впечатлѣній".

Разставленные по перекресткамъ высокіе размалеванные, кресты, именуемые „фигурами“, разными орнаментами, чуждыми православію, живо напомнили мнѣ о господствѣ въ краѣ католицизма и о недавнихъ ужасахъ уніи. Огражденные толстыми стѣнами кляшторы, имѣющіе видъ военныхъ укрѣпленій, какъ могильные призраки, пугаютъ воображеніе путника, напоминая ему о страшной силѣ іезуитовъ, укрывавшихся за этими „мурами“ отъ праведной кары неутомимыхъ поборниковъ вѣры и независимости Украины—козаковъ. Жиды, по извѣстному проекту іезуита, замѣнивъ собой среднее сословіе, налегли тяжелымъ гнетомъ на крѣпостное населеніе; пользуясь протекціей пановъ, они захватили въ свои хищныя руки всю промышленность страны, сплотившись въ дружную корпорацію тунеядцевъ, потребляющихъ производительный трудъ земледѣльческаго сословія. Эти всемірные граждане обрѣли въ Посполитой Речи свою обѣтованную землю; но вытѣснивъ собой среднее сословіе изъ государства, они не только не связали разрозненные члены государственнаго организма—шляхту и хлоповъ, но еще болѣе расширили раздѣлявшую ихъ пропасть...

Вечерѣло. Утомленныя лошади пріободрились, почуявъ тихое пристанище—„заѣздный домъ“, съ виду очень похожій на мышеловку, какъ всѣ еврейскіе постоялые дворы. Въ переднія ворота мы въѣхали съ большимъ почетомъ: насъ встрѣтилъ самъ хозяинъ со всѣмъ своимъ семействомъ, суля намъ все, что только можно придумать для комфорта проѣзжающихъ. Предоставивъ пану полную автономію вести переговоры съ хозяиномъ о ночлегѣ, я вышелъ за ворота полюбоваться на картину осенняго вечера и поразмыслить наединѣ объ избранномъ мною поприщѣ педагога. Неясныя мысли о будущемъ невольно смѣшались съ мечтами о прошломъ. Мнѣ было невыразимо грустно. Черезъ часъ меня позвали „до коляціи“—ѣсть какую-то маринату-рыбу, по обычаю еврейскому немилосердно пропитанную перцемъ.

На другой день съ сѣвера подулъ сырой и холодный вѣтеръ, пошелъ мелкій и частый дождь, по улицѣ потекли ручьи. Закутавшись съ головой въ студентскую шинель я, хотя уже и

не спалъ, но притворился спящимъ. Монотонное дребезжаніе изломанной ставни, глухое завываніе вѣтра, стукъ дождевыхъ капель въ бумажку, которою заклеено было разбитое стекло. какія-то дикія взвизгиванія и бормотанье стоявшаго на молитвѣ въ сосѣдней к мнатѣ шинкаря—все это наводило на душу страшную тоску, напоминая мнѣ о томъ, что беззаботная жизнь въ институтѣ прошла невозвратно...

Историческій очеркъ Винницкихъ школъ до 1832 г.

Народное образованіе въ юго-западномъ краѣ до конца XVI столѣтія было дѣломъ свободной профессіи, не подлежавшей контролю правительственной власти, чѣмъ не преминули воспользоваться отцы іезуиты для цѣлей пропаганды и въ началѣ XVII вѣка всецѣло завладѣли образованіемъ юношества. Хотя впослѣдствіи къ нимъ присоединились и другіе монашескіе ордена, но преобладающая роль осталась за послѣдователями Лойолы. Предоставивъ первоначальное образованіе піарамъ, базиліанамъ и другимъ монашескимъ орденамъ, они забрали въ свои руки главнымъ образомъ среднее и отчасти высшее образованіе, такъ какъ эти два послѣдніе разряда обученія предназначены исключительно для правящихъ классовъ, которые іезуитамъ необходимо было подчинить своему вліянію, чтобы руководить ихъ дѣйствіями.

Въ 1610 году въ Винницѣ о.о. іезуиты открыли „подъокружную“ школу, съ конвиктомъ при ней, на средства Брацлавскаго старосты Калиновскаго. Школа эта сразу обратила на себя вниманіе мѣстныхъ обывателей и стала пользоваться всеобщимъ уваженіемъ. Какъ извѣстно, педагогическая опытность іезуитовъ обратилась въ традиціи, одушевлявшія и ихъ ближайшихъ преемниковъ, такъ что и послѣ изгнанія іезуитовъ (1773 г.) Винницкія школы удержали за собой первенствующее значеніе въ краѣ и въ 1785 году возведены были на степень „окружныхъ“ школъ на мѣсто школъ Житомірскихъ.

Собственно Винницкая гимназія учрежденіемъ своимъ обязана неутомимой дѣятельности Ѳаддея Чацкаго, который, одна-

кожъ, собравъ для нея значительныя средства изъ пожертвованій магнатовъ (болѣе полмиліона рублей), не дожилъ до ея открытія: онъ умеръ 9 февраля 1813 года. Заведеніе и устройство школъ были пламенной мечтой всей его жизни, посвященной исключительно народному образованію, въ которомъ онъ видѣлъ szczęście rodaków и о которомъ не переставалъ заботиться, лежа на смертномъ одрѣ. По мысли Чацкаго Винницкая гимназія должна была стать для Подоліи тѣмъ, чѣмъ для Волыни впослѣдствіи сдѣлался Кременецкій лицей: „заведеніемъ, готовящимъ юношество сдѣлаться образованными гражданскими дѣятелями". По плану Чацкаго гимназія дѣлилась на 4 годичные класса и на 4 годичные курса, обнимавшіе высшія науки: философію, физику, науки политическія, мѣстное и римское права и проч. Всѣхъ преподавателей должно было быть 18 человѣкъ, изъ коихъ половина со степенью магистра и доктора. Хотя въ Винницѣ, по Высочайшему повелѣнію, и была открыта гимназія одновременно съ Кременецкимъ лицеемъ, но проектъ Чацкаго, по недостатку средствъ, не могъ осуществиться: устройство ново-открытой гимназіи въ первые три года ея существованія представляется далеко не въ такомъ видѣ, въ какомъ желалъ ее видѣть Чацкій.

Гимназія дѣлилась на 6 классовъ, изъ которыхъ первые два были какъ бы подготовительными; въ нихъ преподавалась грамматика польская и латинская, географія и ариѳметика, учителя назывались „младшими" и имѣли по 20 уроковъ и получали по 300 рублей жалованья. Въ четырехъ высшихъ классахъ было 5 учителей предметовъ и одинъ (самъ директоръ Маціовскій) законоучитель. Одинъ учитель преподавалъ высшую ариѳметику, геометрію и логику; другой—естественную исторію, физику и химію; третій—науку нравственности, исторію и географію; четвертый — литературу всеобщую и польскую; пятый—исторію литературъ греческой и римской, древности, чтеніе авторовъ. Преподаватели эти назывались „старшими" и имѣли по 16 уроковъ, получая по 400 рублей жалованья. Затѣмъ были учителя иностранныхъ языковъ: русскаго, французскаго и нѣмецкаго, имѣвшіе по 12 уроковъ и получавшіе по 240 рублей.

Въ такомъ видѣ гимназія просуществовала до 1824 года, затѣмъ, по причинѣ обнаруженнаго въ Виленскомъ университетѣ вреднаго направленія, училища Виленскаго учебнаго округа подверглись радикальному преобразованію, не минувшему и гимназіи Винницкой: высшіе классы были закрыты и оставлены только 4 класса. Наконецъ революція 1831 года прекратила существованіе какъ высшихъ, такъ и среднихъ учебныхъ заведеній; что же касается низшихъ училищъ, то, по свидѣтельству В. Я. Шульгина, въ нашемъ юго-западномъ краѣ ихъ закрыто 275, не считая школъ монашескихъ и приходскихъ [1]).

6 декабря 1832 года въ Винницѣ, по Высочайшему повелѣнію, вновь открыта гимназія по уставу 1828 года, общему для всѣхъ заведеній имперіи, съ коренными русскими преподавателями. Директоромъ ея назначенъ Фовицкій, а инспекторомъ Рябоконовъ. Въ началѣ 1840 года Фовицкаго смѣнилъ учитель русской словесности А. А. Яковлевъ, подъ управленіемъ котораго и началась моя педагогическая служба.

Если пропаганда дореформенныхъ школъ, которыми неутомимый польскій патріотъ Чацкій, какъ сѣтью, опуталъ весь сѣверо-западный и юго-западный край, направлена была къ широко задуманной цѣли—ополяченію кореннаго русскаго населенія, то возрожденное образованіе края во образѣ новооткрытыхъ заведеній было направлено къ совершенно противоположной цѣли: новыя училища обязаны были не только располячить ополяченное русское населеніе, но и самихъ поляковъ сдѣлать русскими.

Въ силу такихъ требованій правительственной власти, наша учительская служба въ гимназіяхъ юго-западнаго края, особенно въ 10—15 лѣтъ послѣ реставраціи училищъ, представляла такія трудности, какія не встрѣчаются въ чисто русскихъ губерніяхъ. Тамошніе преподаватели, преслѣдуя одни научно-воспитательныя цѣли,—которыя, собственно говоря, и должны составлять главную задачу педагогической дѣятельности каждаго наставника,—не знаютъ тѣхъ часто непреодолимыхъ пре-

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1882 г.; Юбилейная записка Каменецъ-Подольской гимназіи Михалевича и Подольская гимназія въ Винницѣ его же. 1690 года.

пятствій, на которыя наталкивались мы, служившіе въ ополяченномъ краѣ лѣтъ 50 тому назадъ. Упорныя и неутомимыя дѣйствія католическо-польской пропаганды, шедшія въ разрѣзъ съ нашими чисто-русскими стремленіями, тормозили и парализовали всѣ наши усилія. Невольно опускались руки и терялась энергія, когда приходилось убѣждаться, что самые блистательные успѣхи нашихъ питомцевъ не только не приносили ни малѣйшей пользы русскому дѣлу, но совершенно напротивъ: каждый изъ нашихъ учениковъ чѣмъ больше развивался, тѣмъ болѣе становился способнымъ вредить русскому дѣлу въ краѣ. 1863 годъ служитъ тому доказательствомъ.

Винницкая гимназія въ 1844—45 году.

Difficile est satyram non scribere.

Добравшись до Винницы, я остановился неподалеку отъ гимназіи въ одномъ изъ множества „заѣздныхъ домовъ". Хотя въ настоящее время, съ проведеніемъ желѣзной дороги, городъ этотъ между уѣздными городами Подольской губерніи считается однимъ изъ лучшихъ, но въ 40-хъ годахъ онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ городовъ юго-западнаго края. Безобразно скученные постоялые дворы, крытые черепицей и соломой, улицы кривыя, узкія, наполненныя навозомъ и падалью, казалось, предназначены были скорѣе для стойла скотамъ, чѣмъ для сообщенія людямъ; полуразвалившіяся лачуги безъ дворовъ и заборовъ, безпорядочно разбросанныя по окраинамъ, вездѣ смрадъ и нечисть произвели на меня удручающее впечатлѣніе.

Отбившись отъ нашествія цѣлой оравы жидовъ, съ нахальствомъ предлагавшихъ свои товары, и напившись чаю изъ грязнѣйшаго самовара, я легъ спать, но увы! провозившись всю ночь съ насѣкомыми, не могъ уснуть ни на минуту.

На другой день, разбитый дорогой и изнуренный безсонницей, облекшись въ дѣвственный вицъ-мундиръ, я отправился представиться начальству; но попасть къ нему не такъ то было легко, какъ мнѣ казалось. Встрѣтилось непреодолимое препят-

ствіе; черезъ улицу, отдѣлявшую постоялые дворы отъ гимназіи и представлявшую на сей разъ подобіе огромнаго корыта, до верху наполненнаго жидкою грязью, мнѣ никоимъ образомъ нельзя было перебраться въ мелкихъ калошахъ, въ какихъ въ семъ іудейскомъ градѣ никто не ходилъ, вооружаясь охотничьими сапогами съ высокими голенищами. Видя меня, въ раздумьи стояща на берегу этого мертваго моря, ко мнѣ подошелъ, шлепая по колѣни въ грязи, жидокъ съ метелками и щетками и за „злотувку“ предоставилъ въ мое распоряженіе свою спину для переправы черезъ улицу. Я обхватилъ его за шею руками, а онъ взялъ подъ колѣнки мои длинныя ноги и такимъ манеромъ перенесъ меня на тротуаръ подъ гимназическую ограду. Вошедши въ гимназическій дворъ, я былъ пораженъ непривлекательнымъ видомъ сего святилища наукъ: облупленныя стѣны, разбитыя стекла, полуразвалившіяся надворныя постройки, соръ, нечистота — все это скорѣе напоминало кіевскія арестантскія роты, чѣмъ учебно-воспитательное заведеніе. По двору, вмѣстѣ съ учениками, ходили коровы и свиньи, а въ недостроенномъ костелѣ помѣщались директорскія лошади. Мнѣ указали квартиру директора, но тутъ-же одноглазый сторожъ въ рваномъ полушубкѣ добавилъ, что я напрасно такъ рано пришелъ—„они еще почиваютъ“. А вѣдь было уже болѣе девяти часовъ. По длинному темному коридору, напоминавшему тунель, я отправился въ канцелярію дожидаться пробужденія его высокородія; но прежде чѣмъ попасть туда, я долженъ былъ выдержать бой съ дикой козой, которую, потѣхи ради, г. директоръ держалъ на коридорѣ и которая сильно бодалась при встрѣчѣ съ незнакомыми. Проходя мимо директорской кухни, я услышалъ визгливый бабій крикъ и плачъ множества дѣтей. Хотя производитель сего многочисленнаго семейства спалъ на другой половинѣ квартиры, но все-таки нельзя было не подивиться, какъ онъ могъ спать при такомъ содомѣ. Ровно въ половинѣ одиннадцатаго „они“ изволили проснуться и въ халатѣ, съ трубкою въ зубахъ, пожаловать въ канцелярію подписывать бумаги. Процессомъ этого подписыванія, какъ я узналъ потомъ, и ограничива-

лась педагогическая дѣятельность г. директора на пользу молодого поколѣнія.

Личность моего перваго начальника не внушила мнѣ страху. Маленькая, тщедушная фигурка лѣтъ сорока, съ большущими ушами и вздутымъ вверхъ хохолкомъ, съ выдающеюся впередъ нижнею челюстью, напоминала скорѣй обезьяну, чѣмъ директора гимназіи. Не смѣя долѣе отнимать у начальства драгоцѣннаго времени, я откланялся и пошелъ отыскивать инспектора въ томъ же корпусѣ.

Сей второй чинъ училищной администраціи своею массивностію представлялъ совершенный контрастъ съ неказистой наружностью директора. Не смотря, однакожъ, на свой исполинскій ростъ, вся фигура его отъ чрезмѣрной толщины казалась какъ бы приплюснутой. Словно подъ ударомъ 30 типудовой шелепуги, голова его съ пивной котелъ вдавлена между могутныхъ плечъ, которыя, вслѣдствіе такого насильственнаго давленія сверху, поднялись да такъ и остались приподнятыми навсегда. Лицо тоже казалось приплюснутымъ, и скулы его жирныхъ щекъ пошли какъ бы врозь. Ходилъ онъ съ перевальцемъ легко и игриво расшаркиваясь, какъ будто онъ собирался танцовать французскую кадриль. Говорилъ онъ сиплымъ отъ одышки голосомъ. Для перваго знакомства инспекторъ заявилъ, что онъ— товарищъ по ученію знаменитаго математика Остроградскаго, разсказавъ при этомъ анекдотъ изъ школьной жизни, указывавшій на ихъ близкія отношенія. Но этимъ анекдотомъ, какъ равно и тѣмъ фактомъ, что онъ былъ учителемъ Гоголя—ничто не доказано: случайное сближеніе съ знаменитостями нисколько не возвысило въ моихъ глазахъ этого толстяка, никогда, повидимому, не думавшаго о наукѣ и поэзіи, а угождавшаго лишь своему необъятному чреву. Это былъ тотъ самый педагогъ, который въ концѣ 20-хъ годовъ былъ нѣкоторое время учителемъ географіи въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ и котораго Гоголь въ письмѣ къ В. В. Тарнавскому называетъ „Мазепичемъ Самойленкомъ [1]).

---

[1]) Вообще авторъ „Мертвыхъ душъ" весьма мало уважалъ своихъ наставниковъ, ничему его не научившихъ. „Существователи, населяющіе Нѣжинъ (говоритъ

Супруга Мазепича Антонина, принявшая православіе католичка, хотя уже особа не первой молодости, но до крайности сантиментальная, мечтавшая о гусарахъ и метавшая томные взоры изъ-подъ черныхъ бровей. Въ припадкѣ супружеской нѣжности Алексѣй Миничъ называлъ ее черноокой Ниной.

Нерадостныя мысли о будущемъ смѣнились заботами о настоящемъ: нужно было пріискать квартиру и устроить свое холостое хозяйство. На постояломъ дворѣ я не могъ оставаться ни одного дня; при мысли о жидахъ и клопахъ, меня бросало въ дрожь и лишало возможности сосредоточиться. Но какъ мнѣ пуститься на поиски за квартирой, когда и до постоялаго двора нельзя добраться? А тутъ какъ на зло и верховаго жидка не случилось.

Грустный и обезкураженный ходилъ я подъ „мурами", не зная, чтó предпринять въ сей странѣ враждебной, какъ вдругъ совершенно неожиданно столкнулись мы съ кіевскимъ моимъ пріятелемъ *М. В. Покорскимъ*: почти одновременно со мной онъ былъ назначенъ уѣзднымъ Винницкимъ судьей и, пріѣхавъ пока одинъ безъ семьи, очутился въ такомъ же невеселомъ настроеніи, какъ и я. Вотъ такъ встрѣча! Радости моей не было границъ, а судья отъ сильнаго душевнаго волненія даже прослезился. Въ концѣ тротуара его ожидали лошади, такъ какъ къ самому суду подъѣхать не было никакой возможности, не утопивъ лошадей. Не заходя на постоялый дворъ, я послалъ мишуриса за вещами и переселился на квартиру Максима Васильевича и прожилъ тамъ около двухъ недѣль, до пріѣзда его семейства.

Жизнь моего пріятеля была преисполнена такихъ превратностей, что онъ не могъ не сдѣлаться нѣсколько страннымъ и своеобразнымъ, что не мало вредило его служебной карьерѣ. Хотя онъ и не происходилъ изъ духовнаго званія, но за неимѣніемъ въ оное время свѣтскихъ училищъ, получалъ образо-

---

онъ)—созданія низкой неизвѣстности и между этими существователями я долженъ пресмыкаться; изъ нихъ не исключаются и *дорогіе наши наставники*".

ваніе въ Кіевской духовной академіи, гдѣ одновременно съ нимъ находился и знаменитый впослѣдствіи іерархъ Иннокентій Борисовъ. По разсказамъ судьи, будущій русскій Массильонъ еще во время своего студенчества обратилъ на себя вниманіе ораторскимъ даромъ. Въ памяти старика живо сохранилось впечатлѣніе, которое произвелъ онъ своимъ надгробнымъ словомъ надъ умершимъ товарищемъ expromptu, ибо всѣ знали, что Борисовъ до полуночи провелъ время въ знакомомъ семействѣ.

По окончаніи академіи М. В—чъ вступилъ въ гражданскую службу. Когда я познакомился съ нимъ въ Кіевѣ въ 1842 году, онъ былъ въ отставкѣ и жилъ въ большой нуждѣ съ большимъ семействомъ, не смотря на то, что 18 лѣтъ прослужилъ въ должности исправника, тогда какъ другіе на подобной должности наживали большія деньги. Проживъ въ отставкѣ около пяти лѣтъ, на средства своего брата, губернскаго лѣсничаго, въ домѣ скряги тестя, онъ, наконецъ, по протекціи дальняго родственника, извѣстнаго поэта Подолинскаго, снова получилъ мѣсто исправника въ летичевскомъ уѣздѣ; но едва онъ успѣлъ переселиться въ Летичевъ, какъ его швырнули въ самый отдаленный уѣздъ подольской губерніи, въ Балту, а черезъ четыре мѣсяца его перемѣстили въ Брацлавъ, и убѣдясь окончательно, что для должности исправника онъ не годится, его назначили уѣзднымъ судьей въ Винницу. Если каждое перемѣщеніе многосемейнаго чиновника, какъ говорится, стоитъ одного пожара, то почтенный М. В—чъ, перемѣщенный втеченіе одного года четыре раза, перенесъ 4 пожара и очутился въ Винницѣ, яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего.

Съ переѣздомъ изъ Брацлава семейства судьи, я долженъ былъ пріискать себѣ квартиру, но мои поиски не имѣли успѣха. Войдя въ мое положеніе, директоръ предложилъ мнѣ казенное помѣщеніе въ „мурахъ", рядомъ съ инспекторскою квартирой, куда я и перевезъ свою мизерію.

Прощаясь съ „судьей праведнымъ", въ благодарность за гостепріимство, я вручилъ ему стихотвореніе, написанное мною

въ Кіевѣ, на Щекавицкомъ кладбищѣ, на могилѣ любимаго товарища, студента Андрюши Блотницкаго, брата жены судьи:

День догоралъ послѣдними лучами,
Надъ Кіевомъ—святая тишина,
Зажглося небо звѣздными огнями,
Изъ-за лѣсовъ проглянула луна.
Днѣпръ не шумитъ мятежными волнами,
Безмолвствуютъ крутые берега,
Заснуло все надъ ясными водами—
И темный лѣсъ, и горы, и луга.
Съ тоской въ душѣ сидѣлъ я на могилѣ,
Гдѣ вѣчнымъ сномъ покоился мой другъ,
Онъ цвѣлъ недавно свѣжестью и силой—
И вдругъ угасъ безъ славы и заслугъ...
Зачѣмъ со мной по прежнему, мой милый,
Ты не раздѣлишь вѣчный свой досугъ?..

Въ зданіяхъ бывшаго іезуитскаго монастыря, гдѣ помѣщалась Винницкая гимназія, впродолженіе двухъ столѣтій ютились учебныя заведенія разныхъ наименованій. Обнесенныя толстою каменною оградой, съ тремя выхоленными монахами садами и обширной недостроенной церковью, зданія эти, послѣ изгнанія іезуитовъ, поступили въ вѣдѣніе училищной администраціи и по недостатку средствъ на ихъ содержаніе годъ отъ году ветшали, а съ учрежденіемъ въ Винницѣ въ 1795 году Брацлавскаго намѣстничества окончательно пришли въ упадокъ: въ нихъ размѣстили присутственныя мѣста, казначейство, тюрьму, провіантскій магазинъ и проч. Хотя съ учрежденіемъ губерній всѣ эти казенныя вѣдомства переведены въ Каменецъ-Подольскъ и опустѣвшія зданія вновь поступили въ учебное вѣдомство, но въ такомъ плачевномъ видѣ, что никакіе ремонты не могли уже имъ возвратить того благоустройства, какимъ отличались они впродолженіе полутора столѣтія іезуитскаго господства. А все таки помѣщенія Винницкой гимназіи до 1832 года были еще довольно обширныя, о чемъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ концѣ 20-хъ годовъ она занимала 14 большихъ залъ, а подъ квартирами служащихъ находилось болѣе 30 комнатъ.

Предоставленная мнѣ директоромъ комната, вѣроятно, бывшая келія какого-либо монаха, представляла мрачную тюремную

камеру, объ одномъ окнѣ, съ видомъ на р. Бугъ; въ стѣнахъ двухъаршинной толщины находились глубокая ниша и два огромныхъ шкапа; въ нишѣ я поставилъ треногую кровать, обязательно предложенную мнѣ инспекторомъ, а шкапы обратилъ въ кладовую и гардеробную. Жаль только, что нечего было туда прятать.

Рядомъ съ моей квартирой въ другой такой же келіи съ перегородками помѣщался учитель ариѳметики Осипъ Артамоновичъ Волковскій, съ нареченной племянницей Дызей. Не успѣлъ я осмотрѣться на новосельѣ, какъ отворилась дверь, и ко мнѣ вошелъ толстенькій господинъ, держа въ рукахъ поднось, на которомъ стоялъ графинчикъ съ водкой и тарелка съ маринованными грибками. Это и былъ мой сосѣдъ Волковскій.

— Здоровеньки булы, колега, а я оце до васъ по сусидски—съ хлибомъ-солью.

И наливъ двѣ рюмки, сталъ подчиваться. Усадить дорогого гостя было не на чемъ, и онъ долженъ былъ сѣсть на полу, на разостланной шинели. Новый мой знакомый оказался великимъ балагуромъ. Анекдотъ за анекдотомъ, одинъ другого скабрезнѣе, сыпались, какъ изъ мѣшка. Уроженецъ юго-западнаго края, сынъ возсоединеннаго попа уніата, воспитанникъ уманской базиліанской школы, этотъ забавникъ подъ маской полишинеля скрывалъ глубокое знаніе быта разношерстнаго народонаселенія правобережной Украины. Онъ основательно изучилъ нравы и обычаи польской шляхты и православнаго сельскаго люда, а также многочисленнаго іудейскаго племени; вращаясь въ кругу католическаго и уніатскаго духовенства, онъ имѣлъ полную возможность познакомиться съ закулисною жизнью ксендзовъ и монаховъ, а равно и съ бытомъ ополяченнаго духовенства православнаго. Вотъ отъ чего смѣшившіе иногда до слезъ анекдоты Волковскаго, не смотря на ихъ скоромное содержаніе, были такъ характерны, такъ занимательны [1]). Надобно впро-

[1]) Въ предисловіи къ пословицамъ, изданнымъ въ 1874 году Номисомъ, о немъ сказано: „Небижчикъ Волковскій славився, яко велыкій мистець росказувать казки, бреханьки и т. п. Винъ записавъ изъ 10 кипъ“ (600). Изъ нихъ издатель выбралъ около 400.

чемъ замѣтить, что тѣ самые анекдоты, которые были такъ неподражаемо забавны въ устахъ разскащика, viva voce, будучи положены имъ на бумагу, теряли всю свою соль: даровитый разскащикъ оказался плохимъ писакой.

Понятно, что отъ такого наблюдательнаго и остраго ума не могли укрыться и закулисныя тайны его сослуживцевъ. Онъ все зналъ: и сколько у директора остается въ карманѣ рублей отъ покупки дровъ, тогда какъ наставники и ученики всю зиму сидятъ въ нетопленныхъ классахъ въ шубахъ и въ калошахъ; сколько они съ инспекторомъ получаютъ отъ пановъ провизіи и какъ варварски поступаютъ съ содержателями общей квартиры, и съ кѣмъ холостые учителя ведутъ любовныя шашни и т. д.

Наслушавшись отъ непрошеннаго гостя разныхъ мерзостей, я сразу ознакомился съ той средой, въ которой мнѣ суждено вращаться, и, какъ черепаха, замкнулся въ своей скорлупѣ. Я былъ слишкомъ молодъ и свѣжъ душой, слишкомъ идеалистъ для того, чтобы, по пословицѣ, живя съ волками, завывать по-волчьи. Идеалы, взлелѣянные въ камерѣ института о нравственномъ долгѣ, о призваніи педагога, объ общественной пользѣ и т. п., при столкновеніи съ пошлостію и грязью, стояли у меня на стражѣ, не допустивъ сразу окунуться въ это болото. До глубины души я возненавидѣлъ свое начальство, но по необходимости долженъ былъ затаить свою ненависть, не отваживаясь протестовать противъ подлости, лѣни и непотизма, частію изъ опасенія прослыть Донъ-Кихотомъ, частію, слѣдуя мудрому Талейрановскому изреченію: les paroles sont faites pour cacher nos pensées. Не безопасно было мнѣ, маленькому человѣчку, противу рожна прати. По поводу моего вступленія въ должность собрался педагогическій совѣтъ для распредѣленія уроковъ между преподавателями — и тутъ-то мнѣ на собственной кожѣ пришлось убѣдиться, что параллельный учитель есть такое вьючное животное, на которое можно взваливать столько тяжести, сколько помѣстится на его спинѣ. Пользуясь тѣмъ, что пріѣхалъ свѣжій человѣкъ, каждый коренной преподаватель наровилъ навязать ему часть своихъ уроковъ, такъ что на мою долю пришлось 19 полуторачасовыхъ уроковъ: языковъ русскаго, славян-

скаго и латинскаго, и древнѣйшей исторіи востока. Отъ преподаванія статистики въ 6-мъ классѣ я едва отбился—и все это за 300-рублевое жалованье!

Въ томъ же засѣданіи прочитана была бумага изъ округа, съ требованіемъ доставить свѣдѣнія о достоинствахъ и недостаткахъ грамматикъ Греча и Востокова. Замѣтивъ мою податливость, г. предсѣдатель обратился ко мнѣ съ предложеніемъ написать мнѣніе объ этихъ учебникахъ. Видя, что навьючиванію не предвидится конца, я наотрѣзъ отказался, приводя такіе резоны, что мнѣ, не приступившему еще къ преподаванію, никоимъ образомъ не приходится писать рецензію на учебники, не испробовавъ ихъ пригодности на практикѣ, что для этого есть на лицо коренной преподаватель русскаго языка Персидскій, болѣе меня компетентный: ему и книги въ руки; притомъ, если начальству вздумается затребовать отъ совѣта мнѣнія о руководствахъ по другимъ предметамъ, клочки которыхъ достались мнѣ, то, пожалуй, пришлось бы и о нихъ писать мнѣніе, помимо спеціалистовъ.

— Все это такъ, сказалъ вздохнувши директоръ, но вы на сей разъ пожалѣйте старика Константина Андреевича—онъ не въ состояніи написать.

— Вы, М. К-чъ, напишите, а я подпишусь, и будетъ ладно, прибавилъ отъ себя К. А—чъ.

— Ну, нѣтъ! еслибы я взялся написать рецензію на руководства, то я бы и подписался; зачѣмъ же дѣлать подлогъ?

— Коли вы не желаете уважить мою просьбу, сказалъ надувшись директоръ, то я самъ напишу.

Такимъ образомъ „волчьи зубы", которыми профессоръ Ставровскій, напутствуя насъ на службу, совѣтовалъ вооружиться, на сей разъ мнѣ очень пригодились.

И потекла утомительно-однообразно моя жизнь, размѣренная по звонку на часы, дни, мѣсяцы и годы; и потянулъ я лямку, вѣрный данной присягѣ, не щадя живота своего, не уклоняясь отъ своихъ обязанностей ни сѣмо, ни овамо, да такъ, съ помощію Божіей, и протянулъ слишкомъ тридцать лѣтъ.

Еще о директорѣ. У нашего начальника было огромное семейство: куча золотушныхъ дѣтей, не мытыхъ и общарпанныхъ, постоянно копошилась на коридорѣ. Г-жа директорша, произведя ихъ на свѣтъ, считала свое назначеніе оконченнымъ, не включая въ кругъ материнскихъ обязанностей ихъ воспитаніе. Мужъ тоже, „имѣя много дѣлъ", не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Изъ семи, кажется, сыновей директора, при всемъ желаніи учителей угодить папашѣ, только одинъ достигъ VII класса, прочіе же повыходили изъ третьяго и четвертаго класса и, натворивъ множество безобразій, погибли безслѣдно. Благодаря богатымъ пансіонерамъ и негласнымъ доходамъ, домъ винницкаго директора былъ полная чаша. Супруга его Варвара Өедоровна, надобно отдать ей справедливость, слыла великой мастерицей заказывать вкусныя блюда. Образъ жизни нашего премьера ничѣмъ не обнаруживалъ представителя ученаго сословія, а тѣмъ паче опытнаго педагога, обязаннаго, въ силу даннаго ему полномочія, руководить учебно-воспитательнымъ дѣломъ. Что̀ онъ тамъ писалъ въ своей канцеляріи, куда приходилъ два раза въ недѣлю въ почтовые дни, обыкновенно въ халатѣ и съ трубкою въ зубахъ — объ этомъ знало лишь окружное начальство и, судя по получаемымъ имъ наградамъ „за отличіе", оно, должно полагать, было совершенно довольно его службою. Что же касается насъ подчиненныхъ, то мы видали своего директора только на вечерахъ у семейныхъ учителей, въ качествѣ почетнаго гостя, да по воскресеньямъ у него за обѣдами, на которые обыкновенно по праздникамъ приглашались холостые педагоги г-жей директоршей. Впродолженіе семимѣсячной моей службы въ Винницѣ, я видѣлъ его у себя на урокѣ всего одинъ разъ и то по случаю вступленія въ должность новоизбраннаго дворянствомъ почетнаго попечителя, котораго слѣдовало хоть одинъ разъ за все трехлѣтіе поводить по классамъ.

Возьмемъ на выдержку одинъ день изъ жизни нашего Аристарха Александровича—и мы опредѣлимъ всю его дѣятельность. Вставалъ онъ въ 10 часовъ, пилъ чай или кофе; если день былъ не почтовый, въ 11 часовъ накидывалъ на халатъ шинель и

выходилъ на гимназическій дворъ, какъ разъ во время выхода учениковъ изъ класса, здоровался съ преподавателями и, напросившись къ кому-нибудь изъ нихъ на вечеръ, дѣлалъ небольшой моціонъ, обѣдалъ въ часъ и ложился отдыхать. Къ пяти часамъ, т. е. къ концу послѣобѣденныхъ уроковъ, опять выходилъ на дворъ, и тутъ уже окончательно коллегіально рѣшался головоломный вопросъ: у кого собраться вечеромъ поиграть въ карты и поужинать. Если же случалось, что г. директоръ въ „урочные часы" не показывался на дворѣ, это означало, что онъ въ тотъ день отправлялся играть въ преферансъ къ гусарамъ по злотому фишку.

Неужели, спроситъ читатель, въ округѣ ничего не знали, не вѣдали о томъ, что творилось по гимназіямъ? Уже-ли не существовало никакого контроля, въ родѣ внезапныхъ ревизій? Какъ не быть! были и ревизіи, но директора трудно было застать врасплохъ, такъ какъ у него въ канцеляріи попечителя были на жалованьи доброжелатели, всегда готовые своевременно извѣстить о грозящей опасности. Одно изъ такихъ предостереженій было получено въ февралѣ. Еще за недѣлю до ожидаемой ревизіи (которая почему-то, однакожъ, не состоялась), у насъ замѣтно стало какое-то оживленіе: начали ежедневно топить печи, вставили разбитыя стекла, сняли съ половъ на пол-вершка грязи, набили свѣжей соломой тюфяки въ дортуарахъ общей квартиры, да стали сноснѣе кормить воспитанниковъ— вотъ и всѣ приготовленія. Больше ничего отъ начальника заведенія и не требовалось: за учебную часть отвѣтствовали преподаватели, за нравственную или, лучше сказать, за полицейскую—инспекторъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КУДОЯРОВА ПЕЩЕРА[1].

(РАЗСКАЗЪ—ПРЕДАНІЕ).

„Что старина, то и дѣянье!
Синему морю на утѣшенье,
А добрымъ людямъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на потѣшенье!“.

I.

Въ путь-дорогу!

Не успѣло еще майское солнце освѣтить своими живительными золотистыми лучами верхушки густыхъ лѣсовъ, сплошною стѣною облегавшихъ два столѣтія тому назадъ Новгородъ-Сѣверскій, какъ въ домѣ сотника Давида Пушкаренка началось небывалое движеніе и суматоха.

Многочисленная женская прислуга то и дѣло выбѣгала изъ „господы“ сотникова жилья съ узлами и скрыньками и направлялась къ стоявшему передъ низенькимъ съ навѣсомъ крылечкомъ огромному возку. Все выносимое изъ дому принималъ отъ дивчатъ сѣдоусый, но бодрый еще козакъ Охримъ Носъ, уже многіе годы исполнявшій роль сотникова кучера, и помѣщалъ въ огромный кузовъ допотопнаго экипажа.

---

[1]) Предлагаемый вниманію читателей разсказъ основанъ на преданіи, связанномъ съ возвышеннымъ холмомъ, на которомъ расположена церковь села Голубовки, Новгородсѣверскаго уѣзда, Черниговской губерніи. Это преданіе занесено въ „Лѣтопись селъ Голубовки и Березки“, составленную мѣстнымъ священникомъ о. І. Максимовичемъ. За возможность воспользоваться лѣтописью приносимъ искреннюю благодарность Р. Г. Бѣловскому.

Между тѣмъ въ просторныхъ сѣняхъ двѣ молодицы, одѣтыя въ пестрыя плахты и ярко-краснаго цвѣта очипки, блистая ослѣпительною бѣлизною разшитыхъ „въ крестикъ“ сорочекъ, поскрипывая сафьянными съ панской ноги сапожками, накрывали грязноватаго цвѣта, но безукоризненно-чистою скатертью огромный дубовый столъ и ставили на немъ деревянныя и глиняныя тарелочки и миски съ обильнымъ и разнообразнымъ завтракомъ.

Изъ двери налѣво отъ входа въ сѣни вышла пани сотникова, еще молодая, лѣтъ двадцати шести-семи, женщина средняго роста, смуглая брюнетка, съ обворожительными продолговатыми карими очами, сверкавшими изъ-подъ красиво очерченныхъ бровей. Отъ всей ея на-диво сложенной фигуры вѣяло тѣмъ особеннымъ малорусскимъ здоровьемъ и задоромъ, о которыхъ—увы! нынѣшнимъ новгородсѣверянкамъ приходится безплодно вздыхать, какъ о потерянномъ и невозвратимомъ раѣ.

Вслѣдъ за нею вышелъ высокаго роста, лѣтъ около шестидесяти, угрюмый и суровый панъ сотникъ, одѣтый въ жупанъ тонкаго темносиняго сукна и въ безконечно-широкіе шаровары, запущенные въ высокіе сапоги. Изъ-подъ разстегнутаго жупана выглядывала мереженая строчка рубахи, завязанной у ворота темно-красною широкою лентою. Въ костюмѣ и во всей фигурѣ сотника, не смотря на суровость и угрюмость изрытаго морщинами лица, замѣчалось особаго сорта франтовство и желаніе молодиться.

Мужъ и жена помолились на образъ, висѣвшій въ правомъ углу, сѣли на деревянной скамьѣ и молча принялись за „сниданье“.

— Не забыла ли ты, Настя, чего? прервалъ молчаніе и ѣду сотникъ, обращаясь къ женѣ. Онъ положилъ на столъ деревянную ложку и краемъ скатерти вытеръ губы.

— Кажись, ничего не забыла,—отвѣтила ему пріятнымъ груднымъ голосомъ жена.

— А деньги куда спрятала?

— Положила въ маленькую скрыньку и велѣла Охриму поставить ее въ сидѣньи.

Наступило молчаніе, къ которому такъ часто бываютъ расположены предъ отъѣздомъ, когда, кажется, все ужъ уложено, а думается, что кое-что и забыто.

— Смотри жъ, говорилъ Пушкаренко Настѣ, вставая изъ-за стола и крестясь въ тотъ-же уголъ: не забудь дороги. Скажи Охриму, чтобъ держалъ изъ Новгородка прямо на Жиховъ, а оттуда поѣдете на Голубовку и Сѣвскъ. Смотри, чтобы не сбиться на другую дорогу; она хоть и короче, да не такъ безопасна отъ лихихъ людей.

Минутъ черезъ двадцать одѣтая по дорожному пани сотникова сидѣла на грудѣ подушекъ, которыя положены были сверхъ сѣна и узловъ, въ тяжеломъ возку, запряженномъ тройкою сытыхъ, но низкорослыхъ коней.

На козлахъ, сооруженныхъ изъ сѣна и кожуха, касаясь длинными ногами почти оглоблей, возсѣдалъ Охримъ съ длиннымъ батогомъ и трубкою въ зубахъ, одѣтый, не смотря на припекавшее солнце, въ кобенякъ изъ толстаго и грубаго темнокоричневаго сукна. За возкомъ сидѣли на тощихъ коняхъ четыре козака, въ простыхъ сѣрыхъ жупанахъ, въ высокихъ шапкахъ, съ мушкетами за плечами и саблями на боку—провожатые пани сотниковой.

— Смотрите жъ, хлопцы, не зѣвайте!—говорилъ провожатымъ Пушкаренко: будьте осторожны при переѣздахъ черезъ лѣса и балки: тамъ всегда любятъ скрываться лихіе люди.—А ты, Охримъ, обратился онъ къ кучеру: не спи, а погоняй коней, да не вывороти пани въ балку или рѣчку!

— Ото что выдумали! запротестовалъ Охримъ, вынимая изо-рта люльку и смачно сплевывая на землю.

— Знаю я тебя, старый сычъ! не то строго, не то шутливо произнесъ сотникъ и, перекрестивъ жену, проговорилъ: Ну, трогайтесь съ Богомъ! Прощай, Настя! „Бувай здорова и благополучна!“.

Хлопнулъ кнутъ, заскрипѣлъ возокъ и выѣхалъ изъ воротъ сотникова двора. Вся челядь высыпала за ворота и провожала уѣзжавшихъ низкими поклонами и всякаго рода напутственными пожеланіями.

Уже давно возокъ скрылся въ облакѣ пыли, поднятой конями, а сотникъ стоялъ у воротъ, прикрывъ лѣвою рукою глаза и всматриваясь въ даль. На душѣ у него было невыразимо тяжело. Онъ не могъ объяснить, почему сегодня, когда состоялась наконецъ давно задуманная поѣздка жены въ Сѣвскъ, ему сдѣлалось такъ грустно, тогда какъ до того онъ равнодушно принималъ мысль объ этой поѣздкѣ. Правда, онъ впервые разставался надолго съ своею Настею послѣ семилѣтней супружеской жизни; правда, онъ горячо любитъ свою „ясную голубку", какъ про себя называлъ свою жену,—но вѣдь это онъ зналъ и до того времени, какъ приготовлялась Настя къ путешествію. Отчего же сегодня ему такъ мучительно тяжко дышать, отчего на душѣ у него такъ „нудно?".

— Охъ! горечко тяжкое да и только! вздохнулъ онъ и, поникнувъ головой, долго стоялъ у воротъ осиротѣвшаго, какъ ему казалось, двора.

II.

Грезы прошлаго и плѣнъ.

Взгрустнулось и пани сотниковой.

Уже далеко позади остался Новгородокъ, гордо выставивъ на показъ всему Божьему люду свой Спасопреображенскій монастырь съ грозными башнями и стѣною; уже давно возокъ переправился по шаткому парому черезъ довольно полноводныя рѣки Десну и Выть; а она все думала объ оставленномъ домѣ, о мужѣ.

Живо представлялось ей, какъ ея старый, вѣчно угрюмый и молчаливый мужъ войдетъ въ опустѣвшій домъ, какъ онъ будетъ вспоминать о ней, Настѣ, когда сядетъ за одинокій обѣдъ, какъ онъ будетъ тосковать по ней въ тѣ долгіе дни, которые она проживетъ у своихъ родителей въ Сѣвскѣ.

При мысли о родителяхъ, съ которыми она не видѣлась ни разу за семь лѣтъ супружеской жизни, думы Насти приняли другое направленіе.

— Что-то увидитъ она въ родномъ Сѣвскѣ? Много ли перемѣнъ произошло въ немъ? Многія ли изъ ея подругъ повыходили замужъ? Какъ живется имъ въ замужествѣ? Не такъ ли горько и однообразно скучно, какъ жилось семь лѣтъ ей, Настѣ, женѣ сотника, въ противномъ Новгородкѣ?

И предъ Настею сразу встали двѣ картины изъ прошлаго ея жизни.

Вотъ окутала Сѣвскъ очаровательная, теплая майская ночь. Въ садахъ, далеко бросающихъ отъ себя тѣнь, въ кустахъ расцвѣтшей сирени раздаются чудныя пѣсни соловья, полныя неудовлетворенной любви, полныя томительнаго ожиданія тайныхъ свиданій. А тутъ это чудное молчаливое небо съ миріадами мигающихъ, искрящихся и смѣющихся звѣздъ! Боже, какъ хорошо въ такую майскую ночь! Но сѣвцы, утомленные мелочными дневными заботами, сладко спятъ въ своихъ душныхъ домикахъ-хаткахъ и не слышатъ страстныхъ призывовъ природы любить и грезить.

Не спитъ лишь Настя. Она сидитъ подъ роскошною березкою въ отцовской левадѣ, а рядомъ съ ней ея чернобровый козакъ, ея ненаглядный Михайликъ.

— Слушай, Настя,—говоритъ онъ, сжимая ее въ могучихъ объятьяхъ: коли батька не отдастъ тебя мнѣ, коли онъ покорыстуется богатствомъ и панствомъ Новгородскаго сотника Пушкаренка, то будетъ большая бѣда! Загублю я свой вѣкъ козацкій, брошу старуху-мать, уйду изъ Сѣвска на вѣки вѣчные, но будутъ знать меня люди, разбившіе счастье мое, мою долю!

— Что жъ мнѣ дѣлать, коли батько и мать только и бредятъ паномъ сотникомъ? съ грустью отвѣтила ему вопросомъ Настя.

— Развѣ мнѣ украсть тебя и увезти изъ Сѣвска? какъ бы про себя проговорилъ Михайло Бочаренко.—Но вѣдь панъ сотникъ и батька отыщутъ меня! Да и куда я, бѣдняга, укроюсь съ тобой!

Онъ выпустилъ Настю изъ своихъ объятій и поникъ головой подъ гнетомъ горькихъ думъ, смѣнявшихъ одна другую непрерывною чередой.

Кругомъ все было тихо. Соловьи уснули, чтобы потомъ затянуть пѣсни тоски и страсти. За то сквозь вѣтки распустившихся деревъ пробивался трепетный серебристый свѣтъ взошедшей луны. Вотъ она попала въ просвѣтъ между деревьями и освѣтила браваго и дюжаго козака. И въ широкихъ плечахъ, и въ гордо поднятой, покрытой сѣрою шапкой головѣ, и въ лихо закрученныхъ шелковистыхъ, черныхъ, какъ смоль, усахъ—все въ фигурѣ козака дышало энергіей и непреклонною твердостью.

— Ну, пусть проклятые вороги разбиваютъ мою жизнь!— воскликнулъ онъ, поднимаясь съ земли: горе имъ будетъ, узнаютъ они Мишку Бочаренка!

Настя и теперь невольно вздрогнула, когда въ головѣ ея мелькнула фигура возлюбленнаго съ исказившимся отъ злобы лицомъ и поднятыми съ угрозою кому-то кулаками. Ей непріятно стало, и она постаралась удалить тяжелое воспоминаніе.

И вотъ, это воспоминаніе начало незамѣтно исчезать: такъ незамѣтно таетъ лѣтнею порою легкое облачко въ глубокомъ синемъ небѣ. На смѣну ему всплыла въ памяти иная картина, еще болѣе ужасная и грустная.

Ясно, словно все это случилось не семь лѣтъ тому назадъ, а вчера, помнитъ она, какъ въ октябрѣ 1680 года пріѣхалъ къ ея отцу богатый и старый сотникъ изъ Новгородка, Давидъ Пушкаренко. Отецъ и мать долго о чемъ-то бесѣдовали съ нимъ, богато угощали его и его многочисленную свиту.

Вотъ настaлъ роковой день, когда отецъ ввелъ ее, Настю, въ горницу, гдѣ сидѣлъ гость.

— Вотъ, дочка—проговорилъ торжественно отецъ, указывая на Пушкаренка: панъ сотникъ дѣлаетъ намъ большую честь и хочетъ тебя имѣть женою. Я и мать твоя,—указалъ онъ на стоявшую въ сторонѣ мать,—благодарны пану сотнику за его ласку и даемъ тебѣ наше родительское благословеніе, желая тебѣ счастья и покойной жизни. Думаемъ, что ты, наша дорогая и единая дочь, не огорчишь насъ и примешь съ благодарностью ласку пана къ намъ и тебѣ.

Все это такъ было неожиданно и странно, что она молча смотрѣла то на родителей, то на гостя, который ей внушалъ

неменьшій страхъ, чѣмъ и отецъ, державшій всегда ее въ „ежовыхъ рукавицахъ“.

— Ну, чего жъ ты, дурочка, стоишь?—продолжалъ отецъ, улыбаясь гостю: оторопѣла что-ли отъ выпавшаго на твою долю счастья?—Бери рушники да повяжи сватовъ, а пану сотнику подай вышитую шелками „хустку“.

Что было дальше, она помнитъ, какъ во снѣ. Пѣсни дѣвушекъ-подругъ, пляски молодыхъ и стариковъ, говоръ гостей—все это всплыло передъ ней, покрытое какою-то неясною дымкою забвенія. Яснѣе вспомнила она краткій мигъ передъ отправленіемъ въ церковь „до шлюбу“. Помнитъ она, какъ случайно зашла въ спальню родителей и увидѣла мать, стоящую на колѣняхъ предъ образомъ Богоматери и горько рыдающую съ молитвою на устахъ о судьбѣ дочери. Эти слезы матери, которая, быть можетъ, вспомнила подходящій моментъ собственной жизни, заставили очнуться отъ безчувственности и апатіи и ее, Настю. Ея долгое оцѣпенѣніе разразилось обильными и жгучими, но безсильными слезами...

Вотъ она ѣдетъ, окруженная сватами и дружками, въ церковь.

Вдругъ на поѣздъ нападаетъ небольшая шайка, человѣкъ въ десять-двѣнадцать, вооруженныхъ козаковъ. Раздаются крики, брань. Она слышитъ возгласы нѣкоторыхъ „поѣзжанъ“: „Это Мишка Бочаренко задумалъ отбить у пана сотника невѣсту!“.

Сердце ея дрогнуло и сильно забилось. Но прискакалъ отецъ, панъ сотникъ съ вооруженною свитою. Завязался бой, грянули выстрѣлы, звякнули сабли.

Вотъ она ясно видитъ, какъ ея милый Михайликъ, размахивая саблей, пробивается къ ней. Вотъ ужъ онъ близко; она слышитъ храпъ разгоряченнаго коня, видитъ красное отъ гнѣва и волненія лицо. Но ему заступилъ дорогу сотникъ съ пистолетомъ въ рукѣ.

— Братцы! закричалъ громкимъ голосомъ Михайликъ своей дружинѣ: вотъ главный злодій, злѣйшій врагъ мой, та гадина, что нужно раздавить давно.—Бейте его, братцы, или берите жи...

Раздавшійся выстрѣлъ заглушилъ голосъ его.

Когда разсѣялся дымъ, Настя лежала въ сильномъ обморокѣ: она увидѣла, что ея Михайликъ вслѣдъ за выстрѣломъ упалъ съ лошади...

— Вонъ ужъ и Биринскій лѣсъ видно! воскликнулъ Охримъ, втягивая дымъ изъ еле дымившейся люльки.

Его восклицаніе прервало грустныя воспоминанія Насти, которая стала вглядываться въ темную полосу, застлавшую изогнутой линіей горизонтъ. То чернѣлся Биринскій лѣсъ.

— Слушай, Семенъ, обратился Охримъ къ одному изъ провожатыхъ, которые качаясь дремали въ сѣдлахъ: въ исправности-ли у васъ ружья, пистоли и сабли; говорятъ, въ этомъ лѣсу неблагополучно. Намедни проѣзжалъ черезъ Новгородокъ какой-то купецъ, такъ разсказывалъ, что его чуть было не убили подъ Биринскимъ лѣсомъ разбойники.

— А ты не всякому слуху вѣрь, старый сычъ,—наставительно отвѣтилъ Охриму Семенъ, бравый сотенный хорунжій, и приблизился къ возку. Ничего не бойтесь, пани, обратился онъ къ задумавшейся Настѣ: Богъ дастъ доѣдемъ благополучно. Оно правда, подъ Голубовкою, говорятъ, дѣйствительно пошаливаютъ злые люди, а здѣсь пока ничего такого не слышно.

Но Настя не слушала его рѣчи. Она была далеко отъ Биринскаго лѣса, и отъ разбойниковъ, и отъ провожатыхъ козаковъ, вся погрузившись въ воспоминанія о родномъ Сѣвскѣ...

Уже солнце коснулось однимъ краемъ горизонта, собираясь на отдыхъ ночной, когда возокъ Настасьи Пушкаренко подъѣзжалъ къ селу Голубовкѣ, расположенному недалеко отъ рѣчки Знобовки. Оставалось проѣхать густой лѣсъ, стоявшій высокою стѣною вдоль береговъ этой большой тогда и многоводной рѣчки.

Утомленная дневнымъ жаромъ, непривычною ѣздою въ безпокойномъ возкѣ, взволнованная и измученная нерадостными думами о своей скучной и однообразной жизни съ нелюбимымъ и старымъ мужемъ, сотничиха склонилась на подушки и забылась крѣпкимъ сномъ.

И снилось ей, что она въѣзжаетъ въ родной Сѣвскъ, ѣдетъ по улицамъ и никакъ не можетъ найти своего дома. Вотъ она выѣхала за городъ. Въ полѣ стоитъ какая-то землянка. Настя велитъ подъѣзжать къ ней, чтобы переночевать или разспросить объ отцѣ и матери. Вдругъ изъ землянки появляется мужчина. Настя сразу узнала въ немъ своего Михайлика. Радостная и счастливая отъ этой неожиданной встрѣчи, она бросается къ нему и спрашиваетъ: „голубчикъ мой, гдѣ ты былъ? Что сталось съ тобою послѣ того, какъ ты упалъ съ коня?". Но Михайликъ грубо оттолкнулъ ее отъ себя и злобно проговорилъ: „Теперь голубчикомъ называешь, а тогда зачѣмъ не убѣжала отъ пана сотника? Зачѣмъ ты не вырвала изъ рукъ его пистоля? Зачѣмъ ты загубила мою жизнь? Ну, что жъ счастлива съ сотникомъ? Счастлива! Такъ я жъ разобью твое счастье! Убью твоего отца и твою мать—убью и тебя!" Съ этими словами онъ вынулъ изъ-за пояса пистолетъ и выстрѣлилъ въ нее.

Настя хотѣла крикнуть, но голосъ ея былъ безъ звука; она рванулась впередъ—и проснулась.

Было почти темно. Слышались вдали выстрѣлы изъ ружей; изъ провожатыхъ никого возлѣ возка не было видно. Она хотѣла спросить Охрима, куда они дѣвались; но увидѣла, что какіе-то два незнакомыхъ мужика въ причудливыхъ кафтанахъ, поваливъ Охрима на землю, крѣпко вязали ему руки. Она ничего не могла понять. Прижавшись въ возкѣ къ подушкѣ, она шептала слова всѣхъ знакомыхъ ей молитвъ. Между тѣмъ два незнакомца взвалили на возъ связаннаго и стонавшаго Охрима, сѣли рядомъ съ нимъ и погнали лошадей.

— А одинъ ушелъ-таки! проговорилъ съ досадою въ голосѣ догнавшій возокъ всадникъ съ мушкетомъ за плечами и толстою плетью-арапникомъ въ рукѣ, обращаясь къ двумъ незнакомымъ мужикамъ.

— Надо было уложить его орѣшкомъ,—отвѣтилъ ему одинъ кафтанъ.

— Пробовалъ, да за деревьями не попѣлишь,—проговорилъ всадникъ и посмотрѣлъ, наклонившись къ самому лицу обмершей Насти.—Ну, да горевать о бѣжавшемъ нечего: ве-

земъ нашему батюшкѣ-атаману на радость и утѣху славную молодичку".

Онъ пришпорилъ лошадь и ускакалъ, исчезнувъ во мракѣ майскаго вечера.

III.

Изъ прошлаго Кудояра.

На возвышенномъ выступѣ, вдающемся въ рѣчку Знобовку, тамъ, гдѣ узкою полосою между выступомъ и рѣкою пролегала дорога изъ Новгородка въ Сѣвскъ, въ тотъ же самый вечеръ стояли съ длинными мушкетами въ рукахъ два разбойника, одѣтые въ черные жупаны, въ высокихъ барашковыхъ шапкахъ, съ кинжалами и пистолями за широкими поясами и съ кривыми турецкими саблями черезъ плечо. За ними тихо шептали свои дивныя ночныя сказки вѣковыя сосны, а передъ ними, почти у самыхъ ногъ, струила мрачныя волны Знобовка, покрытая множествомъ наносныхъ островов и островковъ, поросшихъ берестомъ и осокой.

Разбойники стояли, прислонившись спиною къ двумъ сросшимся соснамъ, и прислушивались къ каждому звуку, зорко посматривая въ оба конца дороги.

Было часовъ десять вечера, но кругомъ все спало, только изрѣдка проносившійся вѣтерокъ будилъ колыхая иглистыя вершины—шапки дремлющихъ сосенъ.

— И что это, братецъ мой, значитъ,—продолжалъ начатый разговоръ одинъ изъ разбойниковъ: что нашъ атаманъ весною бываетъ такъ скученъ. Чудной онъ какой-то, какъ посмотрю я на него! Зимою, осенью-ли—то-есть лютъ до чрезвычайности.

„Прошлою осенью,—началъ разсказчикъ послѣ минутной паузы: попалась нашимъ ребятамъ женщина съ дѣтьми, жена есаула, какъ узнали изъ допроса. То-есть, братецъ мой, какъ она просила атамана не губить ея хорошенькихъ мальчугановъ, руки его цѣловала, заклинала именемъ Божьимъ и всѣхъ святыхъ,—нѣтъ, не сжалился, велѣлъ порѣшить ихъ вмѣстѣ съ матерью. Только проговорилъ, смотря на ихъ трупы: „ишь

щенки—есауленята! выросли-бы, небось, сотниками были, чужую кровь пили!“ Вотъ поди-жъ ты съ нимъ! Ну, а какъ наступитъ весна, какъ придетъ май красный, вотъ какой бываетъ скучный да грустный, да тихій! Все ходитъ вечеромъ по берегу Знобовки да напѣваетъ грустныя пѣсни; не то отъѣдетъ вонъ къ тому острову и слушаетъ, какъ соловушка заливается въ кустахъ...

— А теперь гдѣ онъ? перебилъ разсказчика товарищъ.

— Гдѣ жъ ему быть? Въ своей пещерѣ сидитъ. Еще не выходилъ. Сегодня онъ съ утра сильно не въ духѣ, такой сумрачный да сердитый—не приведи Господи.

— Былъ бы ты на его мѣстѣ, чай такимъ же бы сдѣлался, не то и похуже,—отвѣтилъ на разсказъ товарища другой разбойникъ и сталъ прислушиваться къ той сторонѣ дороги, что вела къ Новгородку Сѣверскому.

Налетѣвшій вдругъ вѣтеръ сильно колыхнулъ сосны и заглушилъ долетавшіе издали какіе-то неясные звуки—не то хлопанье кнута, не то мушкетные выстрѣлы.

Да,—продолжалъ свою рѣчь другой разбойникъ: побывалъ бы ты въ его шкурѣ, не то бы запѣлъ. Вѣдь я буду ему землякъ и знаю, что такое раньше былъ нашъ атаманъ, нашъ батюшка Михайло Степанычъ Кудояръ. Вѣдь прозвище это, Кудояръ-то, онъ самъ себѣ придумалъ, а настоящее его имя Бочаренко—вотъ что!

— Правду ли сказываешь? спросилъ недовѣрчиво первый разбойникъ.

— Вѣрно тебѣ говорю. Коли хочешь правду-матку знать такъ я тебѣ вотъ что, другъ ты мой, скажу. Годовъ, почитай, шесть либо семь прошло, какъ Михайло Степанычъ сталъ разбойникомъ. А допрежъ того былъ жителемъ Сѣвска, имѣлъ дворъ и худобу неплохую, считался лучшимъ паробкомъ на нашей улицѣ. Да, вишь, грѣхъ попуталъ.

— Какой грѣхъ? не утерпѣлъ спросить заинтересованный собесѣдникъ, придвигаясь къ товарищу, который бросилъ вокругъ подозрительный взглядъ, точно боялся, чтобы его кто-либо не подслушалъ.

— Есть у насъ въ Сѣвскѣ,—продолжалъ онъ свой разсказъ почти шепотомъ,—богатый козакъ Кирпотенко. Вотъ съ дочкою этого козака и сошелся нашъ атаманъ. Больно крѣпко полюбились они, да нашъ атаманъ никакъ не могъ взять ее, потому отецъ ейный не хотѣлъ отдать свою единственную дочь за бѣдняка—козака.

— Что жъ онъ сдѣлалъ, бѣдолага?

— Что сдѣлалъ. То надѣлалъ, къ чему, значитъ, вели его судьба и доля. Можетъ, онъ думалъ дождаться смерти отцовой, а можетъ, укралъ бы ее да тайкомъ и обвѣнчался бы—кто его знаетъ, что онъ придумалъ-бы! Только тутъ вышла, другъ ты мой, какая оказія. Посватался, слышь ты, за Кирпотенкову дочку изъ Новгородка панъ сотникъ, старый хрѣнъ, да богатый и важный панъ, катъ его не взялъ бы.

— Ну, и что жъ?

— Ну, обдѣлали дѣло однимъ махомъ!

— Ужели жъ нашъ бравый атаманъ допустилъ, чтобъ у него изъ-подъ самаго носа невѣсту взяли? съ негодованіемъ спросилъ нетерпѣливый собесѣдникъ.

— Какое допустилъ! Нешто, ты не знаешь, какой онъ порохъ! Собралъ это онъ насъ, другъ ты мой, человѣкъ девятьдесять ночью въ яру, что за городомъ Сѣвскомъ верстахъ въ пяти, и говоритъ: „такъ и такъ, братцы, выручайте изъ бѣды; сотникъ у меня Кирпотенкову дочку отбиваетъ. Стыдно вамъ будетъ, братцы, если не порадуете меня, если позволите чужаку взять мою Настю! (это невѣсту-то, Кирпотенкову дочку, такъ звали). Коли выручите невѣсту и проучите сотника, стараго чорта, съумѣю отблагодарить, все, что найдется при сотникѣ, отдамъ вамъ, да еще и своего добра прибавлю. Ну, намъ не корысть нужна была, а захотѣлось проучить сотника, чтобъ не ѣздилъ въ Сѣвскъ за чужимъ добромъ, такъ что мы согласились. Думка-то была, что дѣло шуткою окончится, а вышло иное...

— Что жъ вышло и какъ?

— Да такъ. Рѣшили мы напасть на поѣзжанъ, когда повезутъ невѣсту въ церковь. Сказано—сдѣлано. Подстерегли поѣздъ, напали; у поѣзжанъ было на готовѣ оружіе; началась

схватка. Прискакалъ самъ сотникъ и изъ пистоля чуть не убилъ на смерть самого Бочаренка. Дѣло дрянь; видимъ, сотникъ можетъ переловить всѣхъ насъ и тогда поминай, какъ звали... Пришлось уходить съ раненымъ да скрываться, да лѣчить хвораго. Едва въ три мѣсяца отходили. Вотъ оно что!

— Ну, а сотникъ что жъ?

— Извѣстно, что: повѣнчался съ Кирпотенковой дочкой, да и маршъ въ Новгородокъ. Слышно, грозилъ, уѣзжая изъ Сѣвска, прислать козаковъ и переловить насъ, какъ „злодіевъ". Вотъ Бочаренко, когда оправился и узналъ все прошедшее, рѣшилъ уйти изъ Сѣвска на вольную волюшку, на широкую доpоженьку, въ темные лѣса, чтобы тамъ сыскать правду-матку, отомстить сотнику за поруганіе. Онъ сказалъ намъ: „все равно, братцы, мы пропащіе люди. Въ Сѣвскѣ намъ не житье. Поживемъ же на привольи да покажемъ сотникамъ, есауламъ и другой всякой власти, что мы за удальцы! Лучше умереть, а не даться сотнику въ руки! Съ той поры мы облюбовали этотъ лѣсокъ; нашъ атаманъ вырылъ здѣсь себѣ пещеру; назвалъ себя Кудояромъ, атаманомъ разбойниковъ,—и стали мы обирать да убивать людей проѣзжихъ и прохожихъ, пуще всего сотниковъ и другое начальство. Нашъ атаманъ первое время, обобравъ, отпускалъ многихъ пановъ, говоря: „поѣзжайте и разскажите въ Новгородкѣ и Сѣвскѣ, что шлетъ поклонъ имъ атаманъ разбойниковъ Михайло Кудояръ и совѣтуетъ не попадаться ему на глаза, если кто хочетъ сносить свою голову". Вотъ съ той поры да времячка и пошла молва о Кудоярѣ-разбойникѣ и о Кудояровой пещерѣ, которую со страхомъ и птица пролетаетъ, не то что человѣкъ проходитъ или проѣзжаетъ.

— Вѣрно, братъ, ты говоришь: нашего батюшку-атамана далеко кругомъ знаютъ. Вотъ, примѣромъ сказать, я: изъ-подъ Курска попалъ вамъ въ сотоварищи...

Въ это время по лѣсу раздался неимовѣрно рѣзкій свистъ, повторившійся три раза.

— Ого! Это Савоська-сторожевщикъ даетъ знать, что наши кого-то поймали и везутъ къ атаману: знатно, добыча важная!—проговорилъ землякъ Кудояра.

— Посмотримъ, что-то намъ привезутъ наши ребята,—раздался вблизи голосъ, и изъ-за края выступа появился высокій, лѣтъ тридцати, тридцати трехъ мужчина, въ алаго цвѣта жупанѣ, перетянутомъ широкимъ поясомъ, изъ-за котораго выглядывалъ внушительный пистоль съ обдѣланною золотомъ и серебромъ рукояткою и широкій кинжалъ, рукоять котораго была осыпана драгоцѣнными камнями. Лицо его обрамляла окладистая черная бородка, а черныя кудри выбивались изъ-подъ высокой шапки съ краснымъ оксамитнымъ верхомъ.

Разбойники почтительно поклонились своему атаману и поправили свои высокія шапки.

Между тѣмъ по дорогѣ изъ Новгородка приближался знакомый уже возокъ, въ которомъ сидѣла едва живая отъ страха Анастасія Пушкаренко и связанный по рукамъ, избитый Охримъ. За возкомъ ѣхало нѣсколько вооруженныхъ разбойниковъ.

Кудояръ приказалъ одному изъ знакомыхъ сторожившихъ Кудоярову пещеру разбойниковъ зажечь костеръ.

Ярко вспыхнули сухія вѣтки сосенъ и прошлогоднія смолистыя шишки и далеко освѣтили стоящія густою стѣною деревья и Знобовку съ ея островками.

Атаманъ стоялъ въ выжидательной позѣ близъ костра, выставивъ впередъ правую ногу въ сафьянномъ чоботѣ; рукоять пистоля съ драгоцѣнными камнями сверкала разноцвѣтными огоньками. Во всей фигурѣ Кудояра было что-то властное и ужасающе-грозное. Подъѣхавъ къ костру, разбойники спѣшились, и одинъ изъ нихъ, приблизившись къ атаману, что-то тихимъ голосомъ доложилъ ему.

— „Славно, ребята! Молодцы!—обратился къ прибывшимъ атаманъ, выслушавъ докладъ.—До свѣта остается довольно времени: смѣните сторожевыхъ и идите спать. А ты, Евтухъ,—приказалъ онъ тому, который называлъ себя землякомъ атамана, приведи ко мнѣ въ пещеру и кучера, и барыню“...

IV.

Неожиданная встрѣча.

Чрезъ полчаса Кудояръ, въ голубомъ легкомъ кафтанѣ, съ трубкою во рту, сидѣлъ въ пещерѣ, освѣщенной тремя восковыми свѣчами.

Пещера имѣла форму продолговатаго четыреугольника съ полукруглымъ сводомъ. На стѣнахъ ея, убранныхъ богатыми коврами и оксамитами, висѣло разнообразное оружіе: тутъ были и мушкеты, и кривыя турецкія сабли, и пистоли всевозможныхъ размѣровъ, и кинжалы; все это сверкало богатою оправою и мастерскою отдѣлкою. Въ одномъ углу стояла большая зеленая съ широкими полосами желѣза „скрыня", въ которой хранилось богатство атамана: золотые и серебряные кубки, ковши, червонцы, драгоцѣнныя каменья, жемчугъ и прочая утварь, награбленная у путниковъ. Въ другомъ углу на низкомъ и широкомъ помостѣ, застланномъ дорогимъ персидскимъ ковромъ, лежала цѣлая гора подушекъ въ темно-красныхъ шелковыхъ наволокахъ—то была постель Кудояра. Посрединѣ стоялъ большой дубовый столъ, покрытый парчею, а вокругъ него скамьи для сидѣнья. Вотъ и все убранство Кудояровой пещеры.

Самъ Кудояръ сидѣлъ на скамьѣ недалеко отъ входа въ пещеру, завѣшеннаго ковромъ, а предъ нимъ стоялъ Охримъ, котораго поддерживалъ Евтухъ.

— Откуда вы ѣдете и куда?—спросилъ Кудояръ кучера, потянувъ дымъ изъ люльки.

— Мы ѣдемъ изъ Новгородка въ Сѣвскъ,—едва слышно отвѣчалъ измученный Охримъ.

— Да ты говори мнѣ сущую правду,—грозно сказалъ, сдвинувъ брови, Кудояръ: не то плохо тебѣ будетъ, старый чертъ!

— Какъ предъ истиннымъ Богомъ говорю тебѣ одну правду.

— Что жъ вы за люди?—продолжалъ допросъ атаманъ, понизивъ голосъ и принявъ спокойный видъ.

— Мы не купцы, и нѣтъ у насъ съ собой ни товаровъ, ни казны. Мы везли нашу пани сотникову въ Сѣвскъ къ ея родителямъ въ гости.

— А какъ зовутъ вашу пани?—спросилъ, блѣднѣя, Кудояръ.

— Настасья Митровна, батюшка, по мужу Пушкариха, потому мужъ ея нашъ сотникъ Давидъ Пушкарь...

— Уведи его! глухо приказалъ атаманъ Евтуху.

Едва послѣдній исчезъ за ковромъ-дверью пещеры, какъ атаманъ быстро всталъ со скамьи и, сильно хрустя пальцами, заходилъ по устланному коврами полу. Время отъ времени онъ останавливался и произносилъ почти вслухъ отрывочныя фразы, выказывавшія его душевное волненіе.

Могъ ли онъ когда-либо предположить, что Настя, его дорогая Настя, ради которой онъ бросилъ родной городъ, старуху мать, сдѣлался гуляющимъ человѣкомъ; чтобъ эта самая Настя, пани сотникова, очутилась въ его рукахъ!

— Что я скажу ей и какъ покажусь на глаза?"—впервые за шесть-семь лѣтъ, какъ сталъ разбойникомъ, спросилъ себя Кудояръ, садясь у края стола и подпирая голову руками.— „Вѣдь она, пожалуй, и не признаетъ меня за того самаго Михайлика, котораго такъ щиро любила. Нѣтъ, что бъ ни было, а я скажу ей всю правду, открою, какъ мнѣ надоѣла моя каторжная жизнь, какъ я въ крови загубленныхъ людей не могъ угасить тотъ пламень, ту любовь къ ней, что сжигаетъ мое сердце!—Да чего же я медлю? Надо скорѣе увидѣть ее, мою ясочку!—энергично произнесъ онъ, какъ бы пробуждая себя, и быстро всталъ, направляясь къ выходу.

Вдругъ онъ, сдѣлавъ одинъ шагъ, остановился, какъ вкопанный. Передъ нимъ, у самаго входа въ пещеру, стояла вся блѣдная и взволнованная Настя.

Она узнала отъ словоохотливаго Евтуха, какъ перемѣнился въ лицѣ атаманъ, когда услышалъ отъ Охрима, что его пани— жена Новгородскаго сотника Пушкаренка; что атаманъ Кудояръ, про котораго ей разсказывали невѣроятные ужасы, не кто иной, какъ ея милый, ненаглядный Михайликъ. Своимъ чуткимъ женскимъ сердцемъ она поняла, что ея милаго заставило избрать своимъ жилищемъ темный лѣсъ, товарищами— длинный мушкетъ, пистоль да саблю острую. Все она поняла не холоднымъ умомъ, а горячимъ, чуткимъ къ чужому горю

сердцемъ — и простила его ужасную жизнь, полную мести людямъ, которые такъ безпощадно разбили его счастье. Въ этомъ сказочно-грозномъ атаманѣ шайки разбойниковъ она видѣла глубоко-несчастнаго человѣка, который былъ когда-то такъ близокъ къ ней, но котораго—увы!—жестокая доля навѣки оторвала отъ нея.

Кудояръ и Настя нѣсколько минутъ молча смотрѣли другъ на друга.

Было уже близко къ разсвѣту. Въ притонѣ разбойниковъ было тихо, какъ въ могилѣ. Все спало крѣпкимъ сномъ. Даже страдалецъ Охримъ, избитый и еле дышащій, уснулъ вѣчнымъ сномъ: часа черезъ полтора послѣ допроса онъ отдалъ Богу свою грѣшную козацкую душу.

Подъ пристальнымъ изумленнымъ взглядомъ Насти жутко стало Кудояру. Какъ провинившійся школьникъ передъ строгимъ взоромъ начальника, такъ стоялъ Кудояръ передъ Настей, виновно и покорно склонивъ свою безталанную, но прекрасную голову. Своими чудными, свѣтившимися отъ радости при нежданной встрѣчѣ, очами впилась она въ этого рослаго и красиваго, но погибшаго человѣка. Ей стало невыразимо жаль эту тридцатилѣтнюю „малу дытыну".

— И чѣмъ бы не мужъ мнѣ? мелькнула въ ея молодой головѣ грѣшная мысль.—Боже, о чемъ это я думаю, окаянная! поймала она сама себя, и чудныя карыя очи ея затуманились, выражая грустное чувство Насти.

— Что она молчитъ? Хоть бы словечко одно сказала, хоть укорительное слово, но не молчала бы только!—мучился про себя въ это время Кудояръ, не сомнѣваясь почему-то, что Настя его узнала.

— Такъ вотъ гдѣ Богъ привелъ намъ встрѣтиться!—прервала она молчаніе тихимъ, идущимъ изъ глубины сердца голосомъ, отъ котораго, какъ отъ звука военной трубы пріученная бранная лошадь, вздрогнуло сердце Кудояра.—Не думала, не гадала я, что тотъ страшный разбойникъ и атаманъ разбойниковъ Кудояръ, котораго всѣ боятся, не кто иной, какъ мой...

Она запнулась; у нея чуть не сорвалось съ языка привычное „милый, безцѣнный Михайликъ“.

—Какъ мой землякъ,—поправилась она,—Михайло Степанычъ Бочаренко.—Ну, чтожъ? Значитъ, такова воля Господня, чтобъ я была твоею плѣнницею; вяжи меня, а можетъ и убьешь...

— Настя! со стономъ остановилъ ее Кудояръ, сердце котораго разрывалось на части отъ каждаго слова сотничихи.

— Господи, Боже мой!—будто сама съ собою проговорила Настя, сжимая у груди руки, и въ прекрасныхъ глазахъ ея засверкали, подобно брильянтамъ, росинки слезъ: за что Ты такъ жестоко караешь меня? Мало того, что Ты разлучилъ меня съ милымъ человѣкомъ; что судилъ мнѣ проводить молодые годы съ другимъ, чужимъ и нелюбымъ моему сердцу, мало того, что Ты не приворожилъ моего сердца къ этому суровому старику, хотя я въ молитвахъ своихъ шесть лѣтъ молила Тебя, Царь небесный, о томъ; мало того, что Ты лишилъ меня радости семейной жизни—дѣтей,—мало всего этого: Ты покаралъ еще сильнѣйшимъ родомъ кары небесной, назначивъ въ удѣлъ тому человѣку, котораго я любила больше всего въ свѣтѣ, быть самымъ что ни есть худшимъ и презрѣннѣйшимъ въ мірѣ. Ты сдѣлалъ его страшнымъ злодѣемъ, который чрезъ свою свирѣпость и жестокость сталъ пугаломъ людей; при его имени крестятся матери, прижимая къ груди дорогихъ дѣтей. Господи, Боже мой! на что жъ я такъ пламенно и горячо молилась Тебѣ, чтобъ если ужъ Тебѣ угодно было послать мнѣ горькую долю и тяжелый крестъ, то чтобъ хоть любимому мною человѣку послалъ Ты счастье и таланъ? За что же Ты, Господи, такъ жестоко караешь меня и горькую жизнь мою надѣляешь еще одною бѣдою? За что же Ты, Господи, не только отвергъ грѣшныя молитвы мои, но и судилъ еще, чтобъ я своими глазами увидѣла паденіе того, который когда-то считался самымъ близкимъ, роднымъ мнѣ человѣкомъ, а теперь стоитъ предо мною злодѣемъ?

Настя въ горѣ забыла и Кудояра, и его притонъ, и пещеру. Предъ нею предстала, словно на ладони, въ ужасающей наготѣ безотрадность и безплодность ея жизни и жизни люд-

ской вообще. Всѣ пережитыя ею со дня несчастнаго брака муки встали предъ нею въ своей щемящей свѣжести, впились своими мучительно-острыми когтями въ ея насильно скованное молодое сердце, жаждущее любви и ласкъ, рвали его на части, стараясь вытѣснить изъ него малѣйшую надежду на счастье или хотя бы на призракъ счастья.

Бѣдная женщина горько-горько рыдала. А Кудояръ молчалъ, пораженный и уничтоженный рѣчами Насти. Онъ еще ниже наклонилъ голову, не смѣя видѣть безъисходное горе той, дороже которой для него ничего не было въ цѣломъ свѣтѣ.

— „И легче бъ мнѣ было“,—продолжала рыдать Настя: „если бы я совсѣмъ не встрѣчалась съ тобой! Легче бъ мнѣ было знать, что ты погибъ отъ выстрѣла моего мужа въ тотъ несчастный день, какъ родители—прости имъ Господи!—завязали мнѣ свѣтъ. Я бъ и умерла съ тою мыслiю, что ты погибъ, какъ слѣдуетъ козаку, ищущему въ чистомъ полѣ, въ честномъ бою козацкой доли своей. Зачѣмъ же мнѣ довелось узнать, что ты—„злодiй“, что тѣ самыя руки, которыя прижимали меня къ груди твоей, рѣзали православный народъ, душили невинныхъ младенцевъ, губили...

Глухой стонъ и рыданiя прервали ея укоризненно-жалобныя рѣчи. Предъ нею на полу лежалъ ничкомъ Кудояръ и въ порывѣ раскаянiя рвалъ свои черныя, какъ смоль, кудри. Настя спохватилась, что, можетъ, сказала что-либо жесткое и слишкомъ обидное; ее начинало терзать раскаянiе, зачѣмъ она такъ грубо-откровенно высказала передъ этимъ обездоленнымъ человѣкомъ всю горечь, что годами скопилась въ ея сердцѣ. Глядя на рыдавшаго у ногъ ея атамана разбойниковъ, она задала себѣ вопросъ, зачѣмъ вмѣсто словъ участiя и ласки она съ такими упреками обрушилась на него, не узнавъ, что́ онъ пережилъ въ теченiе тѣхъ ужасныхъ и мучительно долгихъ шести-семи лѣтъ, въ которыя она ничего не знала о немъ. Если онъ плачетъ отъ рѣчей ея, то ужели же онъ закоренѣлый злодѣй? И вотъ въ ней проснулась снова женщина, всегда мягкая, чуткая къ чужому горю, скорбящая и сострадающая, а въ сердцѣ ея вспыхнуло съ новою силою долго тлѣвшее чувство любви, по-

добно тому какъ вспыхиваютъ едва мерцающіе въ горнилѣ угли, когда кузнецъ потянетъ за рукоятку мѣха. Она приблизилась къ рыдавшему Кудояру и, слегка касаясь рукою его плеча, съ нѣжностью проговорила:

— Ну, прости, Михайло Степанычъ, если сказала что-либо лишнее и обидное.

— Охъ, горько мнѣ было слушать рѣчи твои, Настасья Митревна,—сказалъ, вставая, Кудояръ: такъ горько, что лучше бъ мнѣ ихъ никогда не слыхать! Не потому горько, что ты сказала въ нихъ много обиднаго; нѣтъ, ты выговорила въ своихъ жалобахъ только то, о чемъ я самъ давно уже думалъ и что такъ сильно терзало меня. Что и говорить—страшный грѣхъ попуталъ меня; душа моя въ лапахъ нечистаго... Злоба на твоего отца и мать, ненависть къ сотнику, отнявшему тебя у меня, неудачное нападеніе, съ цѣлью увезти тебя,—все это такъ затуманило меня, что я рѣшилъ уйти изъ опостылѣвшаго мнѣ съ твоимъ отъѣздомъ Сѣвска и сдѣлался „злодіемъ". Страшно и тяжко становилось мнѣ временами, когда нападало раздумье, да все равно—возврата къ прежнему ужъ не было, и я, какъ пьяница, послѣ раскаянья впадалъ еще въ большее злодѣйство и остервенѣніе. Одною радостью для меня было—воспоминаніе о нашей любви, и я весною старался не губить людей. За то осенью, при мысли о томъ, что люди среди бѣлаго дня ограбили меня, отнявъ самое дорогое, и никто не вступился за меня, я становился неудержимо лютъ и упивался муками попавшихся въ руки мои пановъ. Не знаю, для чего я такъ терзалъ жертвы свои. Можетъ, хотѣлось выместить на нихъ пролитыя когда-то за тебя слезы. Сперва я не раздумывалъ ни о чемъ. Мнѣ хотѣлось побольше награбить добра, потому что, будь я богатъ, твои отецъ и мать отдали бъ тебя за меня. А когда вотъ та „скрыня"—онъ кивнулъ головою въ уголъ, гдѣ стоялъ сундукъ—стала полнымъ-полна золота, серебра, жемчугу и драгоцѣнныхъ каменьевъ, тогда я спросилъ себя: что мнѣ дѣлать съ этимъ добромъ? На что мнѣ эти сокровища, если я не могъ на нихъ купить свое погибшее счастье? Тогда мнѣ невыразимо надоѣло мое страшное ремесло, и только хмелемъ

забывался я среди своей буйной ватаги отъ грызшей сердце тоски. Часто мнѣ приходила въ голову мысль раздать все мое добро товарищамъ и уйти въ Кіевскія пещеры, чтобы въ чернеческихъ молитвахъ замолить содѣянные грѣхи, часто объ этомъ думалъ я и сдѣлалъ бы такъ, да боялся...

Кудояръ остановился, взглянулъ на Настю, прочиталъ въ ея глазахъ много ласки и прежней любви и съ страстью почти шепотомъ докончилъ:

— Да боялся, что не сумѣю среди молитвъ забыть тебя, моя ненаглядная Настя... Онъ не могъ говорить дальше. Не помня себя отъ нахлынувшаго чувства, чуя близость той, ради которой загубилъ свою жизнь, онъ обхватилъ ее своими сильными руками и безумно цѣловалъ въ уста и въ прекрасныя очи.

Настя не сопротивлялась, потому что въ этотъ мигъ забыла и то, кто ее цѣлуетъ, и то, какія руки сжимаютъ ее такъ сильно, забыла прожитое горе, забыла отца, мать, мужа всё-все забыла... Со свойственною южанкамъ страстью, она всецѣло упилась долго недававшимся счастьемъ ласкъ и любви съ близкимъ, милымъ и дорогимъ человѣкомъ.

А свѣчи едва мерцали въ шандалахъ, тускло освѣщая своды пещеры; а въ природѣ наступила та предразсвѣтная тишина, въ которой есть какъ бы предчувствіе всесвѣтной великой тишины, что́ нѣкогда принесетъ на землю Христосъ и гдѣ потонутъ всѣ муки людскія, все горе—диссонансъ человѣческой жизни.

И тихо, тихо такъ было въ Кудояровой пещерѣ...

V.

Въ погонѣ за краснымъ звѣремъ.

Невеселый выдался денекъ 1-го октября 1687 года. Съ ранняго утра небо плакало мелкими, но непрестанными слезами; вѣтеръ гналъ эти слезы и бросалъ ихъ въ лицо небольшому отряду конныхъ козаковъ, направлявшихся къ Голубовскому лѣсу по топкой дорогѣ. Худые измокшіе кони едва ступали по

скользкой почвѣ, опустивъ уныло головы, точно прислушиваясь, о чемъ пѣлъ гулявшій по полю вѣтеръ. Всадники ѣхали молча, мѣрно покачиваясь въ высокихъ и неуклюжихъ козацкихъ сѣдлахъ.

Оставалось немного больше версты до Голубовскаго лѣса, который всталъ предъ всадниками темною гигантской стѣною.

— Слушай, Семенъ,—обратился ѣхавшій впереди отряда всадникъ къ одному изъ ближайшихъ къ нему козаковъ: выѣзжай впередъ и указывай то мѣсто, гдѣ на васъ напали. Помнишь ты его?

На небольшой темно-гнѣдой лошаденкѣ выдѣлился изъ отряда бравый, въ черкескѣ поверхъ кафтана, козакъ, знакомый читателю хорунжій сотенный Семенъ, поправилъ на головѣ барашковую шапку, провелъ рукою по длиннымъ темно-русымъ усамъ, протеръ рукавомъ мокрые глаза и поѣхалъ мелкою рысью по направленію къ лѣсу.

Всѣ всадники пріободрились, толкнули ногами коней и послѣдовали за вожакомъ, позвякивая кривыми саблями.

Когда отрядъ въѣхалъ въ лѣсъ, его охватила могильная тьма. Шумъ и скрипъ деревьевъ, унылая пѣсня осенняго вѣтра заглушили шаги лошадей, но привычное ухо козаковъ ясно различало лѣсные звуки и шорохи. Проѣхавъ верстъ пять, вожатый своротилъ съ прямой дороги и остановилъ своего коня у небольшой полянки.

— Вотъ здѣсь какъ будто я отбивался отъ двухъ „злодіевъ“, которые преслѣдовали меня,—проговорилъ нерѣшительно Семенъ, обратившись къ подъѣхавшему Давиду Пушкаренку, потому что это былъ сотникъ Новгородка Сѣверскаго, съ которымъ читатель познакомился въ первой главѣ разсказа.

— Что-жъ, хлопцы, сдѣлаемъ тутъ привалъ,—проговорилъ Пушкаренко и слѣзъ съ лошади, передавъ поводья хорунжему Семену Безпалому.

Козаки послѣдовали его примѣру, привязавъ коней къ деревьямъ.

— Костра раскладывать не будемъ, а курить люльку можно! внушительно сказалъ сотникъ козакамъ, которые отвя-

зывали мѣшки отъ заднихъ лукъ сѣделъ, доставали оттуда хлѣбъ съ саломъ и съ жадностью утоляли голодъ.

Давидъ Пушкаренко присѣлъ на повалившійся стволъ вѣковой сосны и, покуривая коротенькую люльку, глубоко задумался, забывъ о ѣдѣ. Лицо его, и безъ того суровое, сдѣлалось еще суровѣе и было такъ-же хмуро, какъ и небо, покрытое быстро мчавшимися облаками; оно еще болѣе высохло, и только быстрые небольшіе сѣрые глаза сверкали, какъ угольки, изъ-подъ нависшихъ густыхъ бровей. Много пережилъ и передумалъ онъ за послѣдніе три-четыре мѣсяца, съ того самаго дня, какъ Семенъ Безпалый, одинъ ушедшій отъ шайки Кудояра, принесъ печальную вѣсть о томъ, что „злодіи" перебили весь конвой, сопровождавшій пани сотничиху, а самое ее и Охрима взяли въ плѣнъ.

— Гдѣ-она теперь, моя голубка?—думалъ старый мужъ о своей молодой женѣ.—Можетъ быть, томится въ какой-нибудь ямѣ или землянкѣ, голодная и холодная, связанная по рукамъ и ногамъ, а, можетъ, ея давно уже и на свѣтѣ нѣтъ.

При этой мысли похолодѣло въ немъ сердце, и отъ внутренней боли онъ сильно крякнулъ.

— Ну, добраться бы мнѣ только до ихъ скопища,—всѣхъ перестрѣляю мерзавцевъ и перевѣшаю! грозилъ онъ разбойникамъ, захватившимъ его жену.—Я имъ покажу себя, и они никогда не забудутъ сотника Пушкаренка! Главное, мнѣ бы захватить вожака ихъ, какого-то бродягу Кудояра,—тогда съ живого кожу сдеру, а узнаю, гдѣ моя Настя. Еслижъ они ее извели, тогда замучу и его самого и его шайку самыми лютыми казнями, въ котлахъ сварю, продѣну сквозь колесо, привяжу къ дикимъ конямъ...

Онъ задыхался отъ злобы, сверкая своими маленькими глазами.

Вдругъ онъ поднялъ голову и началъ прислушиваться. Ему почудилось, что затихающій вечерній вѣтеръ донесъ какіе-то неясные звуки. Насторожились и всѣ козаки. Прошло минутъ пять—и тѣ-же самые звуки повторились снова, но болѣе ясно.

Теперь можно было сказать безошибочно, что это слышались человѣческіе крики.

— Кажись, кудояровцы работаютъ!—шепотомъ доложилъ Пушкаренку подошедшій къ сотнику Семенъ Безпалый.

Пушкаренко всталъ съ сосны, сунулъ люльку въ карманъ черкески и обвелъ глазами всю полянку, что-то обдумывая.

— Вотъ что, хлопцы,—началъ онъ отдавать приказанія покойнымъ голосомъ, голосомъ опытнаго, посѣдѣвшаго въ битвахъ начальника: вы всѣ садитесь на коней, осмотрите мушкеты, чтобъ не отсырѣлъ на полкахъ порохъ, да и пистоли съ саблями не забудьте. Стойте здѣсь въ готовности. А ты Семенъ, пройди осторожно туда, откуда слышны крики, взлѣзь на дерево, если потребуется, да высмотри, что такое тамъ дѣлается. Я буду ѣхать за тобою.

Безпалый быстро сбросилъ черкеску, привязалъ ее къ сѣдлу своей лошади, передалъ поводья товарищу и въ кафтанѣ съ двумя пистолетами за поясомъ направился черезъ поляну въ лѣсъ. Скоро онъ исчезъ за темно-красными стволами сосенъ.

Сотникъ сѣлъ на лошадь, помедлилъ минутъ десять и, проговоривъ готовымъ къ походу козакамъ: „Какъ свистну, чтобъ тотчасъ мчались на помощь“!—тронулся шагомъ съ мѣста и исчезъ за тѣми же стволами сосенъ, которые скрыли и сотеннаго хорунжаго.

VI.

Прощальный пиръ.

На знакомомъ уже читателю возвышенномъ выступѣ надъ рѣкою Знобовкою въ разныхъ мѣстахъ пылаютъ костры изъ только-что срубленныхъ сухихъ вѣтвей сосенъ. Вокругъ костровъ въ разнообразнѣйшихъ костюмахъ и позахъ расположились разбойники изъ шайки Кудояра. Ихъ было человѣкъ двадцать—двадцать пять, они разбились на группы и готовили себѣ неприхотливый обѣдъ.

Въ одной изъ группъ, близкой къ тому краю холма, гдѣ находилась пещера Кудояра, шла оживленная, но тихая бесѣда.

Словоохотливый землякъ Кудояра Евтухъ Носачъ, разодѣтый въ кунтушъ ярко-краснаго цвѣта, въ черныя бархатныя шаровары,—добыча съ убитаго годъ тому назадъ богатаго проѣзжаго пана,—сидѣлъ на корточкахъ съ воткнутымъ на длинный желѣзный прутъ кускомъ баранины въ рукахъ и усердно поворачивалъ мясо надъ ярко пылавшимъ огнемъ. Мясо краснѣло, шипѣло и роняло на угли капли жиру. По раскраснѣвшемуся лицу Евтуха катился струйками потъ, который онъ старательно вытиралъ полою дорогого кунтуша.

— Ну, ужъ и попируемъ сегодня, братцы, на славу!—проговорилъ онъ собравшимся около него шести-семи товарищамъ, смачивая шипѣвшую на огнѣ баранину разведенною въ деревянной мисочкѣ солью.

— Сегодня-то попируешь, а завтра что будешь дѣлать безъ батюшки-атамана,—возразилъ ему угрюмо-хриплымъ голосомъ черный, точно осмоленный, разбойникъ въ полинявшемъ кафтанѣ и свѣтло-голубыхъ дорогихъ шароварахъ.

— Не плачь, Барило, по атаманѣ, плачь лучше по своей удалой головушкѣ!—полу-шутя, полу-наставительно замѣтилъ ему товарищъ, выгребавшій изъ костра горячіе уголья для того, чтобы раскурить люльку.

— А чтожъ, братцы, Барило правъ!—возвысилъ голосъ молодой парень, недавно приставшій къ шайкѣ Кудояра бездольный скиталецъ.—Гдѣ мы дѣнемся, коли прекратимъ работу въ Голубовскомъ лѣсу? Вѣдь намъ одна дорога—два столба съ перекладиною.

Слова парня подѣйствовали на разбойниковъ, и они замолчали, точно каждый заглянулъ въ свое будущее, да такъ и оцѣпенѣлъ предъ грустною картиною вѣчнаго одиночества, и вѣчной тревоги за свою участь.

— И что такое сталось съ нимъ,—ума не приложишь братцы!—началъ бесѣду Барило, не любившій гробового молчанія.—Былъ, какъ слѣдуетъ, атаманъ, народъ грабилъ, убивалъ, никому спуску не давалъ, а тутъ сразу: „никого не тронь!..“ Диво да и только!

— Эхъ ты, Барило, настоящее ты—барило [1]) съ дубовыми клепками! — скаламбурилъ и подтрунивалъ надъ товарищемъ Евтухъ Носачъ, облизываясь при видѣ сочнаго шашлычка, который вотъ-вотъ можно было ѣсть.—Заливаешь ты глаза хмельнымъ, такъ и не видишь ничего. Скажи ты мнѣ, цыганская харя: нашъ атаманъ допрежъ сего такъ жилъ, какъ теперь живетъ? Кто съ нимъ теперь въ пещерѣ сидитъ да сладкія рѣчи сказываетъ? Смекнулъ теперь—что ли? заключилъ Евтухъ, шутливо глядя на угрюмаго Барила.

— Я то смекнулъ, да ты смекаешь-ли, что зря болтаешь!— обидчиво огрызнулся послѣдній. — Подумаешь, какой мудрый Соломонъ нашелся, что всѣ загадки рѣшаетъ! Коли батюшкѣ атаману приглянулась бабенка, для чего не взять ее себѣ замѣсто женки. Да дѣло-то зачѣмъ кидать?

— Вотъ затѣмъ и дѣло бросаетъ нашъ Михайло Степанычъ, что того желаетъ Анастасія Митревна. Вѣдь вы, братцы, не думайте, что нашъ Михайло Степанычъ допрежъ сего не зналъ Настасьи Митревны!—обратился онъ ко всѣмъ товарищамъ, втыкая прутъ съ готовымъ кускомъ баранины въ землю. Онъ ее даже очень хорошо зналъ и изъ-за нея на это самое дѣло пошелъ.

— Ну, ужъ и брехунецъ ты, Евтухъ! остановили его товарищи.—Ври, да не завирайся!

— Чего ври?—съ жаромъ возразилъ Евтухъ.—Коли хотите, такъ я разскажу вамъ все дѣло, какъ оно было.

— Ладно, говори, да не прикрашивай своимъ медовымъ языкомъ! согласились товарищи.

Евтухъ Носачъ раскурилъ люльку, сѣлъ на землю, поджавъ ноги, и началъ: „Давно это дѣялось, братцы мои! Почитай, лѣтъ семь прошло съ той поры. Михайло Степанычъ Кудояръ жилъ тогда въ Сѣвскѣ и прозывался Бочаренкомъ. Жилъ онъ, какъ слѣдуетъ, по-божески, съ старухою матерью, жилъ не богато, не бѣдно, а такъ посредственно. Въ томъ же городѣ жилъ богатый козакъ Митрій...

[1]) Барило по-малорусски значитъ боченокъ для водки.

— Братцы, „самъ" идетъ! вскрикнули два слушателя, и всѣ разбойники встали. На холмъ поднимался изъ своей пещеры Кудояръ. На лицѣ его свѣтилась какая-то невыразимая ласковость и доброта; но въ глазахъ, часто по долгу останавливавшихся на окружающихъ, легко было прочитать тайную грусть.

Онъ былъ одѣтъ въ алаго сукна кунтушъ и такія-же шаровары; голову покрывала сѣрая барашковая шапка съ голубымъ атласнымъ верхомъ, очень шедшая къ его чернымъ кудрямъ и бородѣ. Въ такомъ костюмѣ онъ казался молодымъ богатымъ паномъ, а не страшнымъ атаманомъ разбойниковъ. Приблизившись къ первой группѣ разбойниковъ, онъ далъ знакъ, чтобы подошли и другіе. Скоро всѣ столпились, образовавъ кругъ около любимаго атамана.

— „Сегодня, братцы, я съ вами вижусь послѣдній разъ,— проговорилъ Кудояръ тихимъ взволнованнымъ голосомъ, а разбойники печально наклонили свои головы.—Половину своего богатства и добра оставляю вамъ. Раздѣлите сами поровну и живите, кто какъ хочетъ. Я самъ уѣду завтра рано подальше отсюда. Облюбую гдѣ-либо получше мѣстечко и заживу козакомъ-хозяиномъ, буду домосѣдничать да молить у Бога прощенія тяжкихъ грѣховъ своихъ. Совѣтовалъ бы и вамъ сдѣлать тоже. Только чуръ, никогда не признавайте другъ друга и не вспоминайте нашей здѣшней жизни, особливо не упоминайте о Кудояровой пещерѣ. А кому не надоѣло вести вольную жизнь по темнымъ лѣсамъ, тотъ иди отсюда подальше. Моя послѣдняя воля, чтобъ та страшная пещера, которая столько лѣтъ служила мнѣ жилищемъ, не стала проклятымъ мѣстомъ. Хочу, чтобъ здѣсь молили Бога за мою грѣшную душу всѣ люди православные, а съ ними служители церковные. Оставляю цѣлую баклагу золотыхъ и прошу кого-либо изъ васъ передать голубовцамъ, чтобъ построили надъ пещерой моей святую церковь...

Онъ остановился, тяжко вздохнулъ и, помолчавъ минуты двѣ-три, закончилъ рѣчь: „Спасибо вамъ, братцы, за дружбу и службу. Лихомъ меня не поминайте, а прощанье наше заключите пиромъ. Гуляйте, сколько хотите сегодня, залейте зеленымъ

виномъ прошлую жизнь, курните такъ, чтобъ все прошлое показалось вамъ долгимъ и тяжкимъ сномъ. Вина не жалѣйте, выкатывайте изъ склада запасного лучшія бочки. Ну, братцы, начинайте, а я пойду въ свою пещеру.

Поклонившись, онъ выступилъ изъ круга и спустился съ холма. Разбойники долго молча смотрѣли въ слѣдъ удалившемуся атаману; затѣмъ начали о чемъ-то толковать, сперва тихо, потомъ громче и громче.

Часа черезъ три, при наступленіи осенняго вечера, вся поляна была полна шума и движенія. Разгулявшіеся разбойники сидѣли у ярко пылавшихъ костровъ живописными группами; подлѣ нихъ стояли сулеи и боченки съ хмельною влагою; всѣ пили, пѣли, веселились, выкрикивали имя атамана, не разъ вызывали его изъ пещеры, цѣловались съ нимъ, плакали, снова затягивали ухарскія молодецкія пѣсни и не чуяли той бѣды, что стояла у порога...

VII.

Облавили звѣря!

Глубокая полночь. Шагахъ въ пятистахъ отъ Кудояровой пещеры остановился Давидъ Пушкаренко съ своимъ отрядомъ, найдя, наконецъ, притонъ разбойниковъ.

Козаки старательно завязывали мѣшками лошадиныя морды, чтобы ихъ кони ржаніемъ не выдали разбойникамъ присутствія, и привязывали поводья къ деревьямъ. Пушкаренко шепотомъ, быстро отдавалъ приказанія.

— Ты, Семенъ, возьми съ десятокъ козаковъ,—говорилъ онъ хорунжему; спустись въ лощину и обойди логовище со стороны рѣки, чтобъ кто-нибудь изъ разбойниковъ не ушелъ за рѣку. Да дѣлай обходъ осторожно. Когда засядешь на мѣстѣ, дай знать—завой волкомъ, да не громко.

Безпалый быстро обошелъ отрядъ, шепнулъ нѣкоторымъ козакамъ приказаніе сотника и тихо исчезъ въ темнотѣ ночи, спустившись въ лощину.

— А вы, хлопцы,—приказалъ Пушкаренко оставшимся козакамъ: раздѣлитесь и цѣпью обходите притонъ „злодіевъ". Они сегодня перепились и спятъ мертвецки крѣпко. Стражи нѣтъ. Какъ подойдете близко къ разбойникамъ, рубите ихъ сперва саблями, а потомъ ужъ въ догонку стрѣляйте изъ мушкетовъ и пистолей. Да смотрите, не упустите атамана ихъ. Его надо живьемъ захватить. Не бейте и женщинъ, коли будутъ.

Прошло полчаса. Отрядъ подъ руководствомъ Пушкаренка притаился за соснами. Ждали только условнаго знака со стороны пошедшаго въ засаду Семена Безпалаго.

При пылавшихъ еще кострахъ притонъ разбойниковъ представлялъ фантастически-мрачную картину. Спавшіе въ самыхъ разнообразныхъ позахъ разбойники похожи были на убитыхъ. Казалось, злой татаринъ набѣжалъ внезапно на пировавшихъ людей, посѣкъ ихъ кривыми саблями, опрокинулъ боченки съ виномъ, разметалъ утварь, сжегъ домъ, разрушилъ его и исчезъ въ степи на легкихъ коняхъ, оставивъ побитыхъ въ добычу хищнымъ птицамъ да лѣсному звѣрью. Такъ спали упившіеся разбойники, нарушая тишину ночи своимъ богатырскимъ храпомъ. Спала глубокимъ сномъ полуночи и стража, поставленная у входа въ пещеру.

Вотъ въ тихомъ ночномъ воздухѣ пронесся протяжный и негромкій вой волка. Этотъ вой шелъ отъ рѣки: то Безпалый давалъ знать сотнику, что засѣлъ на условленномъ мѣстѣ.

Пушкаренко перекрестился, вынулъ осторожно изъ ноженъ саблю и далъ знакъ козакамъ, которые осторожно стали подкрадываться къ спавшимъ разбойникамъ...

Не прошло и четверти часа, какъ лѣсъ огласился неистовыми криками и хрипомъ умиравшихъ, а площадь надъ Кудояровой пещерой представляла картину невообразимаго хаоса. При заревѣ костровъ въ испугѣ метались по площадкѣ холма почти безоружные, заспанные разбойники, не понимая, что случилось, крича о помощи; крики и вопли ихъ покрывали залпы десятка мушкетовъ, звукъ сабель и крики остервенѣвшаго отъ ярости Пушкаренка, который метался по холму, крича своимъ козакамъ: „Не упустите, хлопцы, атамана! атамана, голубчики, ищите!"

Вдругъ кто-то изъ козаковъ окликнулъ его: „панъ сотникъ, вотъ самъ атаманъ Кудояръ!“

Какъ пущенная изъ лука стрѣла, бросился на зовъ Пушкаренко и въ минуту очутился близъ Кудояровой пещеры.

А тамъ уже давно пять козаковъ изъ его отряда жестоко рубились съ тремя разбойниками, заграждавшими входъ въ пещеру.

— Стой, хлопцы! не бейте ихъ! загремѣлъ сотникъ, предполагая въ одномъ изъ отбивавшихся злодѣевъ атамана.

Козаки отступили отъ пещеры, а разбойники отошли въ глубь ея.

— Старайтесь захватить атамана живьемъ! кричалъ Пушкаренко, приближаясь ко входу въ пещеру.—Надо придумать, хлопцы, какъ бы его живого взять!

— Кто хочетъ взять меня живымъ? грозно спросилъ Кудояръ, появляясь изъ пещеры. Величественный видъ его, при невѣрномъ освѣщеніи костровъ, казался чѣмъ-то чудовищнымъ. Пушкаренко и его козаки невольно подались назадъ.

— Кому нуженъ я? снова спросилъ грозно Кудояръ.

— Ты нуженъ мнѣ, Новгородскому сотнику!—отвѣтилъ ему овладѣвшій собою Пушкаренко.—Гдѣ ты дѣлъ мою жену Анастасью?

— Такъ вотъ кто пожаловалъ ко мнѣ въ гости! Ха, ха, ха!—злобно захохоталъ Кудояръ.—Ловокъ же ты, панъ сотникъ, воровски подобраться къ чужому добру. Разъ отнялъ у меня Настю, такъ на-жъ и въ другой разъ возьми ее!

Съ этими словами Кудояръ выхватилъ изъ за пояса богато обдѣланный серебромъ пистолетъ и выстрѣлилъ въ сотника.

Въ отвѣтъ на его выстрѣлъ грянули мушкеты козаковъ и разбойниковъ, появившихся на выручку атаману.

Не попалъ Кудояръ въ сотника, а повалилъ горячею пулею на землю молодого козака, который упалъ на землю и, тяжко застонавъ, отдалъ Богу душу. Мѣтко стрѣляли и козаки: двухъ разбойниковъ свалили они своими мушкетами, а третьяго зарубилъ Пушкаренко, который съ крикомъ: „бейте, хлопцы, ихъ всѣхъ дьяволовъ!“ бросился къ пещерѣ за отступившимъ туда атаманомъ.

Кудояръ не дремалъ и ловко отбивался отъ нападавшихъ. Уже три козака лежало у ногъ его: всѣхъ ихъ уложили мѣткіе взмахи его острой сабли. Видно было, что онъ рѣшился не отдаваться живымъ въ руки заклятаго врага своего.

Вотъ онъ видитъ этого врага какъ разъ у входа въ пещеру. Съ яростью замахнулся онъ на него своею саблей, и не сдобровать бы пану сотнику; но грянулъ во-время выстрѣлъ и пресѣкъ гибельный взмахъ Кудояровой сабли.

Въ самое сердце поразила пуля атамана, и почуялъ онъ смертельную рану, и сразу затихла въ немъ ярость, выпало изъ руки его смертоносное оружіе, и, подавшись въ пещеру, медленно опустился онъ, подобно подрубленному дубу, на землю...

VIII.

Страшная правда.

Еще Пушкаренко и сбѣжавшіеся козаки его отряда стояли въ недоумѣніи передъ входомъ въ пещеру, предполагая со стороны скрывшагося атамана разбойниковъ какую-нибудь хитрость, какъ вдругъ предразсвѣтная тишина воздуха огласилась плачемъ и причитаньями, вылетѣвшими изъ жилища Кудояра.

— Охъ, мой Михайликъ! мой сизый голубчикъ! Что за злые вороги погубили тебя! Что жъ дѣлать мнѣ горемычной безъ тебя, моя отрада? Куда я прихилюсь, гдѣ найду пораду? Ужели жъ мнѣ, горемычной зозулѣ, доведется снова идти къ ненавистному, мужу, и снова буду я влачить жизнь-каторгу? Недолго я пожила-порадовалась съ тобою, мой соколъ ясный! Охъ, горе-горечко мнѣ несчастной, безталанной!

Такъ причитала надъ отходившимъ въ вѣчность Кудояромъ Настя, подобно тому, какъ плачетъ безутѣшная чайка, когда злые мальчишки-пастухи разорятъ ея убогое гнѣздышко, свитое на небольшой кочкѣ среди залитого половодьемъ луга. Съ жалобнымъ воплемъ носится она надъ разрушеннымъ домикомъ своимъ и роняетъ, сердечная, тяжкія слезы на осиротѣвшія руины.

Какъ громомъ пораженный, стоялъ Давидъ Пушкаренко, узнавъ голосъ своей жены. А она, забывъ злыхъ вороговъ, припала головою къ груди умиравшаго Кудояра, цѣловала его руки, очи, холодѣющія уста и причитала, въ порывѣ безумнаго горя мѣшая ласки съ страшными проклятьями злодѣйкѣ-судьбѣ, которая безжалостною и могучею своею рукою вторично и на вѣки разбила ея счастье...

— И за что ты, проклятая доля, такъ неустанно преслѣдуешь меня? Куда мнѣ скрыться, чтобъ ты не нашла меня? Немного бъ еще времени, и мы бъ съ Михайликомъ ушли далеко-далеко отъ тебя, злая и немилостивая судьба моя! Ну, зачѣмъ, кому нужна была смерть твоя, мой ненаглядный Михайликъ, моя отрадная дружина!...

Плачъ безутѣшной Насти коснулся слуха Кудояра. Онъ собралъ остатокъ силъ, очнулся и простоналъ, хватаясь за нее рукою: „Не плачь, Настя... не убивайся такъ... будетъ... не надо слезъ... молись о моей душѣ грѣшной... церковь..." Онъ тяжко вздохнулъ—и его не стало.

Казалось, грѣшная душа его улетѣла куда-то въ невѣдомую даль вмѣстѣ съ предразсвѣтнымъ вѣтеркомъ, который потянулъ съ рѣчки Знобовки, прошумѣлъ въ надрѣчной осокѣ, качнулъ иглистыя вѣтки сосенъ и исчезъ въ облачной вышинѣ.

Блѣдная полоса прорывавшагося на горизонтѣ свѣта разсѣяла мракъ ночи и дала возможность различать окружающіе предметы.

Настя, почувствовавъ холодъ трупа, встала съ земли и вышла изъ пещеры. Она остановилась и протерла глаза, какъ бы не вѣря тому, что она увидѣла.

Передъ нею стоялъ неподвижно, точно каменное изваяніе, ея суровый, старый постылый мужъ Давидъ Пушкаренко съ козаками.

Такъ вотъ кто вторично разбилъ ея счастье! Вотъ кто ея лютая судьба! . . . .

. . . .

Выглянувшіе изъ-за островка лучи восходящаго солнца упали на трупъ Кудояра, который лежалъ на дорогомъ коврѣ

со скрещенными на груди руками. Красивое лицо его было покойно, точно спалъ онъ глубокимъ, невозмутимымъ сномъ, лишь неестественно заострившійся носъ и зеленый цвѣтъ лица говорили опытному глазу о вѣчности и непробудимости этого ужаснаго сна.

У ногъ Кудояра сидѣла Настя и со слезами въ покраснѣвшихъ и вспухнувшихъ глазахъ смотрѣла въ лицо покойника. Погруженная въ думы, она никого не видѣла, ничего не слышала, содрогаясь тѣломъ при тяжкомъ воспоминаніи.

Шагахъ въ десяти отъ нея, на пнѣ срубленной березы, сидѣлъ Давидъ Пушкаренко, прислушивался къ стуку заступовъ, которыми въ пещерѣ рыли козаки могилу для Кудояра, и пытливо всматривался въ неподвижное лицо своего заклятаго врага. Суровое лицо сотника сразу осунулось, станъ сгорбился, весь онъ казался глубокимъ и безпомощнымъ старикомъ. Но въ головѣ и сердцѣ этого старика шла роковая борьба.

„Такъ вотъ гдѣ, только у трупа этого знаменитаго атамана разбойниковъ, у трупа моего злѣйшаго врага,—думалъ онъ,—суждено мнѣ узнать страшную правду жизни моей! Мало того, только здѣсь, въ безумномъ плачѣ этой молодой и красивой женщины онъ узналъ, что онъ панъ сотникъ, бóльшій „злодій", чѣмъ вотъ этотъ самый разбойникъ Кудояръ. Да, вѣдь Михаилъ Бочаренко сталъ разбойникомъ не своею волею, а толкнули его на широкую проѣзжую дорогу, въ темные лѣса несчастныя обстоятельства жизни, его злая доля. Но что меня человѣка богатаго, власть имущаго, пользующагося почетомъ въ Новгородкѣ, что меня толкнуло на путь преступленія? Моя собственная прихоть. Зачѣмъ я ворвался въ домъ родителей Насти? Зачѣмъ навязался ей насильно въ мужья? Зачѣмъ вырвалъ изъ объятій Бочаренка Настю, которая принадлежала ему по праву любви? Любви?! А развѣ я, сотникъ, не любилъ Настю? Почему же право Бочаренка,—я чувствую это,—сильнѣе, чѣмъ мое право?"

И старая голова Пушкаренка кругомъ шла отъ безпощаднаго противорѣчія вихремъ проносившихся въ ней мыслей. Тоска грызла его сердце, и онъ невыразимо скорбѣлъ.

— Не такой же я злодѣй,—снова думалъ онъ,—чтобъ мнѣ доставляло радость загубить чужую жизнь. А между тѣмъ, развѣ я не загубилъ жизнь не только Кудбяра и Насти, но и свою собственную? О Господи, Боже мой!—вздохнулъ онъ: зачѣмъ Ты надѣлилъ человѣка лютыми страстями? Зачѣмъ Ты такъ затуманилъ его голову, что онъ только путемъ тяжкихъ ошибокъ и страданья доходитъ до пониманія смысла жизни?"

И въ глазахъ сотника все его земное существованіе получило такой ничтожный, жалкій видъ, что онъ ужаснулся, какъ онъ могъ жить не только дни, но цѣлые годы въ томъ смрадномъ омутѣ, который называется жизнью человѣческою.

Ему стало жаль и загубленной имъ Насти, и павшаго отъ его руки Кудояра. Онъ тяжко страдалъ, что разбилъ счастье этихъ молодыхъ и любящихъ другъ друга людей...

Было часовъ девять утра, когда зарыли въ пещерѣ трупъ Кудояра, а съ нимъ похоронили навѣки земное мучительно-сладкое, но непродолжительное счастье Насти, равно какъ и душевный покой Новгородсѣверскаго сотника Давида Пушкаренка..

Не прошло мѣсяца, какъ на холмѣ, надъ Кудояровой пещерой, теперь засыпанной землей, срубили небольшую деревянную церковку во имя святого архистратига Михаила, въ отпущеніе грѣховъ рабу Божію Михаилу Бочаренку.

IX.

Слѣды прошлаго.

Прошло два столѣтія. Обмелѣла до неузнаваемости рѣчка Знобовка; исчезли густые сосновые лѣса, покрывавшіе ея берега; смѣнилось не одно поколѣніе въ селѣ Голубовкѣ; забылись ужасы и горе, причинявшіеся нѣкогда разбойниками изъ шайки Кудояра, словомъ—многое измѣнило и унесло съ собою быстротечное время; но и понынѣ высится небольшой храмъ Божій на холмѣ близъ Знобовки. Блеститъ на немъ золотой крестъ, призываетъ крестьянъ къ молитвѣ скромный колоколъ,

шумятъ листьями молодыя березки вокругъ церкви во имя архистратига Михаила, и живетъ вмѣстѣ съ храмомъ Божіимъ преданіе о Кудояровой пещерѣ, хотя потускнѣлъ уже величавый образъ атамана разбойниковъ. И нынѣ, при входѣ въ церковь села Голубовки, по лѣвую сторону, на три сажени отъ церковнаго крыльца, указываютъ засыпанный входъ въ Кудоярову пещеру.

О сотникѣ же Новгородсѣверскомъ Давидѣ Пушкаренкѣ и его несчастной женѣ Настѣ хранитъ память ризница церковная. Въ ней доселѣ находится пожертвованное ими и купленное своимъ „коштомъ" святое евангеліе, въ листъ, Московской печати, въ переплетѣ изъ чернаго бархата съ изображеніями—на одной доскѣ Воскресенія Христова и четырехъ евангелистовъ, а на другой—архистратига Михаила.

Евангеліе это дали въ отпущеніе грѣховъ Давидъ и Анастасія Пушкаренки въ роковомъ для нихъ 1687-мъ году, что видно изъ слѣдующей записи: „Я рабъ Божій Давидъ Пушкаренко, сотникъ войска ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества, изъ женою моею Анастасіею, надалисмо сіе Евангеліе за отпущеніе грѣховъ своихъ до храму престола Архистратига Христова Михаила въ вѣчную поссесію, до слободы Голубовки. А наступающимъ по мнѣ всѣмъ то чиню вѣдомо: ктобы важился сіе Божественное Евангеліе отъ Храму отъдалити и отняти, таковый да будетъ, да будетъ проклятъ, анаѳема... а то чинилемъ и надалемъ сію книгу въ року ҂аХПЅ (1687) ноеврія И (8) дня."

С. Березка. 1894 г. **Сергѣй Браиловскій.**

Къ исторіи малорусской исторіографіи и малорусскаго общественнаго строя.

(Замѣтки по поводу статей В. А. Мякотина „Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи“ въ „Русск. Богатствѣ“ 1894 г. № 2, 3 и 4).

I.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи человѣчества является, безъ сомнѣнія, судьба лѣвобережной Малороссіи въ второй половинѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ.

Послѣ долгой и упорной борьбы за свою самостоятельность, малорусскій народъ освободился, наконецъ, отъ Польши съ ея аристократическимъ строемъ, подавлявшимъ личность большинства обывателей, и соединился съ Россіей. Соединеніе это не было сліяніемъ. Это былъ родъ личной уніи, гдѣ два соединившихся государства имѣютъ общаго главу, а затѣмъ все, что касается ихъ управленія, суда, законодательства, даже финансовъ и пр., все это существуетъ у каждаго государства отдѣльно. Отношенія Малороссіи къ Россіи были регулированы особыми „пунктами“, заключенными между царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ [1]) и гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ. „Пункты“ эти, правда,

[1]) Статьи Б. Хмельницкаго напечатаны въ П. С. З. т. I, № 119; Собр. Г. Гр. и Д. ч. III № 168; въ „Источ. Малор. Ист“. Бантышъ-Каменскаго т. I. О статьяхъ Б. Хмельницкаго см. *Костоморовъ* „Богданъ Хмельницкій“ т. III, *Соловьевъ* Исторія Россіи т. X, *Карповъ*. „Переговоры о соединеніи Малой Россіи съ Великой“ въ Жур. М-ва Нар. Просв. 1871 г. № 11 и 12, *П. Н. Буцинскій.* „О Богданѣ Хмельницкомъ“ глав. 8, *П. А. Шафрановъ.* „О статьяхъ Богдана Хмельницкаго въ Кіев. Стар. 1889 г. кн. 11.

были лишены системы, отличались, въ достаточной степени. неопредѣленностью, не разъ впослѣдствіи измѣнялись, но всегда были достаточны для того, чтобы изъ нихъ ясно можно было видѣть независимость малорусскаго общественнаго строя. И независимость эта существовала не только de jure, но и de facto. Великорусское правительство дѣлало, правда, попытки вмѣшаться въ строй Малороссіи, порой старалось регулировать правовыя отношенія въ ней, но это вмѣшательство въ первыя 50—60 лѣтъ носило такой частичный характеръ, что не могло оставить по себѣ болѣе или менѣе значительнаго слѣда, и малорусская общественно-правовая жизнь развивалась, въ значительной степени, внѣ вліяній Москвы. При такихъ обстоятельствахъ, малорусскій общественно-правовой строй носитъ характеръ нѣкотораго рода самобытности, а съ этимъ вмѣстѣ онъ пріобрѣтаетъ и особый интересъ для изслѣдователя.

Малорусское общество сложилось не на первыхъ порахъ человѣческаго развитія, а тогда, когда каждый членъ имѣлъ уже многовѣковую исторію; когда онъ долго и упорно боролся противъ другого строя, ему не подходящаго, связывавшаго его по рукамъ и ногамъ, не дававшаго ему жить; когда онъ порвалъ всѣ связи съ этимъ строемъ и задумалъ создать новый, на новомъ основаніи, положивъ въ основу личную свободу. Казалось бы, на этой основѣ общество должно было выработать иной строй, гдѣ бы каждому легче жилось, гдѣ бы человѣкъ былъ „свободнымъ“ во всѣхъ отношеніяхъ. Этого, однако, не случилось. Малороссія, въ сущности, не выработала никакого опредѣленнаго, строго обозначившагося строя, никакихъ ясныхъ общественно-правовыхъ принциповъ, и вся жизнь ея прошла въ какомъ-то хаотическомъ состояніи и ичезла, не оставивъ нигдѣ замѣтнаго слѣда.

Малорусскій общественно-правовой строй потерпѣлъ, такимъ образомъ, крушеніе, и въ настоящее время только нѣсколько случайно уцѣлѣвшихъ въ X т. свода законовъ, уродливыхъ, съ общечеловѣческой точки зрѣнія, спеціальныхъ статей для Черниговской и Полтавской губерній, заимствованныхъ изъ Литовскаго Статута, слабо намекаютъ на то, что въ Мало-

россіи былъ когда-то иной порядокъ вещей [1]). Фактъ крушенія—совершившійся, законченный, и задача исторіи въ настоящее время указать, съ одной стороны, на причины его, а съ другой—прослѣдить, во всѣхъ деталяхъ, можетъ быть въ высшей степени поучительныхъ и для современнаго намъ общества, самый процессъ этого крушенія. Съ этой точки зрѣнія исторія Малороссіи представляетъ интересъ не только областной, такъ сказать мѣстный, но и общечеловѣческій, міровой, по сколько на ней можно прослѣдить историческую закономѣрность явленій и отмѣтить условія, способствующія развитію общества или тормозящія его.

Къ сожалѣнію только, до сихъ поръ исторія Малороссіи привлекала къ себѣ мало изслѣдователей. Помимо, конечно, общаго увлеченія исторіей центральной Россіи, которое поглощало лучшія наши ученыя силы, причиной этого была трудность работать надъ малорусской исторіей, такъ какъ, при отсутствіи печатныхъ источниковъ, приходилось работать почти исключительно по архивнымъ матеріаламъ, благодаря чему работа значительно усложнялась и теряла свой привлекательный для изслѣдователя характеръ. Малорусскіе архивы не сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, а разбросаны: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Полтавѣ, Харьковѣ, Москвѣ и даже теперь въ Петербургѣ, куда, какъ извѣстно, попала въ Академію Наукъ часть Румянцовской описи [2]); архивы эти не разобраны и представляютъ изъ себя море бумагъ, въ которомъ можетъ разобраться только очень терпѣливый и усидчивый изслѣдователь. Естественно, поэтому, что большинство изслѣдователей пугалось такого состоянія источниковъ и отказывалось отъ мысли браться за разсмотрѣніе той или другой стороны малорусскаго общественнаго быта.

---

[1]) Пол. Собр. Зак. 1842 г. № 15, 532.

[2]) Объ этомъ см. *А. М. Лазаревскій*. Описаніе Старой Малороссіи, т. I и II Предисловіе. *В. А. Мякотинъ*. Дѣла по исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ. „Кіев. Стар.“ 1891 г. № 2; см. также *Наши замѣтки* въ „Кіев. Стар.“ за декабрь 1892 года „Къ децентрализаціи нашихъ историческихъ архивовъ. Судьба Румянцовской Описи“, и рецензію на 5 книгу „Чтеній въ О-вѣ Нестора Лѣтописца“ въ „Кіев. Стар.“ 1891 г. Октябрь.

Были и другія обстоятельства, тормозившія и отчасти и теперь тормозящія изслѣдованіе малорусской исторіи, а потому не мудрено, что исторія Малороссіи, въ большинствѣ случаевъ, является еще прямо таки terra incognita. Намъ неизвѣстны въ деталяхъ ни управленіе, ни судъ, ни финансы. Повинности, исторія сословій, землевладѣнія и проч., все это ждетъ еще своихъ изслѣдователей.

Исторія Малороссіи, если конечно, не считать лѣтописей XVII и начала XVIII в., обратила на себя вниманіе въ срединѣ прошлаго столѣтія, въ эпоху Екатерининской коммиссіи. Этому содѣйствовали особыя обстоятельства. Какъ извѣстно, рѣшеніе центральнаго правительства созвать коммиссію изъ представителей разныхъ сословій и народностей, входящихъ въ составъ государства, для выработки общаго имперскаго законодательства, не встрѣтило сочувствія въ Малороссіи. Наоборотъ, въ Малороссіи проявился своего рода протестъ противъ начинаній правительства, навлекшій на себя подъ часъ суровыя, несправедливыя мѣры деспотическаго Румянцева, управлявшаго тогда Малороссіей [1]). Давленіе, производимое имъ на малорусское общество, не дало возможности послѣднему, въ особенности же малорусскому шляхетству,—высказать цѣликомъ свои пожеланія. Сущность этихъ пожеланій, какъ можно видѣть изъ наказовъ и матеріаловъ, относящихся къ выборамъ малорусскихъ депутатовъ и ихъ дѣятельности въ Екатерининской Коммиссіи, сводилась къ сохраненію возможно полной обособленности Малороссіи отъ Россіи въ области администраціи, суда и законодательства и затѣмъ къ признанію нормальнымъ, законнымъ того порядка вещей, который установился въ Малороссіи, благодаря стихійному ходу ея исторіи [2]). Порядокъ этотъ пря-

---

[1]) Объ этомъ см. *Авсѣенко* „Малороссія въ 1767 году“; *Соловьевъ* т. XXVII; *Теличенко* „Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи. Кіевъ, 1891 г., или въ „Кіевской Старинѣ“ за 1890 г. *Наша* рецензія на „Чтенія въ О-вѣ Нестора Лѣтописца кн. V“ въ „Кіев. Стар.“ 1891 г Октябрь.

[2]) См. Наказы малороссійскимъ депутатамъ, изд. „Кіевской Старины“ Кіевъ. 1888; Чтенія въ О-вѣ Нестора Лѣтописца кн. V; Чтенія въ о-вѣ исторіи и древностей 1861 г. кн. I. Матеріалы къ исторіи Екатерининской коммиссіи въ рукопис-

мо противорѣчилъ тѣмъ идеаламъ, которые руководили козацкимъ движеніемъ, приведшимъ Малороссію къ отпаденію отъ Польши, и которые затѣмъ должны были, по идеѣ, лечь въ основу малорусскаго соціальнаго строя. Таково было фактическое положеніе дѣла. Теоретически оно представлялось совсѣмъ иначе тѣмъ лицамъ, которыя стояли теперь во главѣ малорусскаго общества и которыя могли сказать свое авторитетное слово и въ интересахъ которыхъ лежало *исторически* оправдать существующій порядокъ вещей. Это повело къ занятію малорусской исторіей, такъ какъ связь съ прошедшимъ была до того потеряна въ срединѣ XVIII вѣка, что въ гетманство Разумовскаго не знали, напр., что такое полковники, какова ихъ власть и пр. [1]).

Среди людей, признававшихъ современный порядокъ вещей нормальнымъ и старавшихся оправдать его съ исторической точки зрѣнія, безъ сомнѣнія, однимъ изъ самыхъ умныхъ, начитанныхъ и образованныхъ былъ извѣстный депутатъ отъ лубенскаго шляхетства въ Екатерининской коммиссіи Г. А. Полетика [2]). Воспитанникъ духовной кіевской академіи, Г. А. Полетика родился въ 1725 г., служилъ сначала переводчикомъ при академіи наукъ, затѣмъ при св. синодѣ, откуда былъ назначенъ инспекторомъ классовъ морскаго шляхетскаго корпуса, гдѣ и оставался до 1773 года. Умеръ онъ 27 ноября 1784 г.

номъ отдѣленіи библіотеки университета св. Владиміра. Бумаги эти поступили сюда недавно изъ библіотеки М. О. Судьенка.—Наказы малорусскимъ шляхетскимъ депутатамъ напечатаны также въ 68 т. „Сборника Рус. Ист. Общ.“ О дѣятельности малорусскихъ депутатовъ въ Коммиссіи см. т. 4, 8, 14, 32, 36 „Сбор. Рус. Ист. Общества“.

[1]) Харьк. Истор. Арх. Черн. отд. № 10510. До чего доходило забвеніе прошлаго Малороссіи у поколѣнія конца XVIII и начала XIX вѣка см. рецензію *А. М. Лазаревскаго* на „Семейную хронику“ А. В. Кочубея, въ „Кіевской Старинѣ“ 1894 г., кн. I.

[2]) О Полетикахъ см. ст *А. М. Лазаревскаго* „Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ“ „Кіев. Стар. 1891 г. Апрѣль. Частная переписка Г. А. Полетики напечатана А. М. Лазаревскимъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1893 и 1894 года. Свѣдѣнія о Г. А. Полетикѣ см. также въ матеріалахъ для исторіи Екатерининской коммиссіи.

Принадлежа, по рожденію, къ малорусскому шляхетству и живя въ то же время, когда шляхетство это вполнѣ уже выдѣлилось изъ народа, на половину закрѣпостило его и сосредоточило всѣ свои стремленія на томъ, чтобы русское правительство признало его юридически—Г. А. Полетика, естественно, явился защитникомъ и проводникомъ шляхетскихъ стремленій. Будучи затѣмъ избранъ депутатомъ въ коммиссію, онъ сдѣлался въ ней ярымъ защитникомъ малорусской автономіи, старался оправдать и отстоять ее съ исторической точки зрѣнія, понимая, впрочемъ, прошлое Малороссіи совершенно въ превратномъ видѣ, а можетъ быть и умышленно извращая его съ цѣлью отстоять свои шляхетскія вожделѣнія. Въ бумагахъ, поступившихъ въ кіевскій университетъ изъ библіотеки покойнаго І. М. Судьенка [1]), есть черновыя историческія записки Г. А. Полетики, писанныя имъ, очевидно, въ бытность депутатомъ въ коммиссіи. Записки эти интересны для насъ, какъ первые шаги въ изученіи малорусской исторіи, тѣмъ болѣе, что позднѣйшіе собиратели матеріаловъ по малорусской исторіи, А. И. Чепа, Я. М. Марковичъ, такъ или иначе связаны съ фамиліей Полетикъ [2]), а потому мы имѣемъ нѣкоторое основаніе предполагать, что пробужденіе у нихъ интереса къ занятію малорусской исторіей обусловлено, въ значительной степени, вліяніемъ семьи Полетикъ: дѣло отца, какъ извѣстно, продолжалъ и сынъ его Василій Григорьевичъ [3]).

Изъ историческихъ записокъ Г. А. Полетики, о которыхъ мы уже упомянули, сохранились отрывки одной подъ заглавіемъ, „*Историческое извѣстіе, на какомъ основаніи Малая Россія*

---

[1]) Рукописное отдѣленіе библіотеки у-та св. Владиміра. Объ этихъ бумагахъ и переходѣ ихъ во владѣніе Судьенка см. у *А. М. Лазаревскаго* „Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ“ Кіевская Старина 1891 года апрѣль, стран. 112 примѣчаніе 1.

[2]) См. письма А. И. Чепы въ „Кіевской Старинѣ“ 1890 года, май стран. 364 и слѣдующ.

[3]) „Кіевская Старина“ 1891 года, книга 4-ая, стран. 111 *А. М. Лазаревскій*. Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ.

была подъ республикою польскою и на какихъ договорахъ поддалась россійскимъ государямъ, и патріотическое разсужденіе, какимъ образомъ можно бы оную нынѣ учредить, чтобы она полезна могла быть россійскому государству безъ нарушенія правъ и волностей [1]". Записка эта тенденціозна, и тенденція ея соотвѣтствуетъ вполнѣ тѣмъ стремленіямъ малорусскаго шляхетства, о которыхъ мы знаемъ наканунѣ Екатерининской коммиссіи. За образецъ въ ней взятъ строй польскій, и онъ выдается какъ существовавшій въ Малороссіи послѣ Богдана Хмельницкаго и утвержденный пунктами этого гетмана съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. На первомъ планѣ стоитъ, конечно, шляхетство и его затаенная мысль возстановить такой строй, при которомъ оно получило бы выдающійся перевѣсъ, какъ въ администраціи (сеймики), такъ и въ судѣ (суды гродскіе и земскіе). Съ этой точки зрѣнія демократизмъ, который легъ теоретически въ основу малорусскаго общественнаго строя, является прямымъ нарушеніемъ „правъ", а гетманы настоящими беззаконниками, постоянно нарушавшими эти права и захватывающими власть въ свои руки. Другая записка, подъ заглавіемъ „*Записка, какъ Малая Россія во время владѣнія польскаго раздѣлена была и о образѣ ея управленія* [2]" проводитъ ту же мысль, которая лежитъ затѣмъ въ основѣ „правъ и привиллегій малорусскаго шляхетства [3]", громаднаго сборника Г. А. Полетики, представленнаго имъ въ Екатерининскую коммиссію для защиты самобытности и автономности Малороссіи. Конечно, съ точки зрѣнія науки всѣ эти тенденціозныя попытки исторически оправдать и, такимъ образомъ, якобы объяснить существующій строй—не выдерживаютъ никакой критики; но съ точки зрѣнія

---

[1]) Рукописное отдѣленіе библіотеки у-та св. Владиміра. Бумаги М. О. Судьенка.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же. Кромѣ этихъ записокъ есть и другія, принадлежащія также Г. А. Полетикѣ, напр. „*Запись, что Малая Россія не завоевана, а присоединилась добровольно къ Россіи*" и пр. См. также „Возраженіе депутата лубенскаго шляхетства Г. А. Полетики на наставленіе депутату малороссійской коллегіи Дм. Натальину. *Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1858 г.* кн. III, 51—105.

самосознанія и затѣмъ пробужденія интереса къ прошлому малорусскаго народа—они, несомнѣнно, имѣли значеніе и не остались безъ вниманія.

Съ именемъ Г. А. Полетики стали связывать въ послѣднее время и пресловутую „Исторію Руссовъ [1])“, являющуюся скорѣй историческимъ памфлетомъ въ духѣ упомянутыхъ выше историческихъ записокъ Полетики, преслѣдующихъ вполнѣ опредѣленную практическую цѣль, чѣмъ, дѣйствительно, историческимъ трудомъ [2]), но даже при такомъ ея значеніи „Исторія Руссовъ“ интересна для насъ, какъ одна изъ попытокъ связно разсказать исторію малорусскаго народа. Если даже она написана не Г. А. Полетикой, то она не могла бы явиться въ свѣтъ безъ него и безъ Екатерининской коммиссіи. Послѣдняя создала условія, при которыхъ знакомство съ прошлымъ Малороссіи сдѣлалось прямо таки необходимостью; Г. А. Полетика одинъ изъ первыхъ обратился къ такому знакомству. Вотъ почему съ Г. А. Полетики и слѣдуетъ, думается намъ, начинать малорусскую исторіографію. Онъ, несомнѣнно, прямо или косвенно содѣйствовалъ пробужденію въ малорусской интеллигенціи того стремленія къ самосознанію, которое выразилось въ изученіи прошлаго и настоящаго малорусскаго народа.

---

¹) Въ литературѣ первый высказалъ такое предположеніе *А. М. Лазаревскій* „Отрывки изъ Семейнаго архива Полетикъ“ Кіев. Стар. 1891 г. кн. 4-я стр. 110—116. См. также проф. *В. С. Иконниковъ* „Опытъ Русской исторіографіи“ Кіев. 1891—92 г. т. I, стр. 1230, прим. 4-е *Л. Н. Майковъ.* Къ вопросу объ исторіи Руссовъ жур. М. Н. Пр. 1893. г. № 5.

²) Исторія Руссовъ напечатана О. М. Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.“ въ 1846 году и отдѣльно. О ней см. статьи и *С. М. Соловьева* „Очеркъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексѣю Михайловичу“ въ Отечеств. Зап. 1848 и 1849 гг. *Карповъ.* Критическій обзоръ разработки главн. русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся“ М. 1870 г. гл. IV. Характеристику автора „Исторіи Руссовъ“ см. въ газетѣ Порядокъ 1881 г. № 97 (статья Н. И. Костомарова „поѣздка въ Батуринъ)“ и № 128—„Въ защиту неизвѣстнаго покойника“, возраженіе Н. И. Костомарову. Также названныя выше ст. *А. М. Лазаревскаго* и *Л. Н. Майкова* и ст. *В. П. Горленка* „Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX в. Кіев. Старина 1893 г. январь.

Судьба Малороссіи, впрочемъ, интересовала въ это время не однихъ только малороссовъ. Исторіей Малороссіи заинтересовался академикъ Г. Ф. Миллеръ, и ему принадлежатъ статьи „о началѣ происхожденія козаковъ“, затѣмъ „Извѣстія о запорожскихъ козакахъ“, напечатанныя въ апрѣльской и майской книгахъ „Сочиненій и переводовъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ“ за 1760-й годъ [1]). Кромѣ этихъ двухъ статей, сохранилось въ портфелѣ Миллера нѣсколько замѣтокъ, относящихся къ исторіи запорожскихъ козаковъ и Малороссіи и напечатанныхъ только впослѣдствіи О. М. Бодянскимъ [2]). Несомнѣнно, пробужденіе интереса къ знакомству съ прошлымъ Малороссіи и малорусскаго народа стоитъ и здѣсь въ тѣсной связи съ вопросомъ объ измѣненіяхъ въ малорусскомъ административномъ строѣ, который былъ тогда поставленъ на очередь въ правительственныхъ сферахъ и который, естественно, обращалъ вниманіе на своеобразную страну, ничѣмъ не похожую на Великороссію ни въ своемъ прошломъ, ни въ настоящемъ. Только этимъ мы и можемъ объяснить появленіе многихъ трудовъ о Малороссіи, которые хотя были напечатаны и много лѣтъ спустя, но которые свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ пробужденіи интереса къ Малороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка, даже независимо отъ желанія отстоять ея привилегіи, желанія, несомнѣнно руководившаго, напримѣръ, Г. А. Полетикой и нѣкоторыми изъ уроженцевъ—малороссовъ. Назовемъ трудъ Петра Симоновскаго „Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ и военныхъ дѣлахъ“, составленное въ 1765 г. и напечатанное уже Бодянскимъ въ 1847 году [3]) или, наконецъ, „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, ея народѣ и козакахъ вообще“ А. Ригельмана (1785—1786 г.) [4]). Если съ строго научной точки зрѣнія труды эти, можетъ быть, и не

---

[1]) Апрѣль стр. 291—334; май 387—444.

[2]) Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. 1847 г. № 3—6 и отдѣльно.

[3]) Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. 1847 г. № 4 и 8 и отдѣльно.

[4]) Тамъ же № 5—9 и отдѣльно. Рецензія К. Д. Кавелина. Въ „Современникѣ“ 1847 г. № 3, 5, 6 и 8.

выдерживаютъ во многомъ критики, то съ точки зрѣнія исторіографіи и затѣмъ стремленія къ изученію извѣстнаго народа и страны, они, несомнѣнно, имѣютъ свое значеніе, хотя бы какъ показатели умственныхъ интересовъ извѣстной эпохи и извѣстной группы людей.

Что такіе люди существовали во второй половинѣ XVIII в., у насъ есть много свидѣтельствъ. Извѣстный Василій Рубанъ, уроженецъ Малороссіи, издалъ нѣсколько источниковъ, относящихся къ исторіи Малороссіи въ ея отдаленномъ или ближайшемъ прошломъ[1]). Г. А. Полетика, сказали мы, собиралъ матеріалъ для исторіи Малороссіи еще раньше Рубана, и послѣ него осталось драгоцѣнное десятитомное собраніе матеріаловъ, поступившихъ недавно въ библіотеку университета св. Владиміра вмѣстѣ съ другими бумагами Г. А. Полетики [2]), пріобрѣтенными у его родственниковъ М. О. Судьенкомъ. Г. А. Полетика, судя по словамъ сына, задумывалъ написать исторію Малороссіи. Неприведенное въ исполненіе дѣло отца продолжалъ и сынъ его Василій Григорьевичъ. Въ одномъ изъ писемъ къ гр. Румянцеву В. Г. Полетика пишетъ, что „начертаніе" исторіи Малороссіи было дѣломъ его отца, „а наконецъ сдѣлалось моимъ предметомъ[3])". В. П. Горленко предполагаетъ даже въ В. Г. Полетикѣ автора „Исторіи Руссовъ[4])". Какъ бы

[1]) Парнасскій Щепетильникъ 1770 г. декабрь „Историческія извѣстія польскихъ писателей о провинціяхъ и городахъ Россійскихъ, бывшихъ нѣкогда во владѣніи польскомъ и потомъ опять россіянами взятыхъ, принадлежащія къ Россійской имперіи". Статья появилась безъ имени автора, но по предположенію А. М. Лазаревскаго (Указатель источниковъ для изученія Малор. края вып. I стр. 4) принадлежитъ Рубану. Въ 1773 г. Рубанъ напечаталъ „Краткія Политическія и Историческія извѣстія о Малой Россіи"; есть его работа затѣмъ о привилегіяхъ г. Кіева. Имъ издана также „Роспись митрополитовъ Кіевскихъ"; „Краткая лѣтопись Малой Россіи съ 1506 по 1776 годъ"; „Землеописаніе Малыя Россіи и др. Указатель изданій и сочиненій В. Рубана см. въ „Указателѣ источниковъ для изученія Малорусскаго края" А. М. Лазаревскаго. Нѣкоторыя изъ произведеній В. Рубана напечатаны были въ „Магазинѣ" Бюшинга.

[2]) Рукописный отдѣлъ библіотеки св. Владиміра.

[3]) Кіевская Старина 1891 г. кн. 4 стр. 111.

[4]) *В. П. Горленко* „Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX ст. „Кіев. Стар." 1893 г. января стр. 69 и слѣд.

то ни было, а въ семьѣ Полетики поддерживалась любовь къ малорусской исторіи и зрѣла мысль объ ея разработкѣ. Съ Полетиками былъ близокъ извѣстный собиратель малорусской старины А. И. Чепа, и нельзя отрицать, что на немъ отражалось вліяніе традицій семьи Г. А. Полетики, ревностно собиравшаго матеріалъ для исторіи Малороссіи. Часть матеріаловъ, собранныхъ А. И. Чепой, была дана молодому Я. М. Марковичу, который задумалъ писать подробную исторію Малороссіи, и погибла въ Петербургѣ, по кончинѣ Я. М. Марковича[1]). Послѣдній умеръ рано, 20 лѣтъ, но былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ, серьезныхъ и начитанныхъ людей своего времени. Плодомъ занятій Я. М. Марковича Малороссіею явились небольшія, въ 98 стр., „Записки о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ", изданныя въ 1798 году. По черновымъ бумагамъ Я. М. Марковича, сохранившимся у родственниковъ его, можно видѣть, какой эрудиціей обладалъ этотъ человѣкъ и съ какой солидной подготовкой онъ подходилъ къ своему дѣлу, занятію исторіей Малороссіи. Небольшая его книжка, названная выше, судя по всему, должна была служить началомъ этой „исторіи". Въ „исторіи" Я. М. Марковича мы, несомнѣнно, имѣли бы трудъ научный, написанный со всѣми пріемами, которые выработала тогдашняя научная историческая критика. Здѣсь мы можемъ говорить уже о чисто научной постановкѣ разработки малорусской исторіи, безъ всякой практической тенденціозной цѣли, которая налагала на историческіе труды, поневолѣ, характеръ какихъ то политическихъ памфлетовъ, какъ то мы видимъ, напримѣръ, въ запискахъ Г. А. Полетики или въ „Исторіи Руссовъ". Труды Я. М. Марковича и др. также согрѣты и вызваны патріотизмомъ, любовью къ родинѣ; только патріотизму этому не приносится въ жертву фактическая сторона, какъ это бывало въ недавнее время, въ той же второй половинѣ XVIII вѣка.

Я. М. Марковичъ, какъ мы видѣли, началъ изученіе Малороссіи съ современнаго ему ея состоянія. Это было вполнѣ

---

[1]) Объ этомъ см. письма А. И Чепы въ Кіев. Стар. 1890 г. № 5, а также ст. *Горленка* „Изъ исторіи южно-русскаго общества"—тамъ же 1893 январь.

раціонально, такъ какъ о Малороссіи и малороссахъ знали въ то время и затѣмъ въ первой половинѣ XIX столѣтія очень мало. Въ Малороссію предпринимались великорусскими людьми путешествія, точно въ совершенно имъ невѣдомую страну, и, благодаря этимъ путешествіямъ съ записками на лету впечатлѣній автора и очень скорыми и поверхностными заключеніями и обобщеніями о народѣ, его нравахъ и обычаяхъ,—въ публику проникало много невѣрныхъ свѣдѣній и прямо таки анекдотовъ, которые, будучи выдуманы въ досужій часъ, приводились для характеристики яко-бы малороссовъ[1]). Не лучше было знакомство съ Малороссіею и администраціи. Мы ужъ упоминали о томъ, какія затрудненія испытывалъ послѣдній гетманъ, явившись управлять родной, но ему совсѣмъ невѣдомой страной, Малороссіей. Поверхностное знакомство со страной видно и у его ближайшаго помощника Теплова, въ его „Запискѣ[2])". При Румянцевѣ, правда, было произведено всестороннее описаніе Малороссіи, составлена знаменитая Румянцевская Опись, но, благодаря начавшимся войнамъ, а затѣмъ ломкѣ малорусскаго строя, администрація, повидимому, не успѣла воспользоваться добытыми свѣдѣніями, и Малороссія, такимъ образомъ, по прежнему, оставалась страной малоизвѣстной. Это обстоятельство, съ одной стороны, а съ другой—естественная потребность ближайшаго знакомства съ родиной, думается намъ, руководили извѣстнымъ издателемъ „Россійскаго Магазина" Федоромъ Туманскимъ, когда онъ 6 декабря 1779 года представилъ Румянцеву проэктъ о всестороннемъ изученіи Малороссіи. Избранный корреспондентомъ Академіи наукъ, Туманскій находилъ необходимымъ „остающееся отъ должности свободное время посвятить полезнымъ отечеству своему наукамъ и знаніямъ" и, поэтому, просилъ Румянцева собрать чрезъ подвѣдомственныхъ лицъ свѣдѣнія о Ма-

---

[1]) Объ этихъ путешествіяхъ см. ст. *Л. Д. Синицкаго* въ „Кіевской Старинѣ" 1892 и 1893 года. Какъ образецъ нелѣпостей, которыя разсказывались о Малороссахъ см. „Малороссіяне" П Свиньина „Картины Россіи" Спб. 1830 года страницы 311—317.

[2]) *Кулишъ*. Записки о южной Руси т. II. стр. 175—196.

лороссіи по двумъ, приложеннымъ имъ, Туманскимъ, программамъ, изъ которыхъ одна касается городовъ, другая селъ, слободъ, хуторовъ, займищъ; причемъ первая состоитъ изъ 50 §§, вторая только изъ 23. Програмы эти въ высшей степени люлюбопытны и касаются времени поселенія того или другаго мѣста, положенія его, управленія, количества жителей, ихъ языка, одеждъ, причемъ, если найдутся живописцы, необходимо приложить рисунки; затѣмъ въ програму входили также достопримѣчательности города, свѣдѣнія о торгахъ, промышленности, лѣсахъ, рыбахъ, звѣряхъ, водящихся вокругъ описываемаго мѣста; требовалось указать также, игралъ-ли данный городъ какую нибудь роль въ административномъ отношеніи; нѣтъ ли гдѣ въ канцеляріяхъ или у частныхъ людей какихъ нибудь древнихъ о Малороссіи записокъ или лѣтописей, а если есть, то требовалось сообщить съ нихъ списки. Програма требовала также свѣдѣній о народныхъ суевѣріяхъ, примѣтахъ, обрядахъ свадебныхъ и др. Словомъ, повторяемъ, програма касается самыхъ разнообразныхъ сторонъ въ изслѣдованіи Малороссіи, разработана очень подробно, такъ что составитель внесъ даже примѣрные отвѣты, которые должны были быть даны по тому или другому вопросу [1]).

Програма Федора Туманскаго для насъ имѣетъ особое значеніе. Не говоря уже о томъ, что въ ней проявляется та любовь къ изученію родной страны, которая такъ живо пробудилась у малорусской интеллигенціи конца XVIII и начала XIX вѣка, програма Туманскаго, повидимому, не осталась и безъ практическаго вліянія. Она такъ сходна съ планомъ, по которому составлено впослѣдствіи „Топографическое Описаніе Черниговскаго Намѣстничества А. Шафонскаго [2])“, что врядъ ли можно сомнѣваться, что програма Федора Туманскаго вызвала этотъ трудъ. Она несомнѣнно лежитъ также и въ основѣ

---

[1]) Подлинникъ этого проэкта см. въ бумагахъ Румянцева, поступившихъ изъ библіотеки М. О. Судьенка въ рукописный отдѣлъ библіотеки университета св. Владиміра.

[2]) Издано М. О. Судьенкомъ въ 1851 году.

„Описанія черниговскаго намѣстничества“ Дм. Пащенка [1]). Наше соображеніе, думается намъ, подтверждается временемъ появленія трудовъ Дм. Пащенка въ 1781 и Аф. Шафонскаго въ 1786 г.—въ годы, слѣдующіе непосредственно за представленной 6 декабря 1779 г. программой Федора Туманскаго, а еще болѣе самымъ способомъ собиранія свѣдѣній чрезъ лицъ мѣстной администраціи, подвѣдомственной гр. Румянцеву, т. е. способомъ, который рекомендовалъ Туманскій въ своемъ проэктѣ изученія Малороссіи. Если наше предположеніе вѣрно, то невѣрно мнѣніе, будто иниціатива труда принадлежитъ Румянцеву и что имъ „начертанъ общій планъ работы“, а Шафонскому принадлежитъ разработка частностей [2]). По словамъ Н. В. Стороженка, трудъ Шафонскаго „наравнѣ съ румянцевскою генеральною описью является драгоцѣннѣйшимъ источникомъ свѣдѣній для исторіи Украины во второй половинѣ XVIII вѣка [3]“). Въ виду то этого, для насъ пріобрѣтаетъ особенную важность то обстоятельство, что трудъ этотъ возникъ по частной иниціативѣ, и если впослѣдствіи мысль объ изслѣдованіи Малороссіи была усвоена высшей администраціей и приведена въ исполненіе, то картина отъ этого нисколько не мѣняется. Планъ Туманскаго лишній разъ показываетъ, что потребность знать исторію и настоящее положеніе родины вполнѣ созрѣла и укоренилась у малорусской интеллигенціи къ началу XIX вѣка; поэтому, нисколько не удивительно, что потребность эта еще больше сознается теперь, а потому дѣлаются и попытки къ ея удовлетворенію болѣе серезныя, чѣмъ то мы видѣли даже въ самомъ концѣ XVIII вѣка. Увлеченіе исторіей и этнографіей въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, имѣвшее свои корни въ общемъ направленіи европейской мысли [4]), могло найти уже достаточно, какъ мы

---

[1]) Издано А. М. Лазаревскимъ въ „Запискахъ Черниговскаго губернскаго Статистическаго Комитета 1868 г. к. II вып. 1 и 2.

[2]) *Н. В. Сторженко.* Исторія составленія „Топографическаго Описанія Черниговскаго Намѣстничества“ Шафонскаго Кіев. унив. Изв. 1886 г. № 10.

[3]) Тамъ же стр. 135

[4]) *А. Н. Пыпинъ.* Характеристика литературныхъ мнѣній. *Его-же* Исторія русской этнографіи.

видѣли, подготовленную почву въ Малороссіи и, повидимому, также не осталось безъ вліянія на разработку ея исторіи.

Мы не будемъ, конечно, перечислять всего, что сдѣлано для малорусской исторіи въ XIX вѣкѣ, такъ какъ наша цѣль вовсе не заключается въ томъ, чтобы написать исторію разработки малорусскаго прошлаго. Историческая справка въ этомъ отношеніи намъ необходима только для того, чтобы яснѣе выступило предъ читателемъ значеніе послѣднихъ работъ по малорусской исторіи и значеніе того направленія, которое эти работы приняли. Поэтому мы будемъ указывать только въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ явленія малорусской исторіографіи XIX вѣка, которыя, по нашему мнѣнію, такъ или иначе способствовали разработкѣ малорусской исторіи, внося ли новое освѣщеніе, ставя ли новые вопросы или сообщая новый матеріалъ, какъ то дѣлалъ, напримѣръ, О. М. Бодянскій[1]).

Въ XIX вѣкѣ исторія Малороссіи разрабатывается, главнымъ образомъ, малороссами, у которыхъ интересъ къ ней пробуждается естественно, какъ къ исторіи родной страны. Бывали, конечно, и исключенія отсюда, въ видѣ хотя бы замѣчательныхъ, по своему времени, статей С. М. Соловьева „Очерки исторіи Малороссіи до соединенія ея съ Великою Россіею[2])“ или не вполнѣ удовлетворительнаго „Историко-статистическаго описанія Черниговской епархіи“ преосв. Филарета[3]); но труды

---

[1]) Свѣдѣнія о разработкѣ малорусской исторіи въ концѣ прошлаго и въ нынѣшнемъ вѣкѣ можно найти въ книгѣ проф. *В. С. Иконникова:* Опытъ русской исторіографіи т. I, Кіевъ 1891—92 г; также у проф. *Д. И. Багалѣя,* Новый историкъ Малороссіи, рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго „Описаніе старой Малороссіи“ Спб. 1894; у *Карпова,* Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до Малороссіи относящихся М. 1870 г.; у *А. Н. Пыпина,* Исторія русской этнографіи, т. III, этнографія малорусская; въ статьяхъ: *А. М. Лазаревскаго* „Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ“ Кіев. Ст. 1891 г. кн. 4-я и *В. П. Горленка* „Изъ исторіи южно-русскаго общества“ Кіев. Стар. 1893 г. кн. I. См. также *А. М. Лазаревскаго* „Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края“ вып. I, Спб. 1858 г.

[2]) „Отеч. Записки“ 1848 г. № 11 и 12 и 1849 № 2.

[3]) Объ „Историко-статистическомъ описаніи Черниговской губерніи“ смотра *А. М. Лазаревскій.* „Описаніе старой Малороссіи т. I стр. XV—XVI (предисловіе); также *проф. Д. И. Багалѣй.* Новый историкъ Мороссіи, стрл. 7—9.

эти носили чисто случайный характеръ и въ исторіи малорусской исторіографіи они являются трудами, такъ сказать, эпизодическими, а потому и не оказавшими большого вліянія на разработку малорусской исторіи. Больше занимался малорусской исторіей въ послѣднее время Г. Ф. Карповъ [1]), но его работы носятъ узко-спеціальный, не лишенный притомъ тенденціозности, характеръ, и, ужъ поэтому одному, онъ не могъ быть двигателемъ разработки малорусской исторіи, тѣмъ болѣе, что на сколько онъ былъ искусенъ въ критикѣ источниковъ, на столько онъ былъ слабъ въ широкихъ обобщеніяхъ и объясненіи фактовъ малорусской исторіи, т. е. именно въ тѣхъ сторонахъ историческаго изученія, которыя являются главными двигателями научной разработки исторіи, какъ науки общественной. Здѣсь у Г. Ф. Карпова на каждомъ шагу сказывалось полное незнакомство съ внутренней исторіей Малороссіи и полная неподготовленность къ занятію ею [2]), обусловленная слишкомъ узкой спеціализаціей въ области изученія малорусскихъ памятниковъ и критики отдѣльныхъ фактовъ, спеціализаціей, можетъ быть, и полезной въ извѣстномъ смыслѣ, но ужъ совсѣмъ, повторяемъ, неспособной явиться двигателемъ исторической науки впередъ.

Возвращаясь къ малороссамъ, мы должны прежде всего сказать, что тотъ интересъ къ малорусской исторіи и старинѣ, который мы замѣчали въ концѣ XVIII вѣка среди малорусской интеллигенціи продолжаетъ существовать и въ началѣ XIX вѣка. Недавно, въ іюлѣ 1894 г., А. М. Лазаревскій напечаталъ въ „Кіевской Старинѣ“ „Словарь малорусской старины, составленный въ 1808 году В. Я. Ломиковскимъ“. Словарь этотъ представляетъ собою объясненіе многихъ предметовъ, существовавшихъ въ старой Малороссіи, которые стали забываться те-

---

[1]) Главный трудъ *Г. Ф. Карпова* „Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся М. 1870 г.“. Затѣмъ: „Переговоры объ условіяхъ соединенія Малороссіи съ Великой Россіей“. Журн. Мин. Нар. Просв. 1871 г. ч. 158.

[2]) Въ этомъ отношеніи интересна статья Г. Ф. Карпова „О крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи“. Рус. Арх. 1875, II.

перь, съ измѣненіемъ малорусскаго общественнаго строя. Здѣсь мы находимъ объясненія, касающіяся администраціи, титуловъ, одеждъ, учебныхъ заведеній и пр. Словарь явился, несомнѣнно, плодомъ долгихъ занятій Ломиковскаго малорусской стариной. Судя по краткимъ, дошедшимъ до насъ біографическимъ свѣдѣніямъ, Ломиковскій воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ при графѣ Ангальтѣ, затѣмъ поселился въ своей слободѣ вблизи Миргорода, занимался сельскимъ хозяйствомъ, древностями и книгами, собирая „припасы для малороссійской исторіи“, въ надеждѣ, вѣроятно, заняться когда-нибудь ея составленіемъ. Ломиковскій принадлежитъ безпорно къ тѣмъ любителямъ малорусской старины [1]), которыхъ, мы видѣли, было не мало въ то время и которые создавали потребность въ полной исторіи Малороссіи, откуда бы систематически можно было ознакомиться съ прошлымъ родной страны. Въ числѣ людей, подобныхъ Ломиковскому, мы встрѣчаемъ М. Ф. Берлинскаго, которому принадлежитъ нѣсколько статей по отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ малорусской исторіи, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ начала XIX вѣка. Среди статей М. Ф. Берлинскаго мы находимъ „Покореніе Кіева Гедиминомъ“, „Раздѣленіе Малороссіи на полки“, „О городѣ Кіевѣ“, „О кіевской академіи“ и др. [2]). Труды эти въ настоящее время уже забыты и въ научномъ отношеніи они, пожалуй, не представляютъ интереса. Они любопытны только, какъ показатели направленія тогдашней малорусской исторіографіи и расширенія области ея сообразно, конечно, съ тѣми вкусами, которые развивались у малорусской интеллигенціи и, въ особенности, среди любителей малорусской старины, къ которымъ принадлежалъ и М. Ф. Берлинскій, и вкусы и запросы которыхъ вырабатывались, по мѣрѣ знакомства ихъ съ матеріалами, долженствующими служить „запасами для малороссійской исторіи“.

Цѣлый рядъ фактовъ, на которые мы имѣли случай уже не разъ указывать, говорятъ намъ, что потребность въ систе-

---

[1]) См. предисловіе *А. М. Лазаревскаго* къ „Словарю малорусской старины В. Я. Ломиковскаго“. „Кіевск. Стар.“ 1894 г. іюль, приложенія.

[2]) Статьи Берлинскаго помѣщались въ журналѣ „Улей“ 1811 г. № 1, 3 и 8, а также въ „Соревнователѣ Просвѣщенія“ 1819 г. и отдѣльно.

матической, сравнительно полной, исторіи Малороссіи давно уже была сознана среди малорусской интеллигенціи, дѣлались и попытки въ этомъ направленіи, остававшіяся безъ исполненія, пока въ 1822 году не появилось въ свѣтъ, въ 4 томахъ, первое изданіе „Исторіи Малой Россіи“ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго вышедшее затѣмъ, въ нѣсколько измѣненномъ и переработанномъ видѣ въ 1830 году [1]). Какъ первая попытка систематическаго изложенія малорусской исторіи, трудъ Бантышъ-Каменскаго представляетъ, конечно, много недочетовъ и страдаетъ, главнымъ образомъ, отсутствіемъ критики при выборѣ источниковъ; но въ исторіи разработки малорусскаго прошлаго ему все-таки принадлежитъ видное мѣсто. „Исторія Малой Россіи“ обнимаетъ собой періодъ отъ древнѣйшихъ временъ русской исторіи и оканчивается уничтоженіемъ гетманства въ Малороссіи; при чемъ авторъ главное свое вниманіе обращаетъ на событія политической жизни малорусскаго народа послѣ присоединенія его къ Россіи. Заслуга Бантышъ-Каменскаго заключается въ связномъ разсказѣ этихъ событій и въ опубликованіи многихъ свѣдѣній изъ малорусской исторіи, почерпнутыхъ имъ изъ ненапечатанныхъ источниковъ или изъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Это ставило, естественно, вопросъ о малорусской исторіи на почву научной разработки, и если въ настоящее время, какъ выражается проф. Д. И. Багалѣй, трудъ Бантышъ-Каменскаго представляетъ „только библіографическій интересъ [2])“, то, несомнѣнно, въ свое время онъ много способствовалъ развитію малорусской исторіографіи, являясь исходною точкою для многихъ работъ по малорусской исторіи, возбуждая новые вопросы для разработки и давая для нихъ первый матеріалъ, который затѣмъ пополнялся, провѣрялся и исправлялся новымъ матеріаломъ, архивнымъ. Въ этомъ отношеніи нельзя отрицать значенія книги Бантышъ-Каменскаго даже для такихъ трудовъ, какъ „Исторія Россіи“ С. М. Соловьева и монографіи по ма-

---

[1]) Объ „Исторіи“ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго см. *Карповъ*. Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ до Малороссіи относящихся гл. II.

[2]) *Проф. Д. И. Багалѣй*. Новый историкъ Малороссіи, стр. 3.

лорусской исторіи Н. И. Костомарова, не говоря уже о другихъ трудахъ, болѣе раннихъ и болѣе мелкихъ.

Почти въ одно время съ Бантышъ-Каменскимъ писалъ свою „Исторію Украины“ и Алексѣй Ивановичъ Мартосъ[1]). Изъ его труда въ печати появилось только двѣ главы изъ третьяго тома которыя напечатаны въ „Сѣверномъ Архивѣ“ за 1822 годъ[2]), подъ заглавіемъ „Отрывокъ изъ Исторіи Малороссіи“. Статья эта описываетъ событія наканунѣ битвы подъ Берестечкомъ и событія, которыя слѣдовали непосредственно за этой битвой. Основана она, главнымъ образомъ, на свидѣтельствахъ Шевалье и Пасторія, никакихъ новыхъ фактовъ не сообщаетъ, оригинальнымъ взглядомъ не отличается[3]), а потому особаго значенія въ развитіи малорусской исторіографіи имѣть не могла. Весь трудъ А. И. Мартоса былъ оконченъ въ 1839 г. и, представленный императору Николаю I, получилъ награду. Напечатанъ онъ не былъ, но изъ рецензіи, при которой трудъ А. Мартоса былъ представленъ Императору, мы знаемъ, что излагалъ онъ происшествія отъ начала Малороссіи до присоединенія ея къ Россіи и дополнялъ, такимъ образомъ, трудъ Бантышъ-Каменскаго, у котораго событія до присоединенія Малороссіи къ Россіи изложены слишкомъ кратко. По словамъ рецензента „внутреннее достоинство труда Мартоса заключается въ отсутствіи всякихъ произвольныхъ изъясненій; авторъ излагаетъ событія просто, не мудрствуя лукаво; излагаетъ ихъ, какъ историкъ, а не какъ умозрительный философъ, нерѣдко подчиняющій вещи и лица своимъ апріористическимъ убѣжденіямъ“. Недостатокъ труда А. И. Мартоса рецензентъ находитъ въ отсутствіи всякихъ указаній на источники, изъ которыхъ авторъ заимствовалъ свои свѣдѣнія; затѣмъ въ томъ, что „Мартосъ не обратилъ вниманія на нравы и внутренній бытъ малороссіянъ, какъ извѣстно, очень ори-

---

[1]) О немъ см. Маякъ 1845 г. т. 23 смѣсь стр. 78—90.

[2]) Сѣверный Архивъ 1822 г. ч. 3. № 13 стр. 3, № 14 стр. 99; 1823 г. ч. 5 № 6 стр. 461.

[3]) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Николаемъ Калачовымъ кн. I. М 1850 г. Приложеніе II, указатель статей, помѣщенныхъ въ Сѣверномъ Архивѣ стр. 9 № 32.

гинальные, что лишаетъ его книгу одного изъ важнѣйшихъ историческихъ интересовъ. Хронологія не вездѣ соблюдена, а этнографическое состояніе страны совсѣмъ выпущено изъ вида". Впослѣдствіи Мартосъ исправилъ свою „Исторію", сообразно съ замѣчаніями рецензента, сдѣлалъ вездѣ ссылки на источники, но трудъ его такъ и остался ненапечатаннымъ [1]).

Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія въ русской наукѣ обнаружилось особое движеніе и съ этого времени начинается новый періодъ въ разработкѣ нашей историографіи. Движеніе это стоитъ въ связи съ направленіемъ нѣмецкой философіи и историографіи; внѣшнее же основаніе этому движенію дала правительственная инициатива, открывшая возможность новыхъ историческихъ предпріятій и выразившаяся въ посылкѣ профессоровъ за границу, въ учрежденіи археографической экспедиціи и пр. [2]). Движеніе это не осталось безъ вліянія и на разработку малорусской исторіи вообще и исторіи лѣвобережной украины въ частности. Оно несомнѣнно отражается, напримѣръ, на М. А. Максимовичѣ, который „становится необходимымъ участникомъ возникавшихъ въ Кіевѣ научныхъ предпріятій". Въ 1835 году Максимовичъ становится членомъ комитета для отысканія древностей; въ 1841 году хлопочетъ, но неудачно, объ основаніи въ Кіевѣ историческаго общества; принимаетъ дѣятельное участіе въ изданіяхъ „Временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ", основанной въ 1843 году при кіевскомъ, волынскомъ и подольскомъ генералъ-губернаторѣ; по порученію губернатора Фундуклея редактируетъ издававшееся тогда „Обозрѣніе Кіева" и т. д. [3]). М. А. Максимовичу принадлежитъ также нѣсколько самостоятельныхъ работъ по исторіи Малороссіи, въ которыхъ онъ сообщалъ богатый матеріалъ по политической и бытовой исторіи, не потерявшій значенія и до настоящаго времени. Таковы, напримѣръ, труды М. А. Мак-

---

[1]) Маякъ 1845 г т. 23 смѣсь стр. 87—89. Не Устряловъ ли былъ этимъ рецензентомъ Мартоса?

[2]) *А. Н. Пыпинъ* Характеристики литературныхъ мнѣній гл. 5.

[3]) О Максимовичѣ см. *А. Н. Пыпинъ.* Исторія русской этнографіи. Т. III стр. 15 и слѣд.

симовича „Обозрѣніе городовыхъ полковъ и сотенъ, бывшихъ на Украинѣ со временъ Богдана Хмельницкаго“, „Исторія Бубновской сотни Переяславскаго полка“ и др. Большинство трудовъ М. А. Максимовича носитъ критическій и библіографическій характеръ [1]). „На его долю, говоритъ проф. Д. И. Багалѣй, выпала трудная и неблагодарная задача—очищать источники малороссійской исторіи (преимущественно лѣтописные) и основанные на нихъ труды отъ заблужденій, ошибокъ и искаженій. Онъ расчищалъ почву для будущихъ трудовъ, создавалъ, по его собственнымъ словамъ, кирпичи для будущаго зданія южно-русской исторіи; изслѣдованія, статьи и замѣтки его относились ко всѣмъ отдѣламъ и періодамъ, въ томъ числѣ и къ лѣвобережной Малороссіи послѣ присоединенія ея къ Великой Россіи [2])“. Изъ такого характера историческихъ трудовъ М. А. Максимовича, думается намъ, видно, что, при всей почтенности ихъ, онъ не могъ внести новаго направленія въ разработку исторіи лѣваго берега Днѣпра. Обтесывая кирпичи для будущаго зданія, онъ не дѣлалъ попытки строить его, не рисовалъ даже плана. Труды М. А. Максимовича по лѣвому берегу носятъ вообще случайный, частичный характеръ, лишены опредѣленной системы и вызывались чисто случайными обстоятельствами, любовью-ли къ своему мѣсту жительства, какъ напр. „Исторія Бубновской сотни“, или желаніемъ опровергнуть невѣрное мнѣніе противника. Одно ужъ это обстоятельство отняло у нихъ возможность проложить новые пути въ изученіи малорусскаго прошлаго.

Одновременно съ дѣятельностью М. А. Максимовича въ Кіевѣ, происходила въ Москвѣ дѣятельность другаго малоросса, О. М. Бодянскаго. Онъ не былъ историкъ, и вся его дѣятельность въ направленіи историческомъ проявилась опубликованіемъ цѣлаго ряда, въ высшей степени, цѣнныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Малороссіи. Матеріалы эти, напечатанные въ „Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей“, секретаремъ котораго долгое время былъ О. М. Бодянскій, много помогли

---

[1]) Историческія статьи М. А. Максимовича собраны въ 1 и 2 томѣ собранія его сочиненій К. 1876 г.

[2]) *Проф. Д. И. Багалѣй.* Новый историкъ Малороссіи, стр. 4.

дальнѣйшей разработкѣ малорусской исторіи[1]). Издательская дѣятельность для опубликованія матеріаловъ по малорусской исторіи процвѣтаетъ вообще въ 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годахъ. Въ 1853 году М. О. Судьенко издаетъ, напримѣръ, 2 тома „Матеріаловъ для отечественной исторіи", а еще раньше въ 1851 „Топографическое описаніе Черниговскаго намѣстничества" Шафонскаго; Кіевская комиссія издаетъ малорусскія лѣтописи[2]); въ 1856 г. П. А. Кулишъ издаетъ „Записки о южной Руси", а Н. М. Бѣлозерскій „Южно-русскія лѣтописи". Въ это же время (съ 1862 года) начинается изданіе „Актовъ, относящихся до исторіи южной и западной Россіи", заключающихъ въ себѣ много новаго матеріала, преимущественно, впрочемъ, по исторіи политической.

Что касается разработки малорусской исторіи въ это время, то, кромѣ небольшихъ статей по разнымъ частнымъ вопросамъ малорусскаго прошлаго, разсѣянныхъ и затерянныхъ въ общихъ и оффиціальныхъ журналахъ—крупнымъ трудомъ является „Исторія Малороссіи" Н. Марковича, вышедшая въ свѣтъ въ 1842—43 годахъ въ пяти томахъ,—двухъ текста и трехъ приложеній. Въ основу труда Марковича положена недостовѣрная „Исторія Руссовъ", которая дополнена изъ другихъ лѣтописей, записокъ и труда Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. Напечатанные въ приложеніяхъ документы списаны очень дурно, порой прямо таки лишены смысла, что заставляло нѣкоторыхъ историковъ, напр. Н. И. Костомарова, прямо таки игнорировать Исторіей Н. Марковича, въ чемъ, въ особенности, какъ извѣстно, упрекаетъ Костомарова Г. Ф. Карповъ[3]). Само собой разумѣется, „Исторія Малороссіи" Н. Марковича не являлась про-

---

[1]) Объ О. М. Бодянскомъ см. *А. Н. Пыпинъ* Исторія русской этнографіи т. III, стр. 104 и слѣд.

[2]) О значеніи Кіевской Коммиссіи для исторіи Малороссіи см. „Кіевс. Стар." 1893 г. ноябрь „Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской Археографической Коммиссіи" О дѣятельности ея см. историческій очеркъ О. И. Левицкаго „Пятидесятилѣтіе кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, Кіевъ 1893 г.

[3]) Критическій обзоръ разработки источниковъ, гл. III. Рецензіи на „Исторію Малороссіи" Н. Марковича: *Н. Савельева* въ жур. Моск. Народн. Просв. 1843 № 8 въ Отеч. Зап. 1843 г. т. 28; *О. Сенковскаго* въ Библ. для чтенія 1843 № 1 и 2; на, послѣднюю отвѣчалъ *П. А. Кулишъ* въ Москвитянинѣ 1843 г. № 5.

грессомъ въ дѣлѣ разработки малорусской исторіи. Интересъ ея въ наше время чисто уже библіографическій, да такимъ онъ былъ, въ сущности и съ самаго дня выхода ея въ свѣтъ. Для публики книга Н. Марковича, несомнѣнно, имѣла значеніе. Все изданіе давно раскуплено и составляетъ библіографическую рѣдкость.

Переходя затѣмъ къ характеристикѣ двухъ направленій въ разработкѣ исторіи Малороссіи лѣваго берега, которыя обозначались въ послѣднія десятилѣтія, мы, отступая нѣсколько отъ хронологическаго порядка, отмѣтимъ многія страницы, посвященныя Малороссіи въ „Исторіи Россіи" С. М. Соловьева, начиная съ X тома. Пользуясь матеріалами московскихъ архивовъ, носящими оффиціальный характеръ, и интересуясь исторіей Малороссіи по столько, по сколько она имѣетъ отношеніе къ Россіи, С. М. Соловьевъ долженъ былъ, естественно, обращать вниманіе на политическую сторону жизни Малороссіи, затрогивая ея внутреннюю жизнь только тамъ, гдѣ она имѣла прямое отношеніе къ Россіи, объясняла ли народныя возстанія противъ Россіи или же давала поводъ къ вмѣшательству Россіи во внутреннія дѣла Малороссіи и опредѣляла политику первой въ отношеніи послѣдней. Съ этой точки зрѣнія, „Исторія Россіи", съ богатымъ матеріаломъ, заключающимся въ ней, не осталась безъ вліянія на разработку малорусской исторіи, хотя дальнѣйшее направленіе въ этой разработкѣ принадлежитъ, конечно, не С. М. Соловьеву.....

Съ 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія Исторіей Малороссіи начинаетъ заниматься систематически Н. И. Костомаровъ; въ тоже время начинаютъ появляться въ печати и небольшія замѣтки А. М. Лазаревскаго. Двумъ этимъ лицамъ принадлежитъ впослѣдствіи руководящее начало въ разработкѣ исторіи лѣвобережной Малороссіи. Дѣятельность ихъ, впрочемъ, шла совершенно различными путями. Художникъ по натурѣ, Н. И. Костомаровъ всегда предпочиталъ эфектные моменты въ жизни народовъ, на нихъ онъ останавливался въ своихъ изслѣдованіяхъ, оставляя въ сторонѣ сѣрую, будничную жизнь народа, дающую мало матеріала для вдохновеннаго художника. Поэто-

му труды его по исторіи Малороссіи касаются почти исключительно только такъ называемой „внѣшней“ исторіи: войнъ, самаго процеса борьбы партій и вообще тѣхъ драматическихъ и трагическихъ эпизодовъ, которыми такъ богата малорусская исторія. (Гетманство Выговскаго, Юрія Хмельницкаго, Руина, Мазепа и Мазепинцы, Полуботокъ и др.). Н. И. Костомарова интересовала и идейная сторона малорусскаго народа только тамъ, гдѣ малорусское идейное движеніе было облечено въ болѣе или менѣе эфектную форму, какъ то видимъ мы, напримѣръ, въ протестахъ противъ введенія религіозной уніи или въ арестѣ Полуботка. Увлекаясь преимущественно внѣшностью событій Н. И. Костомаровъ мало останавливался на внутренней жизни народа, былъ плохо знакомъ съ нею и если иногда дѣлалъ заключенія о ней, то заключенія эти страдали апріористичностью, а иногда и нѣкоторой произвольностью. На нихъ сказывалась та односторонность матеріала, по которому Н. И. Костомаровъ изучалъ исторію Малороссіи. Это были оффиціальные документы центральныхъ архивовъ, слишкомъ формальные, односторонніе, неточные, чтобы они могли вскрыть дѣйствительную жизнь со всѣми ея перипетіями [1]).

Въ иныхъ условіяхъ началась дѣятельность А. М. Лазаревскаго. Не обладая фантазіей художника и даромъ художественнаго изложенія, А. М. Лазаревскій мало интересовался драматическими эпизодами малорусской исторіи. Сѣренькая, будничная жизнь малорусскаго народа, которая въ концѣ концовъ скрывалась за шумными и эфектными картинами его борьбы—сдѣлалась предметомъ его изслѣдованій; въ ней, въ этой сѣренькой жизни, онъ видѣлъ и причины этой борьбы; въ ней онъ видѣлъ и сущность малорусской исторіи. Мысль, конечно, глубоко вѣрная. Наиболѣе полно она высказана впервые г. Лазаревскимъ въ его изслѣдованіи о посполитыхъ крестьянахъ, гдѣ указано, что крѣпостное право въ Малороссіи не введено извнѣ, а является продуктомъ 130-лѣтней жизни Малороссіи,

---

[1]) Полный списокъ трудовъ Н. И. Костомарова приложенъ къ посмертнымъ трудамъ его, изданнымъ подъ названіемъ „Литературное наслѣдіе“.

получившей уродливое развитіе. Доказательству этой уродливости и посвящена вся послѣдующая научная дѣятельность г. Лазаревскаго въ области разработки малорусской исторіи [1]). Судьба съ самаго начала этой дѣятельности поставила А. М. Лазаревскаго лицомъ къ лицу съ матеріалами, которые заключали въ себѣ драгоцѣнныя данныя для внутренней исторіи Малороссіи.—Мы разумѣемъ архивъ Генеральной Канцеляріи. переведенный теперь въ Харьковъ, и монастырскіе документы, хранящіеся въ архивѣ Черниговской Казенной Палаты и дающіе богатый матеріалъ для юридической и бытовой жизни Малороссіи послѣ Богдана Хмельницкаго. Знакомство съ этимъ матеріаломъ, совершенно непохожимъ на матеріалъ, доступный Н. И. Костомарову, опредѣлило дальнѣйшую дѣятельность А. М. Лазаревскаго, выработало у него опредѣленные взгляды на малорусскую исторію, совершенно порой не похожіе на господствовавшіе въ наукѣ раньше, а иногда противорѣчившіе выводамъ и обобщеніемъ, напр., Н. И. Костомарова. Это же знакомство съ архивнымъ матеріаломъ, расширенное затѣмъ знакомствомъ съ Полтавскими и многими другими частными архивами, упрочила за А. М. Лазаревскимъ надолго славу единственнаго въ своемъ родѣ знатока малорусскихъ архивовъ и внутренней исторіи Малороссіи.

Различныя направленія, которымъ шли Н. И. Костомаровъ и А. М. Лазаревскій, имѣли своихъ послѣдователей. Одни изъ изслѣдователей шли путемъ, указаннымъ Н. И. Костомаровымъ, изслѣдуя внѣшнюю исторію Малороссіи или останавливаясь на тѣхъ случаяхъ „внутренней“ исторіи, которыя наиболѣе бросаются въ глаза, въ видѣ ли борьбы партій, бунтовъ и т. д.— другіе слѣдовали за А. М. Лазаревскимъ и обращали вниманіе на внутреннюю жизнь малорусскаго народа, на его соціальное

---

[1]) Труды его печатались въ „Запискахъ Черниговскаго Губернскаго Статистическаго Комитета въ—60-хъ годахъ; затѣмъ въ „Русскомъ Архивѣ“, „Историческомъ Вѣстникѣ“, а въ послѣднее время почти исключительно въ „Кіевской Старинѣ“. Отдѣльно въ послѣднее время вышли два тома „Описаніе Старой Малороссіи. Кіевъ, т. І-й въ 1888, а 2-й—въ 1893 году.

положеніе, на сословія, на экономическую борьбу и пр. [1]). Къ сожалѣнію только, ни тѣ, ни другіе не обнаруживали уже той подготовки и того широкого знакомства съ матеріаломъ, которымъ отличаются основатели двухъ выше названныхъ направленій, а потому послѣдующіе труды по малорусской исторіи, въ большинствѣ случаевъ, лишены какой нибудь оригинальной мысли. Обыкновенно они являются только болѣе или менѣе удачной группировкой новаго (да и то не всегда) матеріала, которымъ пользовался авторъ для иллюстраціи того или другого мнѣнія, заимствованнаго имъ у Н. И. Костомарова или у А. М. Лазаревскаго. Поэтому-то разработка и объясненіе малорусской исторіи почти и не прогрессируетъ: тѣ стороны малорусской жизни, которымъ не далъ объясненія, напр., А. М. Лазаревскій (вопросъ о землевладѣніи, напримѣръ), не объяснены и теперь, или же имъ даются объясненія, про которыя нѣмцы говорятъ, что они aus der Luft gegriffen [2]). Только въ самое послѣднее время появилась было свѣжая струя въ разработкѣ малорусской исторіи. Проф. И. В. Лучицкій заинтересовался исторіей крестьянскаго землевладѣнія въ Малороссіи, и результатомъ его занятій явился рядъ оригинальныхъ по мысли статей по исторіи общиннаго, [3]) сябриннаго [4]) и заимочнаго землевладѣнія [5]) въ лѣвобережной Малороссіи. Въ тоже время проф. Д. И. Багалѣй началъ изслѣдованіе городскаго самоуправленія на лѣвомъ

---

[1]) Разработка малорусской исторіи (лѣваго берега) въ послѣднее время сосредоточена, главнымъ образомъ, въ „Кіевской Старинѣ“. Отдѣльныя статьи попадались и въ общихъ русскихъ журналахъ (Слово, Отеч. Записки, Вѣстникъ Европы, Русская Мысль), а также въ русскихъ историческихъ (Русская Старина, Историч. Вѣстникъ, Русскій Архивъ, Чтенія въ О-вѣ исторіи и древностей и др.).

[2]) Напр. ст. г. *Шликевича* „Лучше ли жилось въ Малороссіи 100 лѣтъ назадъ?“ въ „Земс. Сбор. Черниговъ. губ.“ 1890 № 11—12.

[3]) Отеч. Записки. 1882 г. № 11 Проф. И. В. Лучицкимъ изданъ также „Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Малороссіи“ К. 1884.

[4]) Сѣверный Вѣстникъ 1889 № 1 и 2.

[5]) Юридич. Вѣст. 1890 г. мартъ.

берегу Днѣпра [1]). Къ сожалѣнію только, работы эти пока пріостановились [2]).

Послѣ всего того, что сказано о разработкѣ малорусской исторіи, станетъ, думается намъ, понятнымъ то выдающееся значеніе, которое долженъ занять въ малорусской исторіографіи трудъ В. А. Мякотина „Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи“, появившійся въ видѣ трехъ статей въ „Русскомъ Богатствѣ“ за текущій годъ. Читателя поражаетъ, во первыхъ, обиліе матеріала, которымъ пользовался авторъ. Кромѣ печатныхъ источниковъ и литературы, онъ пересмотрѣлъ кіевскій центральный архивъ и рукописи библіотеки университета св. Владиміра, архивъ харьковскій историческій и черниговской казенной палаты, затѣмъ рукописи библіотеки А. М. Лазаревскаго и др., генеральныя слѣдствія о маетностяхъ и пр. Ужъ такое широкое знакомство съ матеріаломъ выдѣляетъ В. А. Мякотина изъ ряда обыкновенныхъ изслѣдователей малорусской исторіи и ставитъ его наряду съ лучшими знатоками малорусскаго архивнаго матеріала. Это же знакомство вліяетъ какъ на постановку темы нашего автора, такъ и на разработку ея. Занявшись, повидимому, частнымъ вопросомъ—прослѣдить исторію прикрѣпленія малорусскаго крестьянства, В. А. Мякотинъ не ограничивается одной только новой группировкой матеріала, какъ это нерѣдко дѣлали изслѣдователи малорусской исторіи до него, но вводитъ исторію прикрѣпленія крестьянства въ связь съ исторіей общественно-соціальнаго строя Малороссіи вообще. Хотя основная мысль автора, что образованіе крѣпостного права есть продуктъ исключительно внутренней жизни Малороссіи, не нова и заимствована у А. Ф. Кистяковскаго [3]) и А. М. Лазаревскаго [4]), но за то нова самая постановка вопроса,

---

[1]) Жур. М-ва Нар. Просв. 1892 г. № 3.

[2]) Сравнительно подробный очеркъ трудовъ по малорусской исторіи за послѣднее время у *А. Н. Пыпина* „Исторія русской этнографіи, т. III, этнографія малорусская. См. также *проф. Д. И. Багалѣй* „Новый историкъ Малороссіи“, стр. 1—14.

[3]) „Характеристика русскаго и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ по отношенію къ Малороссіи“ *Основа* 1862 № 1.

[4]) Малорусскіе посполитые крестьяне *„Записки черниговск. губерн. статистическ. комитета кн. I.* Черниговъ. 1866.

нова разработка частностей, нова та общая картина малорусскаго общественно-соціальнаго быта, которая такъ правдиво и мастерски, хотя, по необходимости, и кратко, нарисована В. А. Мякотинымъ въ первой изъ его статей. Съ этой точки зрѣнія, трудъ г. Мякотина долженъ, по нашему мнѣнію, начать новую эпоху въ разработкѣ малорусской исторіи, какъ начали такую эпоху въ 60-хъ годахъ труды А. М. Лазаревскаго. Широкая постановка вопроса о крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи, захватывающая цѣлый рядъ общественныхъ отношеній, связанныхъ съ этимъ правомъ, естественно, ставитъ на очередь массу вопросовъ по исторіи Малороссіи, требующихъ болѣе детальной и всесторонней научной разработки, а рядъ оригинальныхъ мнѣній и соображеній нашего автора по отдѣльнымъ затронутымъ имъ вопросамъ, мнѣній, основанныхъ на широкомъ и всестороннемъ изученіи матеріала, подсказываетъ болѣе или менѣе удачное и вѣрное ихъ рѣшеніе. Особое достоинство труда г. Мякотина, при всей его краткости, обусловленной, конечно, появленіемъ статьи въ журналѣ, мы видимъ въ той общей мысли, которая руководитъ имъ въ его трудѣ, которая выгодно отличаетъ его отъ другихъ подобнаго рода современныхъ историческихъ трудовъ, расплывающихся въ мелочахъ, загроможденныхъ массой сырого матеріала, за которымъ, по большей части, становится незамѣтной и цѣль работы автора, и ея результаты, въ смыслѣ дѣйствительнаго изученія общества, а не отдѣльнаго выхваченнаго эпизода. Особенность трудовъ г. Мякотина вообще [1]) и труда, о которомъ мы говоримъ, въ частности—та, что авторъ всегда смотритъ на исторію, какъ на науку общественную, а потому, при историческомъ изученіи, всегда имѣетъ въ виду общество, а отдѣльные эпизоды самой мелкой, сѣрой, будничной жизни для него любопытны не an und für sich, какъ для нѣкоторыхъ историковъ, но онъ интересуется ими настолько, насколько они помогаютъ ему, какъ изслѣдователю, уяснить судьбы даннаго общества. Въ этомъ на трудахъ В. А. Мяко-

[1]) Ему принадлежатъ также „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху раздѣловъ“ Спб. 1888 г.; біографіи Адама Мицкевича и протопопа Аввакума, въ изданіи Ф. Ф. Павленкова „Жизнь замѣчательныхъ людей“.

тина, безъ сомнѣнія, сказывается вліяніе опредѣленной исторической школы, которая въ настоящее время, правда, обрѣтается не въ авантажѣ, особенно у насъ въ Россіи, но которой безспорно принадлежитъ будущее, если только исторіи суждено сдѣлаться серьезной общественной наукой....

Ниже мы намѣрены познакомить читателей съ содержаніемъ труда В. А. Мякотина и, пользуясь случаемъ, высказать нѣсколько своихъ соображеній по исторіи малорусскаго общественнаго строя во второй половинѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ.

Николай Василенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БО̀ГУСЛАВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ[1].

(ПО ШКОЛЬНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ).

(Окончаніе).

Проживая въ училищѣ ровно 6-ть лѣтъ, я не могу не вспомнить того времени, когда весною и лѣтомъ съ разсвѣта встанешь и пойдешь по лугу и лѣсу; тутъ же встрѣтишь и другихъ товарищей: одни доучиваютъ уроки, другіе прохаживаются и наслаждаются прохладою свѣжаго и здороваго воздуха, а третьи лазятъ между деревьями, кустами и разыскиваютъ птичекъ на гнѣздахъ. Соловьи, каждое утро и ночью такъ трещали и заливали пѣніемъ своимъ лугъ и лѣсъ, что, кажется, не вышелъ бы изъ луга и слушалъ бы это пѣніе. Къ чести учениковъ могу завѣрить, что я не зналъ, чтобы кто-нибудь истреблялъ яйца птицъ и убивалъ птенцовъ; они наблюдали надъ своими найденными птенцами и даже были сторожами гнѣздъ. Предъ праздникомъ св. Тройцы ученики, иногда съ разрѣшенія начальства, а по большей части тайно, ходили за 2 версты къ с. Хохотвѣ на большой островъ, находящійся на р. Роси, и рубили тамъ деревья на „клеченье“ и массу молодого дерева приносили въ свои квартиры, а цвѣты и травы они находили въ своемъ лѣсу и лужку и такъ украшали свои комнаты, что любо было смотрѣть.

Въ мое время существовали въ училищѣ „дружки“ — какая-то романтическая любовь одного ученика къ другому; не

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 10.

слыхалъ я, чтобы ученики во время этой любви занимались чѣмъ-либо худымъ, но знаю, что писали другъ другу письма, посылали гостинцы, и для этой цѣли существовали особые такъ называемые „почтари". Въ эти званія всегда избирались ловкіе ученики; они, понявъ выгодность этого дѣла, такъ какъ получали отъ обѣихъ сторонъ подарки, сами иногда устраивали эту любовь, держали ее въ секретѣ и очень часто злоупотребляли своею должностью. Зналъ я одного почтаря, сведшаго двухъ лицъ, изъ которыхъ одинъ не чувствовалъ никакой симпатіи къ другому, но онъ увѣрилъ перваго въ любви друга, носилъ ему подарки, письма, при чемъ послѣднія самъ сочинялъ, а гостинцы поѣдалъ; но скоро это обнаружилось, и почтарю была задана хорошая трепка. Но этотъ почтарь однако не унялся и продолжалъ свое дѣло. Я наблюдалъ за подобной любовью между учениками; выражалась она въ томъ, что двѣ влюбленныя личности посидятъ, поговорятъ, поцѣлуются и разойдутся. Не знаю, существуютъ-ли теперь въ училищѣ „дружки", или это принадлежитъ уже исторіи.

Въ концѣ 1859 г. или въ началѣ 1860 г. игуменъ Ѳеодоръ былъ уволенъ отъ должности смотрителя училища, а на его мѣсто назначенъ былъ іеромонахъ Нафанаилъ. Въ это время завѣдывалъ училищемъ инспекторъ Вишневскій; тогда я былъ уже въ высшемъ отдѣленіи. Послѣ игумена Ѳеодора, который учителей и учениковъ держалъ, какъ говорится, „въ ежевыхъ рукавицахъ", наступило полное безначаліе, раздолье и разгулъ для учениковъ. Учитель Буйницкій перешелъ въ г. Умань, а вступившій на его мѣсто Гдѣшинскій былъ хорошій человѣкъ, но не велъ такъ ученія по русскому языку, какъ Буйницкій: мало мы упражнялись въ составленіи сочиненій. Всѣ учителя были новые, надзоръ за учениками былъ плохой, т. ч. начали ученики безобразничать. Ученики высшаго отдѣленія, пользуясь старшинствомъ и силой и не видя предъ собою грознаго начальства, стали вполнѣ высказывать свое первенство. Однажды, помню, Загродскій, Авраамовъ и другіе за какую-то глупость

стали въ среднемъ отдѣленіи сѣчь учениковъ; объ этомъ донесено было инспектору и учителямъ. Когда явились учителя, то особенно возмутился этимъ учитель Левицкій, благодаря которому прекратился крикъ, шумъ и сѣченіе, а ученикамъ было объявлено, что если будетъ учениками высшаго отдѣленія произведено какое-либо насиліе надъ низшими, то они будутъ всѣ исключены. Затѣмъ ученикамъ средняго и низшаго отдѣленій объявлено было, что они такіе же ученики, какъ и ученики высшаго отдѣленія, и имѣютъ такое же право до прихода учителей прохаживаться по сѣнямъ училища: между учениками должно быть полное равноправіе. Объявлено это было при всѣхъ классахъ и строго на-строго приказано было ученикамъ высшаго отдѣленія не безобразничать, а, для пущей убѣдительности, инспекторъ и учителя стали называть учениковъ высшаго отдѣленія „ты" и чаще сѣчь, такъ-что малѣйшая провинность наказывалась строго. Тяжело было ученикамъ высшаго отдѣленія переносить потерю своихъ правъ, но все это они кое-какъ снесли. Одного только никакъ ученики высшаго отдѣленія не могли допустить, чтобы ученики средняго и низшаго отдѣленій прохаживались по сѣнямъ; едва только ученикъ низшихъ классовъ покажется въ сѣняхъ, сейчасъ ему и дадутъ „подзатыльника". Но это не дѣйствовало: ученики стали прохаживаться и при малѣйшемъ толчкѣ являлись съ жалобами къ учителямъ. Учителя были на ихъ сторонѣ, и старшіе ученики поневолѣ должны были поступиться и этимъ своимъ правомъ, такъ какъ ничего противъ силы не подѣлаешь. Въ 1860 г. у насъ не было смотрителя училища, а прибывшій на мѣсто смотрителя—іеромонахъ Нафанаилъ пріѣхалъ больнымъ и вскорѣ умеръ. Опять наступило безначаліе. А игуменъ Θеодоръ долго еще проживалъ въ монастырѣ, не состоя въ должности. Такъ какъ игумена не было, то Θеодоръ постоянно служилъ службы церковныя. Однажды, по окончаніи литургіи, вышелъ онъ, держа въ рукахъ свою настоятельскую палку, и прочиталъ нѣсколько стиховъ изъ посланій св. апостола Павла о почтеніи къ старшимъ. Мы никогда не видѣли посоховъ настоятельскихъ и предположили, что это новая награда игумену Θеодору. Замѣчательно,

что и учителя не знали, что это за посохъ и какое онъ значеніе имѣетъ. Инспекторъ Вишневскій объяснилъ учителямъ, что это настоятельскій посохъ, а отъ учителей и мы узнали. Помню также, какъ однажды послѣ литургіи въ воскресенье замѣтили мы, что пономарь среди церкви приготовляетъ аналой къ панихидѣ; послѣ литургіи, игуменъ Ѳеодоръ вышелъ съ іеромонахомъ и дьякономъ и началъ служить большую панихиду „по игуменѣ Ѳеодорѣ". Мы всѣ подняли глаза, недоумѣвая, что дѣлается; хоръ пѣвчихъ изъ учениковъ началъ пѣть. И. д. смотрителя инспекторъ Вишневскій приказалъ черезъ ученика Чернявскаго хору не пѣть, и ученики ушли, а послушники сами стали пѣть и панихиду отслужили, какъ слѣдуетъ по чину. Не знаю, какимъ образомъ игумена Ѳеодора убрали изъ монастыря, но въ одинъ прекрасный день намъ сказали, что онъ уѣхалъ ночью, и мнѣ не пришлось болѣе видѣть его, но я слышалъ о его психическомъ разстройствѣ и о содержаніи его въ Кіево-Кирилловской больницѣ[1]).—Безначаліе, перемѣны всѣхъ учителей тяжело отражались на уровнѣ нашихъ познаній. Мало мы дѣломъ занимались, а учителя сами еще изучали свои предметы; намъ-же одно только руководство было и учителемъ, и разъяснителемъ: новаго ничего мы не знали, кромѣ того, что имѣли въ учебникахъ. Учителя видѣли, что мы имѣемъ много свободнаго времени, а между тѣмъ книгъ для чтенія у насъ не было, и потому одинъ изъ добрыхъ нашихъ учителей—Левицкій предложилъ мнѣ и другимъ лучшимъ ученикамъ изучать французскій языкъ. Я съ удовольствіемъ взялся за это дѣло. Далъ намъ Левицкій книги, и дѣло пошло впередъ, но инспекторъ Вишневскій, узнавъ объ этомъ, началъ надъ нами въ классѣ смѣяться, такъ что мы должны были прекратить занятія. Собирались же мы для занятій послѣ классовъ въ училищѣ.—Повторяю, что въ то время масса у насъ была свободнаго времени. Нужно сказать, что ученики ложились спать лѣтомъ и зимою очень рано, въ 9

---

[1]) Фактъ этотъ находится въ связи съ отобраніемъ отъ монастыря Богуславскаго земли гр. Браницкимъ, о чемъ см. мою статью „Богуславскій монастырь" въ „Кіев. Стар." 1892 г., № 8.

часовъ, а утромъ тоже очень рано вставали и до звонка въ классъ часа три имѣли свободнаго времени, къ которое не только можно было повторить выученное, но выучить и другіе уроки, — на другіе дни. Какъ говорилось „на свѣжую память" легче было выучить, чѣмъ днемъ, а потому послѣ обѣда способнымъ ученикамъ не было чего дѣлать, и они только рѣзвились на лужку.

Въ концѣ 1860 г. пріѣхалъ къ намъ новый смотритель училища, игуменъ Макарій, — человѣкъ съ среднимъ образованіемъ, окончившій курсъ семинаріи, и инспекторъ Вишневскій, какъ человѣкъ академическаго образованія, сталъ относиться къ нему непочтительно; учителя ему вторили, а мы, ученики, воспользовались такимъ отношеніемъ къ нему старшихъ и съ своей стороны стали на него смотрѣть не съ подобающею почтительностью и вниманіемъ; никого не боялись и дѣлали, что хотѣли. — Игумену Макарію на первыхъ порахъ предстояло много перенести непріятностей; не могъ онъ сразу сладить съ такимъ безначаліемъ, и волей - неволей ему, съ перваго момента, пришлось водворять чиноначаліе и порядокъ, а съ учениками необходимо было поступить построже. Я перешелъ въ семинарію въ 1861 г. и слыхалъ, что и. д. инспектора училища М—чь завелъ даже интересную переписку съ Макаріемъ, и семинарское правленіе должно было дать строгое предписаніе учителямъ и инспектору оказывать смотрителю Макарію должное уваженіе, покорность и почтеніе и учило ихъ понимать законы и обычаи чинопочитанія, не вдаваясь въ излишнія пререкательства о преимуществѣ академическаго образованія предъ семинарскимъ.—Изъ-за пустого вопроса о подписи формуляра всплыло наружу все затаенное въ душѣ учителей неуваженіе къ смотрителю.

Въ 1863 г. Макарій былъ уволенъ отъ должности, и на его мѣсто опредѣленъ инспекторъ Черкасскаго училища, кандидатъ академіи Назаръ Семеновичъ Котляровъ. Вступившій въ должность 23 марта 1864 г. Котляровъ уволенъ отъ должности по ревизіи, произведенной въ 1875 г. учителемъ Кіевской семинаріи г. Забѣлинымъ, за разнаго рода неисправности по

учебной и экономической части. Послѣ Котлярова смотрителями были свѣтскіе академисты, а настоятелями монастыря простые монахи, и начались между ними споры и несогласія. Смотрителя училищъ и учителя смотрѣли на монаховъ не съ должнымъ почтеніемъ; монахи же, считая себя хозяевами, тоже не очень почитали смотрителя.

Проживъ 6 лѣтъ въ училищѣ, я на всю жизнь сохранилъ о немъ самое свѣтлое воспоминаніе и глубокое уваженіе къ памяти моихъ учителей, особенно къ смотрителю игумену Өеодору. Прекрасное мѣстоположеніе училища и здоровый климатъ способствовали моему физическому воспитанію; строго религіозное направленіе преподавателей, отсутствіе всякихъ зарождающихъ скептицизмъ началъ, навсегда твердо положили въ мое сердце и душу чистыя религіозныя настроенія, вслѣдствіе чего вышелъ я изъ училища искренно преданнымъ религіи. Затѣмъ серьезное отношеніе игумена Өеодора къ учебной части и его преподавательскія дарованія внесли въ мой умъ знанія, сообразныя требованію училища. Хотя разгулъ втеченіе 2-хъ лѣтъ—въ высшемъ отдѣленіи — много добраго уничтожилъ, но твердость убѣжденія, чистота взглядовъ, какъ Божій даръ, сохранились у меня на всю жизнь, и память объ этихъ началахъ, положенныхъ въ училищѣ, священна для меня.

Теперь училище не при монастырѣ, а отдѣльно за мѣстечкомъ. Нѣтъ той рощи, которая давала здоровье дѣтямъ, и очень жаль, что, вопреки началамъ гигіены, взяли перевѣсъ личный интересъ и препирательство игуменовъ монастыря со смотрителями училищъ, а потому училище перенесли въ другое мѣсто. Нѣтъ того лужка, той рощи, гдѣ дѣти, какъ пчелы въ ульѣ, гудѣли и учили свои уроки,—кто на камнѣ, кто на деревѣ; нѣтъ того раздолья и свободы, которыя давали здоровье дѣтямъ, а богатое купанье въ чистой Роси и плаванье по ея сребристымъ волнамъ укрѣпляли и усиливали это здоровье.

Въ заключеніе вышесказаннаго не могу умолчать о стражѣ монастыря и училища. Хотя это и не имѣетъ прямаго отноше-

нія къ воспоминаніямъ, но интересно въ томъ отношеніи, что и животное, при той строгости, какая существовала тогда въ духовныхъ училищахъ, служило иногда утѣшеніемъ и развлеченіемъ для учениковъ.

Вступивъ въ училище, я засталъ громадной величины собаку; называлась она „Баланъ“. Величиною Баланъ былъ съ полугодового хорошаго теленка, имѣлъ ужасный голосъ, отличался замѣчательнымъ умомъ и прожорливостью. Днемъ ни на кого не бросался, но ночью ревъ его былъ слышенъ за нѣсколько верстъ. Бѣгалъ онъ цѣлую ночь вокругъ монастырскихъ строеній и ученическихъ квартиръ и ни подъ какимъ предлогомъ никого изъ сторонникъ лицъ не впуститѣ ни въ монастырь, ни въ училище; по крайней мѣрѣ, при мнѣ ученики спали на дворѣ лѣтомъ, одежду, бѣлье, подушки бросали, гдѣ попало, но никогда никто не жаловался на совершеніе кражи; всѣ считали, что Баланъ это нашъ „стражъ“. Баланъ былъ общій любимецъ какъ монаховъ, такъ и учениковъ. Зналъ онъ превосходно, въ какомъ часу и гдѣ обѣдаютъ. Ранѣе всего обѣдали въ монастырской трапезѣ; при началѣ обѣда Баланъ уже подъ окномъ, суетъ свою морду, послушники ему выносятъ обѣдъ. Затѣмъ онъ, заморивши червячка, бѣжитъ въ кухню игумена, а оттуда по ученическимъ квартирамъ. Вездѣ хорошенько поѣстъ онъ и ложится спать. Ученики до безумія любили Балана, послѣднимъ дѣлились съ нимъ; всякій ученикъ считалъ долгомъ поласкать его и что-нибудь дать. Но вотъ чѣмъ онъ былъ особенно любопытенъ. По пріѣздѣ съ каникулъ и праздниковъ, у каждаго ученика были деньги. Евреи булочники м. Богуслава знали это и съ пріѣздомъ учениковъ являлись въ училище съ корзинами булокъ и бубликовъ; учителя и ученики раскупали ихъ. Баланъ подмѣтилъ, когда евреи несутъ булки. Надо замѣтить, что вокругъ монастыря и училища съ сѣверной стороны игуменъ Ѳеодоръ провелъ канаву, очень широкую, чтобы монастырь казался на островѣ. Евреямъ съ булками прямѣе идти въ монастырь чрезъ канаву, а канава была довольно глубокая; благоустроеннаго прохода черезъ нее не было, а лежали каменья. Баланъ бывало ляжетъ въ травѣ возлѣ канавы и ждетъ еврея. Только

что еврей съ корзиной булокъ входитъ въ канаву на камешки, какъ Баланъ неизвѣстно откуда—„гавъ“, и прямо къ еврею; еврей и сядетъ въ болотѣ, а баланъ стоитъ и не бросается на него. Надоѣстъ еврею такъ сидѣть, и вотъ онъ вынимаетъ изъ корзины булку и даетъ ее Балану, а тотъ хватилъ,—и въ одинъ глотокъ нѣтъ булки. Еврей пробуетъ встать и идти, а Баланъ его лапою по головѣ, но всегда легко, при чемъ непремѣнно залаетъ. Сидитъ несчастный еврей, дастъ опять булку—та же исторія. Послѣ классныхъ занятій ученики выбѣгаютъ погулять, услышатъ ревъ Балана, и кто-нибудь подбѣжитъ туда. Тутъ-то и начинается торгъ, результатомъ котораго является у ученика нѣсколько булокъ, за что ученикъ беретъ еврея за руку, выводитъ изъ канавы, еврей пресвободно идетъ въ квартиры учениковъ и производитъ продажу. Ученики нѣсколько разъ пытались украсть Балана; брали его съ собой на возы, но онъ всегда уходилъ въ монастырь. Мы съ братомъ однажды купили булокъ и бубликовъ, стали манить Балана, давали ему сначала по бублику, послѣ по булкѣ—онъ бѣжалъ за возомъ. Когда мы проѣхали 6 верстъ за мѣстечко, Баланъ подмѣтилъ, что у меня нѣтъ уже булокъ, съѣлъ послѣднюю и побѣжалъ обратно въ монастырь. Какъ и откуда онъ попалъ въ монастырь, никто не могъ объяснить; знаю только, что онъ погибъ уже отъ глубокой старости. Замѣчательна была у Балана еще одна черта: не могъ онъ выносить, чтобы съ нимъ при монастырѣ была другая собака,—непремѣнно задушитъ ее. Самъ—значитъ—желалъ быть стражемъ монастыря и училища.

П. Клебановскій.

Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла [1]).

(изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика).

Веселиться намъ было время и было много способовъ. Дома мы, какъ малолѣтніе и считавшіеся глупенькими, могли только мѣшать нашимъ родителямъ въ ихъ работахъ, а потому насъ охотно пускали на улицу. А тамъ на улицѣ развѣ нужно было выдумывать игры? Богатство растительной и животной природы, непосредственная наша близость съ нею представляли намъ массу интереснаго и развлекающаго. Нашли кленовый листокъ—и готова хлопушка; подошли къ тополи—и изъ ея длинныхъ желтыхъ кореньевъ сдѣлали прекрасные хлысты. А то случается—выдернемъ клубочекъ страшныхъ, но маленькихъ и красивыхъ уженятъ, и мы, какъ сказочные герои, съ безумною отвагою и храбростію нападаемъ на маленькихъ беззащитныхъ змѣекъ и разсѣкаемъ ихъ надвое и начетверо. Моя мать леденѣла отъ ужаса, при видѣ такой нашей храбрости. А какъ бы она перепугалась, еслибы видѣла, какъ на земляномъ валу, на солнопекѣ, гдѣ любятъ грѣться сѣрыя и зеленыя ящерицы, я босою ногою придавливаю спинку и головку ящерицы, а рукою беру ея переднюю лапку и шнурочкомъ привязываю къ лапкѣ другой ящерицы; и такимъ способомъ свяжу пять шесть ящерицъ, а затѣмъ начинаю дразнить ихъ, чтобы онѣ бросались и грызли одна другую. Насъ каждое дерево манило вскарабкаться на него, каждое гнѣздышко птичье на вѣткѣ

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1894 г., № 10.

просило снять его. И не рѣдко, какъ кошки хищныя, мы осторожно, на цыпочкахъ, подходили къ кустарникамъ, изгибались, какъ змѣи, въ вѣтвяхъ и, затаивъ дыханіе, впивались глазами въ гнѣздышко соловья и посягали злодѣйской рукою на свободу чарующаго пѣвца. А щеголъ, писанный красавецъ, болтливый щебетунъ, беззаботно перепархивающій съ репяха на репяхъ, онъ и не подозрѣвалъ, что за это вкусное репейное зернышко онъ заплотитъ вѣчной неволею, и потому смѣло протянулъ шейку свою въ оковы вѣчнаго рабства, въ волосяное сильцо. А лепаръ, буренькій, красногрудый, никогда не покидающій скромненько одѣтой (она безъ краснаго пятнышка на груди) подруги своей,—онъ, по отлетѣ изъ гнѣзда дѣтокъ, такъ протяжно, такъ меланхолично, такъ грустно—не поетъ, а скорбитъ, что моя рука скорѣе бы окаменѣла, чѣмъ посягнула на его свободу. За то та же самая рука затрясется, чтобы поймать разноцвѣтнаго красавца съ чуднымъ гребешкомъ-коронкою на головѣ, удода, такъ близко напоминающаго своимъ пѣньемъ плавно и тихолетающую кукушку, которую я, не смотря на ея отрадную весеннюю пѣснь, всей моей маленькой душонкой ненавидѣлъ и презиралъ. Судите сами, развѣ можно не презирать мать, которая не только сама не хочетъ высидѣть и вскормить своего крупнаго птенца, но еще выбрасываетъ крохотныя яички маленькой скромненькой, отличающейся нѣжной материнской привязанностью, малиновки и кладетъ въ ея гнѣздышко свое большое яйцо? Вѣдь это жестокая вопіющая несправедливость! И развѣ можно было безъ негодованія смотрѣть, какъ этотъ птенецъ-кукушка, вдвое и втрое большій малиновки, вѣчно развѣваетъ свой большой ротъ и безъ устали кричитъ „давай, давай ѣсть"! И бѣдныя малиновки, самецъ и самка, изъ силъ выбиваются, сами почти не ѣдятъ, а ему ежеминутно доставляютъ пищу, и онъ съ ненасытной жадностью накидывается на пищу, чуть-чуть и голову малиновки не проглотитъ—такой обжора! И я не разъ порывался выбросить этого обжору-подкидыша, выбросить изъ гнѣзда. Но какъ всмотрюсь, съ какою заботою, нѣжностію и любовью, какъ къ своему родному птенцу, относятся малиновки, — и рука опускается. Родныхъ птенцовъ

давно нѣтъ. И этого чужого, послѣдняго отнять? Горе... сиротство... Нѣтъ. Пусть будутъ счастливы! Вѣдь и въ самообманѣ счастье. А дятлы самыхъ разнообразныхъ видовъ по росту и по цвѣту перьевъ, всѣ толстоголовые съ превосходными долбящими молотами-клювами..... о, какъ они приковывали наше вниманіе и любопытство къ себѣ и какъ насъ тянуло поймать ихъ, когда они ожесточенно долбили кору дерева! Но намъ никогда не удавалось поймать этихъ цѣпконогихъ скакуновъ, какъ не удавалось держать въ рукахъ маленькихъ красивыхъ, длиннохвостыхъ вертушекъ кокетокъ - очеретянокъ, скакавшихъ всегда у берега рѣчки и на левадахъ. За то осенью отважная синица, сопровождающая и берегущая маленькихъ, кругленькихъ, какъ волошскій орѣхъ, съ чудно расписанными головками „воловыхъ очекъ", чечотокъ, часто попадалась въ наши руки, также какъ зимою попадали въ наши клѣтки толстоносые, сутуловатые, неуклюжіе красногрудые снѣгири. Я уже не говорю о драчливыхъ болтунахъ и неисправимыхъ воришкахъ, безъ умолку хвастающихъ, что онъ живъ, живъ,—о неинтересныхъ воробьяхъ. Зимою мы ловили ихъ по нѣскольку десятковъ въ каждой норѣ, продѣланной ими въ соломенныхъ крышахъ хлѣвовъ, а гнѣзда ихъ весною мы часто выбрасывали, что, стыдно теперь сознаться, доставляло намъ тогда большое удовольствіе.

А сколько радостей доставляли мнѣ „пирныки-коныки съ золотыми головками"—пряники, получаемые отъ отца по возвращеніи его изъ ярмарки! Конфектъ отецъ мой никогда не привозилъ изъ мѣстечка Вчерайшаго, гдѣ ихъ и званія не было, и о существованіи ихъ я узналъ только тогда, когда тетя Канонская изъ Сквиры привозила мнѣ сахаръ и „цукерки". Моему неизбалованнному сластями вкусу тѣ цукерки казались цѣннѣе всѣхъ благъ міра, и никогда впослѣдствіи я не ѣлъ ничего слаще первыхъ „цукерковъ"... Я и теперь люблю музыку и часто подхожу къ роялю или же беру скрипку въ руки, но никогда теперь звуки рояля либо скрипки не приводили меня въ такой восторгъ, какой вызвали во мнѣ звуки перваго „коныка свыстунця", подареннаго мнѣ богомолками изъ Кіева.

Отецъ мой, глубоко вѣруя въ Бога и въ Его непосредственный любвеобильный промыселъ о человѣкѣ, и утромъ и вечеромъ не иначе стоялъ на молитвѣ, какъ колѣнопреклоненный, не читалъ молитвы, а говорилъ ихъ, поднимаясь къ Богу не только умомъ и сердцемъ, но и очи свои устремляя куда-то безпредѣльно далеко вверхъ. Псалмы Давида Царя не были для Отца чѣмъ-то чужимъ. Покаянныя молитвы Давида въ устахъ отца становились воплями кающагося грѣшника; просьбы Давидовы были личною горячею мольбой отца; пѣсни хвалебныя Давида были кликами восторговъ его собственнаго сердца, ликованіемъ его личной души. Живя самъ въ нищетѣ и зависимости, видя вокругъ себя ту же нищету и тупую покорность и слыша глухой подавленный ропотъ панскихъ „пидданныхъ", отецъ мой, чуткій, отзывчивый и нервный, не могъ жить только своею личною жизнію. Выслушивая угнетаемыхъ, обиженныхъ и битыхъ, отецъ мой переживалъ съ ними ихъ горе, скорбѣлъ, тосковалъ и въ безсиліи мучился по нѣсколько дней, пока наконецъ въ скорбныхъ съ глухими рыданіями молитвахъ и жалобахъ Богу онъ не получалъ облегченія и успокоенія. Естественно отсюда, что жизнь казалась моему отцу тяжелымъ бременемъ и что счастье—только въ вѣрѣ въ Бога и въ молитвѣ къ нему. Поэтому онъ въ ту пору, и нерѣдко и въ послѣдніе годы, жалѣлъ, почему онъ не монахъ. Такъ вѣруя въ Бога, видя въ немъ одномъ счастье, испытавъ сладость молитвъ, отецъ съ самаго ранняго дѣтства воспитывалъ во мнѣ вѣру и любовь къ Богу и научалъ меня искренно и усердно молиться, утѣшая себя надеждою, что сдѣлаетъ изъ меня монаха—молитвенника „о людскихъ грѣсѣхъ и невѣжествіяхъ".

— „А ходимъ но сыну до Бози въ церкву", говорилъ онъ мнѣ въ будній день. „У Бога всяки гостынци есть,—будемъ просыты, то може й намъ дасть гостынця".

Идемъ въ притворъ, гдѣ лежитъ постель и булава церковнаго сторожа Давида; становимся на колѣни передъ дверью, надъ которой былъ образъ Бога Отца въ римской тіарѣ, и сложимъ руки на молитву.

— Говоры, сыну, за мною: „Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшнику! Боже! очисти грѣхи мои и помилуй мя.

— Поклонись, сыну, до земли.

Я кланяюсь.

— Говори теперь за мною: „Боже! Дай мени гостынчика!“ Я горячо молюсь.

— А дывысь но, сыну, на Бозю; чи нема у Бози гостынчика?

Смотрю, а изъ-за иконы выглядываютъ бублики. Я въ восторгѣ. Отецъ поднимаетъ меня выше своей головы, и я своими руками беру гостинцы отъ Бога, тѣшусь и ѣмъ.

Громъ ли загремитъ—отецъ уже на колѣняхъ и намъ говоритъ:

— А що, дитки, вже сварылысь? Отъ Богъ и грымае на васъ и кивае на васъ своею блыскавыцею! Молиться Богу! Ставайте на колина!

Скажешь что-нибудь не такъ—„гришно, сыну, такъ казаты“; пошалишь неудачно съ братомъ, и онъ плачетъ—„а Бозя буде быты, не обижай брата“; хочешь, не помолившись утромъ Богу, съѣсть что-нибудь—„а Бозя онъ де дывытся! Грихъ. Помолысь“.

Въ крестьянскихъ семьяхъ нерѣдко дѣти выкалывали глаза святымъ на иконахъ, чтобы Богъ не видѣлъ, какъ они ѣли въ среду или пятницу сало, или же, не дождавшись родителей изъ церкви въ Воскресенье, принимались ѣсть. Словомъ, на каждомъ шагу намъ говорили то о Божіей милости, то о грѣхѣ, то о наказаніи за грѣхъ.

Кромѣ общенія съ Богомъ, умъ и сердце отца искали для себя и для насъ дѣтей общенія съ лучшими изъ людей. Почему ежедневно зимою по вечерамъ отецъ читалъ намъ въ слухъ жизнеописанія святыхъ людей изъ Четьи Минеи св. Димитрія Ростовскаго, выросшаго, какъ и мы, въ простой сельской семьѣ, хохла Саввы Туптала. Какъ только смеркнетъ, сосѣди—дѣдъ Кирилло и Якубъ—уже и сидятъ у насъ на лавкѣ, мать у печки, а мы дѣти среди хаты на соломѣ, и жадно слушаемъ церковно-славянское чтеніе отца съ его объясненіями. Отецъ у сто-

ла съ восковою свѣчкою въ рукахъ читаетъ. Голосъ его то спокойный, то тихій, теплый участливый, то ѣдкій-насмѣшливый, то дрожащій и гнѣвный, то полный силы и восторга, смотря по содержанію чтенія. Лицо въ соотвѣтствіи съ голосомъ, то ровное, доброе съ оттѣнкомъ умиленія, иногда съ повисшей слезою, то желчное, подернутое горькой скорбью и печалью за участь христіанскихъ мучениковъ, то гнѣвное, презрительное къ ослѣпленнымъ безсильною злобою мучителямъ, то, наконецъ, радостно восторженное, когда онъ восклицаетъ: Великъ Богъ христіанскій! Дѣдъ Кирилло и дядько Якубъ слушаютъ, не пошевельнутся; мать, тихо подкладывая солому въ печь, зорко слѣдитъ, чтобы „кулишъ" въ закипѣвшихъ горшкахъ не сбѣжалъ, а слухъ весь напрягла, чтобы не проронить чтенія; мы же дѣти лежимъ на соломѣ среди хаты неподвижно, съ открытыми ртами, съ горящими глазами, внимаемъ, видимъ святого, слышимъ его небоязненныя рѣчи, горимъ восторгомъ отъ его чудесъ, смѣемся надъ посрамленнымъ мучителемъ, слышимъ скрежетъ его зубовъ, видимъ пѣну злобы на устахъ его и печальнымъ сердцемъ идемъ вмѣстѣ съ святымъ въ звѣринецъ.

— Тату! Але звири не зъидять святого? спрашиваетъ братъ.

— Вмѣсто отвѣта отецъ читаетъ рѣчь святого: „я пшеница Божія и долженъ быть смолотъ на муку зубами звѣрей, чтобы быть чистымъ хлѣбомъ для Бога".

Наши глаза устремились на дверь, за которою нашему живому воображенію дѣтскому слышно рыканіе львовъ.

—„И выбѣжали звѣри", читаетъ отецъ... Мы въ смертельномъ ужасѣ отшатнулись на соломѣ отъ двери, зажмурили глаза, невольно крикнули и слышимъ только, какъ хрустятъ кости святого на зубахъ льва. Наконецъ, сердце замерло, затѣмъ учащенно забилось, глотка судорожно сжалась—и я съ братомъ горько, мучительно, истерически заплакали.

— Тату! А Богъ же не вбывъ громомъ отого проклятого кесаря? А земля пидъ тыми, що дывылись та реготалы, не провалылась?

Тихо въ нашей хатѣ. Мама рукавомъ слезы вытираетъ. Дѣдъ Кирилло съ Якубомъ опустили свои сѣдыя головы внизъ,

а крупныя слезы такъ и текутъ по ихъ щекамъ. Отецъ куда-то далеко, далеко смотритъ затуманенными глазами. Вотъ уже мы и вечеряемъ, и спать улеглись на той же соломѣ, среди хаты, укрывшись „кожухомъ" бараньимъ. Но сонъ идетъ мимо глазъ. Въ комнатѣ темно. Никакія новыя впечатлѣнія не принимаются мозгами, всецѣло пораженными страданіями мучениковъ. Опять переживаешь все слышанное, и не смѣешься и радуешься, а боишься и ненавидишь. Наконецъ, утомленное дѣтскими играми тѣло засыпаетъ, но мозги съ поразительною силою ясности и съ быстротою повторяютъ впечатлѣнія прочитаннаго.

— Великъ Богъ христіанскій! крикнулъ кто-то надъ моимъ ухомъ и разбудилъ меня. Смотрю, мать уже креститъ соннаго исповѣдника Ваню:

—„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Аминь. Спы, сыну, спы". Укрываетъ его кожухомъ, перекреститъ снова и отходитъ.

— „Ты, Фылыпе, завше такъ робышъ: начитаешь отихъ житій,—а бидни диты зо сну жахаються".

Въ общеніи съ святыми мучениками, презиравшими тѣлесныя муки, со святыми пустынниками, презиравшими удобства жизни и богатства міра сего и за то вознагражденными несказаннымъ блаженствомъ въ объятіяхъ Вселюбящаго Отца Небеснаго, отецъ мой находилъ великое утѣшеніе и примирялся съ своею нищенскою жизнію и съ окружающею его жизнію „пидданыхъ", полною нищеты, воплей, слезъ, неправды и грубаго насилія. Слова Единаго въ ту пору человѣколюбца Господа Іисуса: Блаженни нищіе духомъ, яко ваше есть царствіе небесное, блаженни плачущіи, яко тіи утѣшатся, блаженни алчущіи и жаждущіи правды... Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ,—казались отцу сказанными не 2000 лѣтъ тому назадъ а теперь, не мытарямъ и грѣшникамъ невѣдомаго древняго Израиля, а ему и тѣмъ тьмамъ Ивановъ и Марій, которые именовались „быдломъ". Эти животворныя обѣщанія Спасителя радовали отца, и онъ клалъ земные поклоны, плакалъ, благодарилъ и молилъ Бога и этою обѣщанною Богомъ радостію дѣлился съ нами дѣтьми и вносилъ отраду и утѣшеніе вѣры

крестьянамъ, которымъ для этого читалъ еще и житія святыхъ людей въ промежутки между Утренею и Литургіею по воскресеньямъ и праздникамъ. И нищета, и безправіе теряли свое мертвящее значеніе, и тяжелый трудъ казался подвигомъ, достойнымъ великой мзды на небесѣхъ.

Отецъ вносилъ въ нашу дѣтскую жизнь отрадный, лучезарный элементъ религіи, а сосѣдъ нашъ, дѣлъ Кирилло Середа, скрашивалъ наше дѣтское прозябаніе внесеніемъ въ наше сознаніе народнаго поэтическаго міровоззрѣнія своими сказками и юмористическими небылицами. И то, и другое—и незнакомство наше съ жизнію имущихъ людей, и дѣтская беззаботность, и потребность жизнерадостности дѣлали для насъ нечувствительными голодъ и холодъ.

Осень; холодно; вечерѣетъ; уже и ужинъ скоро пора будетъ варить; а топлива нѣтъ. Мать грызетъ отца; отецъ чешетъ затылокъ.

— „А хочете, диты, галушо́къ? Побижить же въ панській садокъ, насбирайте на земли сухихъ ломачокъ, бо нема чимъ въ печи вечеру варыть. Та глядить, не ломайте зъ дерева. Та накиньте на себе халатыки, бо холодно".

Босые, въ картузикахъ съ разодранными козырьками, съ накинутыми, а не надѣтыми ватными халатиками, мы были уже за дверьми, когда мать воротила насъ и дала каждому изъ насъ фартушекъ для складыванія „дровъ". Перебѣжали мы въ припрыжку черезъ дорогу, ловко спрыгнули въ ровъ, храбро вскарабкались на валъ, заросшій дерезою, перелѣзли черезъ досчатое прясло и, какъ истые охотники и знатоки дѣла, мы и сверху земли, и подъ опавшими листьями, и подъ травою находили дрова, т. е. сухіе, маленькіе прутья вишни, сливы, яблони, груши и др. деревъ. Если же которому изъ насъ удавалось первому наброситься глазомъ на громаднѣйшую „гиляку", по крайней мѣрѣ въ аршинъ длиною и въ большой палецъ толщиною, тотъ опрометью кидался и восторженно клалъ ее въ фартухъ. Набравши полные фартушки дровъ, мы съ гордостью возвращались домой. У воротъ же, любовно глядя, встрѣчаетъ насъ отецъ словами Макарія Египетскаго, ставшими обычною поговоркою отца.

— Будь здравъ, будь здравъ, трудолюбче! Э, дитки! цими дровцями маты тилько литепло зогріе; а чимъ же на окрипъ напалыть, щобъ галушки закипилы?

— Э—э, тату, мы заразъ назбираемъ.

И опять въ припрыжку бѣжимъ, собираемъ, носимъ дрова. Выбросивъ послѣдній разъ изъ фартушковъ прутья подъ печку, мы кинулись къ столу. А тамъ, на столѣ, изъ замѣшаннаго тѣста мать крошила галушки. У насъ и руки затряслись отъ радости.

— „Нате, нате уже вамъ тисто на калачики"!

— Ни, я голуба чубатого злиплю, сказалъ мой меньшій братъ.

— А я ужа съ жаломъ роскачаю. И мы съ жаромъ принялись за лѣпку своихъ выдумокъ. Посадили въ печь и ужа, и голуба, и когда они испеклись, мы не надолго дали волю голубю летать, а ужу ползать и сычать. Скоро голубь оказался безъ чубка, а ужъ безъ жала. Но въ тотъ моментъ, когда я безстрашно откусилъ голову ужа, дверь заскрипѣла, и впередъ выставилась знакомая намъ порыжѣлая шапка дѣда Кирилла.

— „Дидъ иде, дидъ иде, казку несе", хлопая въ ладоши, сказалъ братъ.

— Слава Богу! привѣтствовалъ дѣдъ, стряхнувъ дождевыя капли съ своей шапки.

— Во вики виковъ. Аминь,—отвѣтили одновременно отецъ и мать.

— А що тамъ, диду, на билому свити робытся?

— Бувъ билый свитъ, та потемнивъ. Вытрищеока Загныбородыха [1]) мисяця вкрала; небо засмутылось, та й плаче—вся шапка моя въ слезахъ.

— Сидайте, Кирилло!

— Спасыби, пане Реенцій!

— А що нового?

— Этъ, хочете вы знаты?! Пропадюща [2]) лютуйе. Конныця пшеныцю вытоптала надъ дорогою. А „гуменный" Ла-

---

[1]) Сосѣдка, баба, слывшая вѣдьмой.

[2]) Пропадющей прозвали крестьяне свою помѣщицу, которая засѣкала мужиковъ и бабъ до того, что *послѣднихъ* на „ряднахъ"—носилкахъ выносили.

вринъ, скажена собака, сховавсь. Ратныки чуть-чуть его не вбылы. Та й страшни оци бородати кацапы! Горе буде туркови! Пытався я идного кацапа, такъ уже не молодого; куды Богъ провадыть?—Въ Востополь идемъ!

— А бильше ничого не чулы вы, Кирилло, про ратныкивъ?

— Богъ крывъ, не чувъ ничого такого, окримъ того, що наши люде дуже бояться ихъ.

— И изъ Мыньковецъ ничого не чулы?

— А щожъ тамъ чутно такого цикавого?

— Гай, гай, бодай не казаты! Въ Мыньковцяхъ пипъ старый, вдовецъ и бездитный. Ратныки, що въ Мыньковцяхъ днювалы, дочулысь, що той пипъ богатый. Отъ середъ ночи симъ ратныкивъ стукають въ попови двери. Наймытъ выскочивъ одчиныты имъ двери, а ратныкъ заразъ сокирою его по голови. Пипъ почувъ шумъ, догадався, що воно за люды и зачимъ прійшлы, а мисячна ничь, хоть голки сбирай, никуды втикаты— зломывъ руки передъ образомъ. Ажъ врываютьця кацапы: давай попъ деньги!—Заразъ дитки, нате. Одчинывъ скрыню, вынявъ торбу и дае.

Оце вамъ, воины Христовы, срибныхъ двисти карбованцивъ, а це—бильша торба зъ мидными грошима; скильки тутъ, то я й самъ добре не знаю. Берить соби дитки. Вы въ чужій край идете. Все треба вамъ купыты. А мени ци гроши не потрибни: я старый и одынокій, та й пипъ съ голоду ще николы не умиравъ. Вы жъ хоть Богу помолытесь за мене.

— А вотъ и сейчасъ помолимся за твою жеребьячью душу, коли не скажешь, гдѣ больше денегъ. Кажи!

— Богъ зъ вами, дитки! Оце у мене все добро: ось скрыня, ось столы съ шухлядами,—шукайте соби и берить; ось комора съ бочкою налывки. Идить въ комору за мною, берить соби оцей бутыль горилки, берить оци ковбасы, хлибъ, сидайте за стилъ,—бо вы, бидни, голодни.

— Дѣло, батька! Садись ребьята!

Пылы шклянками; наилысь, напылысь. А пипъ все ихъ припрошуе.

— А теперь, дитки, воины Христови, вы на войну идете. Дайте жъ я васъ хрестомъ поблагословлю и святою водою окроплю. Свѣчи не были зажжены. Пипъ покропывъ ихъ, поблагословывъ; а воны поцилувалы св. хрестъ и его руку, та й пишлы.

— Ранкомъ пиднявся гвалтъ въ сели. Попивъ наймытъ убытый. Ратныки строяться въ ряды; вси старши въ сбори и пипъ зъ нымы стоить и щось имъ каже.

— Ну, попъ, смотри и берегись! Если не найдешь, то не сносить тебѣ своей головы на плечахъ. Я тебѣ не подарю!

— Я своихъ гостей пизнаю. Воны позначены. Пишовъ пипъ съ старшими по рядахъ, глянувъ на красный полушубокъ идного ратника.

— О! це мій! Идетъ далѣе: и ци два мои, и цей мій, и оцей.

— Почемъ ты знаешь, что эти именно убійцы?

— У моихъ полушубки покропляни черныломъ, которымъ вмисто святои воды я окропывъ на прощанье.

Дывляться старши, ажъ и правда: у тихъ семерыхъ ратныкивъ покропляни полушубки черныломъ. Охъ, яка то диду правда въ свити! Думаете може, що ихъ отдалы пидъ судъ?! Ни, старшый сказавъ, что теперь Царь нуждается въ ратныкахъ и винъ ихъ не оддасть на судъ, а поставыть ихъ на войни пидъ першу кулю. Затрубылы, та й выйшли зъ Мыньковець.

Не успѣлъ отецъ окончить эти слова, какъ сѣнная дверь заскрипѣла, съ шумомъ отворилась, и послышались голоса нѣсколькихъ человѣкъ; шумъ, говоръ, а было уже поздно. Мы никого не ожидали и насторожили уши; наконецъ, отворяется комнатная дверь, и вваливается въ комнату человѣкъ пять ратниковъ.

— Ай! крикнулъ я съ братомъ, и какъ мыши въ нору, такъ мы быстро попрятались на печкѣ.

— Здравствуй, дьячекъ! Вотъ тебѣ штофъ водки, по полтинѣ съ брата; а ты пиши письмо на родину.

— Хорошо, да бѣда въ томъ, что бумаги нѣтъ.

— Бумага съ нами есть. Ты вотъ прежде рюмку достань, да хлѣбъ на столъ ложи.

— А ты, хахолъ, чево сюда прилѣзъ? Дѣдъ Кирилло въ нерѣшительности промолчалъ и взялся за шапку.

— Посыдьте, диду, пригласилъ отецъ, боясь остаться самъ на самъ съ бородатыми гостями. Водку ратники выпили почти сами. Отецъ написалъ имъ письма съ ихъ словъ, съ непремѣннымъ „поклономъ отъ бѣлова лица до мать-сырой земли на вѣки нерушимымъ и съ поцѣлуемъ въ сахарныя уста и бѣлыя ноги“. Выпили, нашумѣли, накричали, поблагодарили, положивъ по полтиннѣ съ брата, и далеко за полночь ушли.

Никогда еще отецъ не получалъ такихъ большихъ денегъ за умѣнье писать. И не разъ еще доводилось отцу писать письма ратникамъ и получать за то полтины и „цѣлковые“. Отвѣты съ родины съ деньгами получались скоро, и отцу приходилось и прочитывать письма ратникамъ, за что опять отца угощали водкой и щедро платили, хотя отецъ и не ожидалъ, что могутъ люди платить за прочтеніе. Тѣмъ не менѣе, какъ ни добры они были къ отцу, но я всегда помнилъ разсказъ объ убійствѣ въ Мыньковцахъ и боялся ихъ.

Наши люди придутъ къ отцу—не бѣгаютъ по хатѣ, тихо, спокойно поговорятъ; а ратники влетаютъ въ домъ, распахнутъ дверь въ комнату, бѣгаютъ, суетятся, кричатъ, ругаются безъ ссоры, а любя, какъ они говорятъ. Память до сихъ поръ рисуетъ мнѣ ихъ всѣхъ бородачами, невысокими, широкоплечими, въ одеждѣ желтаго сукна, красныхъ полушубкахъ, съ ширококонечнымъ, въ родѣ георгіевскаго, крестикомъ на фуражкѣ, вмѣсто кокарды.

Не менѣе, чѣмъ ратниковъ, я боялся и солдатъ, особенно подъ вліяніемъ разсказовъ матери.

„Страшни, сыну, ти москали булы, але колысь давнійше ще страшнійши булы. Моя мама мени росказувалы, що, якъ ще ихъ мама булы панною, то мусилы дви недили ховатысь одъ москаливъ въ Верховенскимъ очерети. Якъ почулы дидуне, що москали прыйдуть въ Верховню, заразъ взялы двохъ дидивъ и двохъ бабъ, надавалы имъ исты й пыты, та й одправыли ихъ съ двома паннами въ очеретъ въ вершу, ажъ пидъ Быстривку. Тамъ воны дви недили и пидъ сонцемъ и пидъ дощемъ сыдилы, та рушныкы вышивалы. Ще зъ тихъ рушныкивъ мени

мама идного далы; теперь я оддала той рушныкъ Явдошци, хрещеныци моій. А москали, (то были еще польскіе жолнѣры) якъ прыйшлы въ село—заразъ до дидуня, щобъ показавъ своихъ паннивъ. Москалямъ хтось сказавъ, що въ попа есть дви дочки панны. Дидуне мусилы выдумаваты, що панны поихалы на полисье до своеи сестры. Разъ до дидуня въ Верховню пріихавъ меньшій зять, молодый ще пипъ, та й почувъ, якъ на улыци музыка грае и жолнѣры спиваютъ

„Пшистань пшистань до вербунку
Будешь исты зъ масломъ булку
И ты попе...
Огуль бродо, зоставъ вон:ы
Ступай, ступай въ наши понсы!

Зять той выйшовъ на улыцю, та й слухае, якъ спиваютъ. А иденъ изъ жолнѣровъ пидскочивъ на лошади къ попу, знявъ съ попа шапку, надивъ на него свою конфедератку та й крыкнувъ: нашъ! нашъ! Заразъ его схватылы на повозку, та й повезлы ажъ у Паволочь. Дидуне злякалысь та на кони за ными въ Паволочь; а въ Паволочи живъ благочинный—дидуне до него. Та насылу въ двохъ зъ благочиннымъ одибралы зятя отъ жолнѣривъ, заплатывши добри гроши".

Дѣдъ Кирилло Середа каждый вечеръ приходилъ къ отцу. Его идейную натуру влекла къ отцу потребность жить и умомъ и сердцемъ. А гдѣ же въ другомъ мѣстѣ онъ могъ найти пищу для жаждущей души? На трехдневной панщинѣ, кромѣ криковъ, брани и угрозы кіями отъ „осавулы" и отъ гуменнаго, онъ не слыхалъ ничего другого. На остальные три дня — было по горло работы дома въ своемъ хозяйствѣ. На 7-й день въ воскресенье пошелъ бы въ церковь, да нельзя: ярмарка въ м. Вчерайшемъ — нужно ѣхать непремѣнно на ярмарку, продать хлѣбъ, купить соли, ременю на обувь и проч., потому что въ буденный день нѣтъ ярмарки и ни продать, ни купить ничего нельзя. Вечерами же, по окончаніи работъ, пошелъ бы „на село", т. е. въ корчму, но разъ — утомленъ, а другое — кромѣ пьянства, общаго гама и шума, пьяныхъ слезъ, да горькихъ жалобъ, да тяжкихъ стоновъ ничего отраднаго не услышишь.

А поэтическая душа Кирилла, подавляемая физическою работою въ теченіе дня, пробуждалась вечеромъ, оживала, предъявляла свои запросы, боролась съ утомленнымъ тѣломъ и побуждала ноги, не смотря на ихъ сопротивленіе, идти „межъ люды", поискать отрады, утѣшенія. И идетъ Кирилло по торной дорогѣ въ корчму, вечеромъ, палкой-карлючкой опирается, голову опустилъ, одну думу смѣняетъ другой думой невеселой. Но вотъ замедлилъ дѣдъ шаги, и тяжкій глубокій съ дна груди вырвался стонъ у него. Тяжелыя, ужасныя воспоминанія неотвязчиво тѣснятся въ головѣ его. Живо, ярко припоминается ему, что пьетъ онъ съ добрыми людьми за столомъ въ полевой корчмѣ Болотянкѣ и поетъ:

„Шинкарочко молода
Дай горилки щей й вина".

Вдругъ крикъ: гвалтъ! злодій! ловить! Выбѣжали всѣ изъ корчмы, поплелся и онъ за людьми. Злодія—и пару лошадей обступили люди. Крикъ, брань, проклятья. Бьютъ злодія, кто чѣмъ попалъ. Припомнилъ Кирилло, что у него украли пару лошадей годъ тому назадъ; заскребло у него на сердцѣ,—вѣдь онъ и до сихъ поръ не можетъ собраться на покупку лошадей и каждый разъ у людей то проситъ, то нанимаетъ. Зло разобрало его; кровь забушевала, сжались зубы и кулаки. Размахнулся онъ изо всей силы и хватилъ кулакомъ злодія въ високъ такъ сильно, что тотъ упалъ и не вставалъ больше. Припоминается Кириллу допросъ эконома; его вяжутъ; ведутъ на веревкѣ къ приставу; тамъ заковываютъ. Сквира; тюрьма—мрачная, сырая яма съ землянымъ поломъ; его товарищи; закованные душегубци—обступаютъ его кругомъ; въ ужасѣ сторонится онъ отъ нихъ; его поднимаютъ на кулаки. Но въ это время зазвенѣли цѣпи, заревѣлъ звѣрскій голосъ. Все стихло. Передъ нимъ стоялъ душегубецъ великанъ, обросшій волосами, полусѣдой, съ ворочающимися бѣлками глазъ подъ густыми нависшими бровями. Окаменѣлъ Кирилло передъ нимъ. Но этотъ душегубецъ—его покровитель и заступникъ. Онъ—въ тюрьмѣ, въ неволѣ, въ цѣпяхъ, какъ звѣрь, и впереди ждетъ эшафотъ, катъ, Сибирь и каторга... А сердце рвется на волю, на просторъ къ родному

селу, къ хатѣ, къ садочку надъ ставкомъ, къ женѣ и къ малымъ дѣткамъ... „Дитки мои! квитки мои! Пташки вы мои! Не бачыты вамъ свого батька и до страшного суду. Сибирь на вики розлучить мене зъ вами. Якажь це злая, клята сыла одирвала мене отъ васъ? диточки мои? Цылыпцю мій, дытыно моя, сыну мій, печени мои?!! Звиткиль же це лыхо, несчастье на мене?!! Видъ Бога?—Горилка, не Богъ, одняла розумъ одъ мене! Чортъ, самъ сатана, а не Богъ, лютовавъ въ моимъ сердци и зробывъ зъ мене душегубця. Ни, не отъ Бога це! Богъ небо прихилывъ до земли, зійшовъ до людей, ратуваты не праведнихъ, а злодіивъ та разбойныкивъ, на хрести муки терпивъ, а ихъ пожалувавъ и зъ хреста на небо съ собою забравъ. Спасы и мене, душегубця, Господы! Ратуй мене Сыне Божій! Не забудь мене Спасе“? — И чувство надежды шевельнулось въ сердцѣ Кирилла и согрѣло въ немъ вѣру въ Бога живаго, добраго, скорбящаго съ несчастными и привлекающаго къ своимъ объятіямъ оплеванныхъ, поруганныхъ и отверженныхъ людьми. И сталъ Богъ для Кирилла живымъ, близкимъ роднымъ, безгранично благимъ. И сталъ Кирилло ежедневно молиться и по цѣлымъ ночамъ простаивать предъ образомъ святителя Николая и класть еженощно по 300 поклоновъ (такъ дѣлалъ онъ и до смерти). Смѣются душегубцы надъ его мозолемъ кровавымъ на лбу, издѣваются и надъ посинѣвшими и растертыми до крови мозолями на колѣняхъ. Но не слышитъ Кирилло боли на лбу и на колѣняхъ, не слышитъ онъ и хохота товарищей; онъ слышитъ только голосъ убитаго имъ злодѣя, онъ видитъ въ своемъ наказаніи кару прогнѣвавшагося Бога, онъ видитъ сквозь стѣны тюрьмы далеко, далеко свою убогую хату, видитъ слезы жены, слышитъ плачъ дѣтей и бьетъ снова и снова поклоны, ломитъ руки, плачетъ-рыдаетъ передъ образомъ живаго Бога.

Но завтра, завтра, колесомъ огненнымъ вертится у него въ головѣ—завтра рѣшеніе суда, эшафотъ, тысячи очей, катъ—и... и каторга. И чувство смертельнаго ужаса овладѣло его душой: затрясся весь, похолодѣлъ, съежился тѣломъ, уменьшился, сократился и неодолимая потребность бѣжать, спрятаться, поглотила все его мыслящее существо. Но куда бѣжать? гдѣ спря-

таться? Глаза рыщуть, мозгъ отчаянно работаетъ, но... нѣтъ выхода. Сознаніе говоритъ ему, что онъ есть, существуетъ и не избѣжитъ „катуванья". Охъ, если бы можно было не видѣть, не слышать, не думать не сознавать самого себя... не дожить до... И злорадный огонь блеснулъ въ его глазахъ... Трясясь и боязливо и дико озираясь вокругъ себя на спящихъ, онъ поползъ, и... съ нервной дрожью ощупалъ въ своихъ рукахъ... тоненькую... прочную... она не оборвется... удержитъ. Безсмысленная, дикая, конвульсивная улыбка искривила его лицо. Только петлю... и узелъ. И не катови, а... а... а чортови душу... Чего мои зубы стучатъ?

— Боже! Сыне Божій! Змылуйся надо мною. Не карай мене за... за... хоть на тимъ свити. Маты Божа! ратуй мою душу! Ратуй моихъ дитокъ: Пылыпця, Ярину! Будь имъ матерью. Святый Мыколаю!—Батьку мій ридный! Но въ этотъ моментъ—шорохъ сверху; ударъ по головѣ и что-то грохнулось на полъ. Арестанты пробудились, смотрятъ; въ углу Кирилло съ окровавленной головою, съ веревочкой въ рукѣ и около него стоитъ уже великанъ разбойникъ; а у ногъ его лежитъ упавшій образъ св. Николая.

— „Маешь же ты счастье Кирилло! Колы тебе образъ Божій побывъ, то будещь же ты на воли. Завтра тебе пустять. Така есть прымыта. Ты каявся, та Богу молывся, то Господь тебе и помылуе. А намъ каторжникамъ—якъ собакамъ, собача покута, собача и смерть". Утро. Рокотъ барабана. Солдаты съ ружьями. Читаютъ рѣшеніе. Тутъ же въ дворѣ тюремномъ даютъ ему 24 удара плетьми и... выпускаютъ на волю. О—охъ! Невольный, глубокій, облегчающій вздохъ вырвался изъ груди Кирилла послѣ этого подавляющаго, какъ кошмаръ воспоминанія о давно минувшей неволѣ. И живое, глубочайшее чувство благодарности Богу невольно выразилось въ привычномъ движеніи руки, знаменующемъ крестъ.

Понятно, что послѣ такого воспоминанія, ноги Кирилла съ дороги въ корчму круто поворотили налѣво, на дорогу къ моему отцу, который не упрекнетъ его, не осмѣетъ, зная пословицу: грѣхъ да бѣда на комъ не живутъ, но еще сниметъ

съ его души тяжесть преступленія, указавъ ему на дивную благость и воплощенную въ І. Христѣ любовь и милосердіе Творца къ людямъ, ободритъ его и вольетъ въ него вѣру и увѣренность въ томъ, что и для него, катованнаго, душегубца, есть возможность стать хорошимъ человѣкомъ въ мнѣніи людей и быть помилованнымъ на судѣ Божіемъ. Не словомъ своимъ убаюкиваетъ его совѣсть, а дѣломъ, живымъ примѣромъ Давида, предводителя разбойниковъ, ставшаго свѣточемъ любви Христовой, равно и святою жизнію другихъ покаявшихся грѣшниковъ докажетъ ему то, чего онъ такъ пламенно, всею душею желаетъ, и успокоитъ его мучащуюся совѣсть. И часто ему по его просьбѣ читаетъ отецъ мой житіе преп. Давида. И что-то близкое, родное видится его душѣ въ этомъ разбойникѣ раскаявшемся и великомъ подвижникѣ-аскетѣ. Онъ по цѣлымъ ночамъ думалъ о немъ; онъ въ мысли своей сжился съ нимъ, ему казалось, что онъ и лицо его знаетъ, и оно такъ походитъ на свирѣпое лицо того великана душегубца, который въ сквирской тюрьмѣ защищалъ его отъ насмѣшекъ и побоевъ арестантовъ и у котораго при прощаніи съ нимъ на суровомъ лицѣ покатились такія большія двѣ слезы, когда онъ сказалъ: „Кирилло, помолысь за мене. Прощай“.

М. Щ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ поминкамъ по Сковородѣ. Въ «житіи» Сковороды, написанномъ Ковалѣнскимъ, («Кіевск. Стар.» 1886 г., № 9, стр. 113), разсказывается, что С—да поступилъ въ домъ Томары послѣ того, какъ былъ изгнанъ изъ Переяславскаго училища тогдашнимъ епископомъ Никодимомъ Сребницкимъ и жилъ у одного изъ пріятелей, около Переяслава, въ страшной нуждѣ.—«С—да одобренъ былъ Томарѣ отъ знакомыхъ и приглашенъ имъ въ д. Коврай, гдѣ и порученъ былъ ему сынъ въ смотрѣніе и науку». Такъ говоритъ «житіе» Ковалѣнскаго. Ученикомъ С—ды былъ Василій Степановичъ Томара, который о приглашеніи С—ды въ ихъ домъ разсказывалъ иначе. Разсказъ этотъ записанъ въ одномъ изъ писемъ (30 іюля 1824 г.), Ив. Ром. Мартоса [1]) къ его пріятелю В. Я. Ломиковскому, причемъ поводомъ къ этому разсказу послужила статья Вернета о Сковородѣ, напечатанная въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» (1817 г., № 4 стр. 106). Мартосъ пишетъ: «Покойный сенаторъ Василій Степановичъ Томара, продолжавшій нѣсколько лѣтъ благопріятныя со мною сношенія, между прочимъ, пересказывалъ мнѣ весьма любопытный анекдотъ о Сковородѣ. Въ слѣдствіе чего прошу васъ перенестись мысленно въ прежнюю Малороссію, когда въ ней полковникъ составлялъ маленькаго, въ нѣкоторомъ смыслѣ, царя, каковымъ царькомъ въ Переяславлѣ былъ отецъ сенатора Томары, въ малолѣтствѣ избалованнаго матерью до крайности. Помянутый переяславскій полковникъ [2]), будучи въ дружбѣ съ тогдашнимъ кіевскимъ митрополи-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1894 г., № 10, стр. 154, примѣч.

[2]) Степанъ Васильевичъ Томара переяславскимъ полковникомъ не былъ, а былъ дѣйствительно большимъ „паномъ" въ Переяславщинѣ, благодаря своему богатству. См. о Томарахъ въ „Кіевск. Стар." 1885 г., № 5.

томъ [1]), просилъ о присылкѣ къ нему въ домъ инспектора самаго лучшаго для избалованнаго матерью сына. Одолжить полковника, да еще друга, присылкою въ домъ его студента для исправленія баловня, гдѣ инспекторъ долженъ всякій разъ найтись не только въ томъ, какъ себя вести въ публикѣ, безъ оскорбленія чести своей, да и въ томъ, дабы не пострамить ни академіи, ни пославшаго—конечно для митрополита составляло немаловажную задачу. Какъ же поступилъ онъ въ семъ затруднительномъ положеніи?—Прислалъ инспекторомъ Сковороду.—Самъ ученикъ его Томара, проводившій зрѣлѣйшіе годы жизни своей въ чужихъ краяхъ, почитавшійся непослѣднимъ въ своемъ родѣ мистикомъ и кончавшій уже седмой десятокъ свой, пересказывалъ мнѣ съ полною признательностію, какимъ удивительнымъ образомъ поступилъ съ нимъ инспекторъ сей, дабы склонить его къ исправленію.

Дѣйствительно, это есть весьма любопытное происшествіе, дѣлающее честь производителю своему, но только я не имѣю теперь времени распространяться въ дальнѣйшемъ изъясненіи. Довольно для васъ и того, что мною уже сказано, дабы вамъ имѣть возможность сообразить напечатанное на 167-й страницѣ, въ разсужденіи обмана архіерея мнимою неспособностію и прочее—не чепуха ли это надряпана? Покрайней мѣрѣ не такъ обстоятельства изложены» [2]).

А. Л.

Опущенная въ печати страница изъ лѣтописи Грабянки.

Въ изданіи лѣтописи Грабянки 1854 г., за страницей 194-ю слѣдуетъ—197-я, а между тѣмъ въ текстѣ перерыва нѣтъ («къ сему же и Доро(конецъ стр. 194-й)—шенко(начало стр. 197-й)подобно отъ ляховъ научщенъ....»). Ошибки въ пагинаціи тоже нѣтъ, а есть здѣсь пропускъ, который долженъ былъ занимать страницы 195-ю и 196-ю. Вотъ этотъ пропускъ: «предлагая Бруховецкому: «чого ради онъ на вѣчное себѣ проклятіе, народъ свободній, не давно отъ лядского плѣненія, зъ многопролитіемъ крове, церзновеніемъ и мужествомъ свободившійся, доброволнѣ же Москвѣ поддавшійся, ради тягчайшого еще порабощенія, попустилъ воеводамъ по всѣхъ градѣхъ быти, и дани отъ всякой думѣ и со всѣхъ маетностей, такожде пошлини со

---

[1]) Арсеній Могилянскій?

[2]) Съ подлиннаго письма, въ нашей б—кѣ.

всѣхъ промисловъ взимати, и на воеводъ всѣмъ людямъ работати, до нихъ же ни гетманъ, ни полковники, ни всѣ начальницѣ козацкіе не имѣютъ въ волностяхъ ихъ никакого дѣла, зане же и прежнихъ вѣковъ нашему народу россійскому того не бывало; аще когда, допущеніемъ Божіимъ, каковіе монархи и завоевали Русь, обаче отъ того жъ народу русского старѣйшину въ Россіи поставляли и насиліемъ старѣйшинъ своихъ отъ себе не насилали людемъ, яко же и Кгедимѣнъ, князь Литовскій, побѣдивши послѣднихъ князей русскихъ, всѣ землѣ русскіе вручилъ князю Олшанскому Миндогу и его точію самого Кгедимѣнъ вѣдалъ; прочіе же властелини и обладателѣ всѣ отъ русскихъ людей бяху и своимъ точію княземъ управляеми бяху. Егда же послѣдніе роди отъ поляковъ, не повинующеся своимъ королямъ, восхотѣвше въ Россіи Малой державн свои распространяти и оттуду велія богатства собѣ притяжати, перве уставиша, даби воеводи, каштеляни и старости зъ россіанъ не были и козакамъ потомъ отъ себе ляховъ на полковничества и сотничества насл аша; что козаки, послѣди, коронѣ польской на вѣки невозвратно шкодою и урономъ заплатили!» —По каковой Дорошенковой намовѣ, зъехавши, по Богоявленіи Господнемъ, Бруховецкого енералная старшина и полковники зъ гултяйства запорожского наставленіе, которіе зъ голоти ставши на началахъ и у крамарей себѣ дщери ихъ въ жени побравши, до онихъ и сами присташа, и хитро, яко самоволци, имѣяху всегда на мисли разграбленіе,—зъ гетманомъ Бруховецкимъ усовѣтоваша, даби отъ царского величества отступити. И Бруховецкій велѣлъ воеводъ, отъ него жъ самого доброволне во гради принятихъ, убивати; на что вишше писанная старшина енералная и полковники, ради хищенія и разграбленія, абіе соизволила, и разъехавшися во своя полки, еднихъ воеводъ отсл аша во свояси, другихъ же, приступами въ градѣхъ добиваше, умертвиша,—точію въ Нѣжинѣ, Черниговѣ и Переясловѣ въ крипостехъ затворшаяся Москва, одержася, обаче запорожци и народъ посполитій городи разграбивше, въ конецъ разориша. Зачавши убо гетманъ, за совѣтомъ наведенних за собою запорожцевъ, великое и не его разумомъ могущое совершитися дѣло, еще на болшое къ болшому людей разоренію покусился: посла посли своя въ двѣ странѣ—Стефана Гречаного въ Кримъ, призиваючи прошеніемъ хана въ согласіе и въ помощъ себѣ, даби воздвигнути брань на Москву, а Григорія Гамалѣю и Лаврентія Кашпуровича, канцеляристу, къ турскому царю, поддаючися ему со всею Украиною,—не извѣстенъ же того, яко не имѣетъ себѣ уже добро-

желателного въ войску никого же, кромѣ запорожцовъ, черезъ нихъ же произведенъ былъ и на гетманство». Засимъ должно слѣдовать напечатанное на стр. 197-й продолженіе лѣтописи: «Къ сему же случаю князь Ромодановскій......».

Приведя это опущенное мѣсто изъ лѣтописи, авторомъ которой называется гадяцкій полковникъ Григорій Грабянка, кстати спросимъ людей знающихъ—на чемъ основано это авторство?—Намъ оно кажется весьма сомнительнымъ... Какъ извѣстно, ни одна изъ малорусскихъ лѣтописей не дошла до насъ въ такомъ значительномъ количествѣ списковъ, какъ лѣтопись, озаглавленная—«Дѣйствія презѣльной брани Богдана Хмелницкого». На своемъ вѣку намъ пришлось видѣть больше десятка этихъ списковъ, а между тѣмъ ни на одномъ изъ нихъ мы не встрѣтили и намека на авторство Грабянки. Въ первый разъ лѣтопись эта была напечатана Фед. Григ. Туманскимъ въ его журналѣ—*«Россійскій магазинъ»* [1]) (1793 года), но здѣсь авторъ лѣтописи указанъ не былъ, конечно, потому что онъ не значился по рукописи. Первое печатное извѣстіе объ авторствѣ Грабянки мы встрѣтили въ одномъ изъ писемъ г. Кулиша къ умершему О. М. Бодянскому, 1846 г., гдѣ читаемъ: «посылаю вамъ лѣтопись, какъ думаю священника Михаила Плиски, а м. б. она только повторена Плискою... *«Лѣтопись Грабянки»* (начало которой тоже посылаю) уже по ней написана. Эту послѣднюю Маркевичъ называетъ Писаревскою, по имени того, кто ему сообщилъ, но это не годится, *когда извѣстно имя лѣтописца*...«(Русск. Арх. 1892 г., № 11, стр. 294). Затѣмъ, явилось изданіе лѣтописи 1854 г., въ которомъ приведено заглавіе ея, повидимому, имѣвшееся на томъ спискѣ, который послужилъ основою для изданія. Въ заглавіи этомъ значится, что лѣтопись «составлена трудомъ Григорія Грабянки». Въ предисловіи, здѣсь, подробно описанъ основной списокъ, причемъ замѣчено, что списокъ этотъ принадлежалъ Гр. Андр. Полетикѣ, отъ наслѣдниковъ котораго пріобрѣтенъ М. О. Судьенкомъ, въ числѣ другихъ рукописей.—Пріобрѣтенныя Судьенкомъ у Вас. Вас. Полетики рукописи [2]) подарены недавно наслѣдниками О. М. Судьенка (1892 г.) Кіевскому университету. Въ числѣ ихъ мы не нашли того основного списка лѣтописи, который описанъ въ предисловіи къ изданію 1854 г., но нашли другой списокъ этой же лѣтописи, (м. б., полов. XVIII в.), на

---

[1]) См. Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края, I, стр. 11.
[2]) См. Кіевск. Стар. 1891 г., апрѣль, стр. 107 и 112, примѣч. 1-е.

которомъ то самое заглавіе, которое впервые мы увидѣли въ изданіи Кіевской археографической коммиссіи, написано *собственноручно* Гр. Андр. Полетикою.—(Почеркъ его намъ хорошо извѣстенъ.—) Не было ли имъ же, Полетикою, написано заглавіе и на «основномъ» спискѣ?—Г. Кулишъ могъ говорить о принадлежности лѣтописи Григорію Грабянкѣ, руководствуясь тѣми же списками этой лѣтописи изъ библіотеки М. О. Судьенка, которая, повидимому, была ему доступна. Въ концѣ концевъ, можно спросить: не явилось ли авторство Григорія Грабянки плодомъ—одной только догадки Григорія Полетики или—преданія, имъ слышаннаго?...

А. Л.

Дневникъ гетманича Апостола. Недавно мы имѣли возможность познакомиться съ чрезвычайно интересною рукописью, заключающею въ себѣ дневникъ одного изъ сыновей гетмана Апостола, Петра, писанный на французскомъ языкѣ. Петръ Даниловичъ Апостолъ, по анонимному сообщенію, былъ взятъ при Петрѣ Великомъ, ко двору, (едва ли не въ качествѣ заложника), и тамъ получилъ воспитаніе подъ надзоромъ Меншикова. Тамъ же, конечно, молодой гетманичъ изучалъ и иностранные языки; изъ дневника видно, что кромѣ французскаго, онъ зналъ еще нѣмецкій и итальянскій языки, при чемъ французскій и нѣмецкій—зналъ настолько, что исполнялъ при Меншиковѣ обязанности переводчика оффиціальныхъ бумагъ.—Не разъ приходилось намъ слыхать, что у одного изъ потомковъ гетмана Апостола, г. Алексѣева, сохраняются мемуары этого самаго гетманича Апостола, писанные на французскомъ языкѣ; трудно вѣрилось этому слуху, но теперь слухъ этотъ представляется совершенно правдоподобнымъ и остается только пожелать, чтобы г. Алексѣевъ далъ возможность желающимъ поскорѣе обнародовать этотъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, любопытный памятникъ.—Дневникъ Петра Апостола начинается съ мая 1725 г. и заканчивается въ августѣ 1727 г.—Въ 1725 г. будущій гетманъ Д. Апостолъ, въ то время миргородскій полковникъ, по распоряженію правительства, жилъ въ Петербургѣ, куда онъ былъ вытребованъ для слѣдствія по дѣлу Полуботка, въ въ концѣ 1723 г. Семья Д. Апостола оставалась въ Малороссіи. Состояла эта семья тогда—изъ жены миргородскаго полковника, двухъ старшихъ сыновей, Ивана и Петра, уже женатыхъ, и младшаго Павла, еще не женатаго. Сохранившійся дневникъ Петра А-ла обнимаетъ

собою время, когда старый Апостолъ, соскучившись своею подневольною жизнью въ Петербургѣ, задумалъ выпроситься, съ помощью Меншикова, домой, «на Украйну», при чемъ сынъ его Петръ долженъ былъ, на всякій случай, остаться въ Петербургѣ, вмѣсто отца.—Выбранъ былъ для этого Петръ А-лъ, какъ человѣкъ близко извѣстный Меншикову, въ семьѣ котораго могъ и самъ замолвить слово за отца. Дневникъ застаетъ Петра А-ла въ Малороссіи, въ Миргородщинѣ, гдѣ, въ это время, сосредоточены были Апостоловскія обширныя маетности. Здѣсь, мать и старшіе сыновья жили по разнымъ селамъ, но вели, повидимому, общее хозяйство. Петръ А-лъ жилъ въ Сорочинцахъ. Отсюда онъ ѣздилъ, въ концѣ мая, въ Глуховъ, вернулся оттуда въ Сорочинцы 8 іюня и прожилъ здѣсь до половины августа, когда пришло время выѣзжать въ Петербургъ, ради освобожденія оттуда отца.

Для ближайшаго знакомства съ дневникомъ приводимъ здѣсь изъ него отрывки въ подлинникѣ, имѣя намѣреніе напечатать, въ скоромъ времени, полный переводъ этого памятника.

Іюня 15. L'allais voir ma mére à Chomutez et m'entretenant en chemin avec Deniseniez, j'en appris le sujet de la disgrase de Zacharewski, feu colonel d'Uzium, qu'il divertissait les plages à son usage, ce que denonça un cap. appelè Czyrkow. A mon retour de Chomutez, je fis voir mes abeilles, que je trouvais au nombre de vieilles ruches—122, les essaims (рои)—78.

— *17.* Je fus voir mon frère à Portianka (одно изъ Апостоловскихъ селъ, недалеко отъ Сорочинецъ), où ma femme, accompagné, de la sienne, au sortir du bain, courrut—risque de tomber dans la fosse.

Іюля 5. Les fauchers de Chomutez commencerent à faucher. Je les fis voir.

— *14.* Je fis voir les fauchers de Jerki (село), dout il yeut—37.

— *28.* M-r le general de Weissbach, (стоявшій съ войсками въ Малороссіи), nous envoya, par un caporal du regiment de Pskow, un paquet des lettres de mon père, joint un passeport du prince Menszykow pour mon voyage de Petersbourg.

Выѣхалъ П. А-лъ въ Петербургъ только 19 августа, при чемъ его провожали жена и старшій братъ. *22-го августа.*—Nous passames toute une journée pres de Budki, (село ок. Ромна), ayant bu jusqu'a l'exces.—*23.* Je pris congé de ma femme et de mon frère.—Въ Петербургъ А-лъ доѣхалъ только 15 октября, записавъ въ этотъ день: Je trouvai, graces à Dieu, mon père en bonne santé. Mess. Zurak. (Жу-

раковскій), Lisoh. (Лизогубъ), Walk. (Валькевичъ), Corec. (Корецкій) et Hreb. (Грабянка) visiterent mon père.

Съ этого времени въ дневникѣ А-ла идетъ запись его времяпрепровожденія въ столицѣ, при чемъ изъ краткихъ замѣтокъ видно, что старый Апостолъ сталъ съ этого времени настоятельно хлопотать у Меншикова о своемъ отпускѣ въ Малороссію.

Ноября 15. Mon père et moi, nous fûmes chez le prince (Меншикова), à qui mon père presenta la requete.

— *21.* Mon père me donna une terrible reprimande au sujet du festin des jeunes princes de Moldavie, où j'etais sur le point d'aller.

Декабря 23. Nous fumes chez le prince, qui declara à mon père qu'il parlerait le landemain de ses affaires à sa majesté.

Подобная же запись идетъ и въ 1726 г.

Февраля 16. Après midi, mon père allant chez le prince Galicyn, m'ordonna de l'attendre chez le pr. Menszikow, où etant venu, je ne trouvai pas le dit prince au logis; mais 1 heure après, il revint et mon (père?) s'y troura aussi. Nous y fumes accuillis de la maniere le plus gracieurse du monde.

Марта 11. M-r Bassewicz (голштинскій посолъ) envoya son valet pour me faire appeller; lorque j'y vins, il me dit qu'on delatra notre affaire ce jour—ci.

Апрѣля 1. Je fûs à wyszny sud, où j'entendis de Surowcow, qu'on a deja rendu un arret pour nous faire rendre nos papiers.

— *27.* Nous fûmes chez le pr. Mensz., qui nous dit, que nous eussions patience jusqu 'au jour du sacre de sa majesté.

Мая 6. Je fus de fort bonne heure à la cour du pr. Mensz., qui me fit dire par Zerebcow, que mon père eut à se venire à 2 henres, après midi, au jardin du palais imperial d'eté. Suivant l'avis du pr., mon père et moi nous nous rendimes au lieu destinè, où nous eumes l'honneur de baiser la main de sa majesté.

— *18*. Je fus avec mon père au collège de dehors; puis nous allames à l'eglise de s-te Trinité, entendre la messe, après laquelle mon père y preta le serment de fidilité, en presence de Maslow et Judicz [1]).

— *21.* Je fus avec mon père chez le pr. Mensz., qui donna l'ordre pour son depart et le pàsseport.

---

[1]) Эта любопытная присяга („живучи въ Малой Россіи, никакихъ возмущеній не токмо самому не чинить, но и другихъ къ тому не подущать" и проч.) полностію напечатана въ Сборн. Русск. Истор. Общ., LV, 294.

Мая 27. Mon père partit avec l'aide de Bien (?) pour l' Ukraine.

— *28.* Je fus chez le pr. Mensz., ayant eu l'honneur de baiser ses mains.

Іюля 30. On me donna dans la chansellerie du pr. divers pièces françaises et allemandes à traduire, à quoi je passai toute la journée.

1727 г., февраля 1. Ma femme arriva à Emska (**Ямская**), où j'ai passai la nuit.

— 2. Je me transporté avec elle à Petersbourg.

— *18.* Le prince me fit appeller pour me demander une specification de certains biens en fonds en Allemagne. Je traduisis la lettre 1) de Bulhak, 2) l'assurance, 3) la lettre de m-r Duprè.

— *24.* Je lus devant le prince les pièces mentionnèes ci-dessus, que l'on ma donnè à traduire: 1) la lettre de l'eveque de Vilne, 2) le memorial du chanoine de Vilne, 3) la patente de la fondation de l'eglise de Horki.

— *25.* Je dinai avec ma femme chez les princes de Valachie.

— *30.* Le prince m'a fait traduire les etiquettes des pommades.(?)

— *Мая 3.* Ma femme fit une fausse couche.

— *6.* Les jeunes princesses (Меншиковы) de compagne avec le prince leur frère, me visiterent. A 9 heures du soir, sa majesté l'imperatrice est decedée.

— *7.* Le grand duc fut proclamé empereur de Toutes les Russies. Le meme jour j'eus l'honneur de lui baiser la main.

— *16.* L'on enterra le corps de s. m. l'imperatrice. J'y assistai, en faisant la cour aux princesses. Immendiatement àpres l'enterrement, s. m. l'empereur vint loger au palais du pr. Menszykoff.

— *Августа 3.* L'ecuyer partit pour l'Ukraine.

Этою записью кончается дневникъ Петра Апостола.

А. Л.

Первые шаги уѣздной администраціи по открытіи намѣстничествъ. Въ этомъ отношеніи очень интересно слѣдующее предписаніе гр. Румянцова Черниговскому намѣстническому правленію, помѣченное 17 іюня, 1783 г.—«Изъ вступающихъ ко мнѣ дѣлъ вижу я, что нѣкоторые городничіе и земскіе исправники ихъ должности статьи несходственно съ точнымъ и яснымъ ихъ содержаніемъ толкуютъ, напр., неправильно почитая *скопищами бѣглыхъ людей* и тѣхъ, кои иногда по зашедшему между двухъ сторонъ спору, живутъ у ко-

торой либо не скрытно, а явно,—и сихъ людей, посылаемыми въ домы командами, забираютъ самовластно, держатъ ихъ подъ стражею или отдаютъ по своему произволу другимъ, чиня имъ и наказанія. И слѣдовательно таковыми поступками, подъ видомъ изслѣдованія о насиліяхъ или бѣглыхъ людяхъ, *сами дѣлаютъ въ прямомъ видѣ насиліе*, и должности ихъ, кои, какъ и всѣ иныя, на *кротости* и человѣколюбіи основаны, явно *во зло употребляютъ*. Я по сему обстоятельству, особливо, что вышепрописанные неустройства происходятъ за *многими*, сдѣланными отъ меня *напоминаніями*, чтобы всѣ и кольми паче тѣ, коимъ наблюденіе порядка въ городѣхъ и уѣздахъ препоручено, въ отправленіи ихъ званія и дѣлъ не преступали отнюдь черту, имъ во всевысочайшихъ учрежденіяхъ въ разсужденіи власти указанную,—всѣмъ городничимъ и прочимъ чиновникамъ строжайше притверждаю. А ежели и впредь, противу чаянія, дойдутъ до меня отъ кого либо на городничихъ и иныхъ, личныя должности на себѣ имѣющихъ, *въ злоупотребленіи оныхъ*, а паче въ *самовластномъ чиненіи побоевъ и наказаній* жалобы, то въ то же время таковыхъ отрѣша отъ должностей, предамъ суду уголовной палаты, безъ малѣйшаго послабленія».

Сообщилъ **А. Ковалевскій.**

Историко-статистическіе матеріалы, своевременно не переданные въ Кіевскій Центральный Архивъ. Когда въ 1852 г. отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ кіевской, подольской и волынской губ. затребованы были свѣдѣнія объ актовыхъ книгахъ, подлежавшихъ отправкѣ для храненія во вновь учрежденный въ то время при университетѣ св. Владиміра Центральный Архивъ, то кіевскій губернскій землемѣръ представилъ въ мѣстное губернское правленіе опись имѣющимся въ кіевской губ. чертежной стариннымъ дѣламъ и актамъ, но съ замѣчаніемъ, что послѣдніе заключаютъ въ себѣ одни лишь «межевыя» свѣдѣнія, и необходимы ему «для дѣловыхъ соображеній». Губернское правленіе поставлено было въ недоумѣніе, слѣдуетъ ли отправлять означенныя дѣла въ Центральный Архивъ или по прежнему оставить ихъ въ чертежной, и представило этотъ вопросъ на разрѣшеніе генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова. Послѣдній отвѣтилъ, что хранящіеся въ кіевской губ. чертежной акты и дѣла, какъ заключающіе въ себѣ одни лишь межевыя свѣдѣнія, необходимыя для дѣловыхъ соображеній, передачѣ въ Центральный Ар-

хивъ не подлежатъ. А между тѣмъ изъ приложенной къ дѣлу описи видно, что въ числѣ означенныхъ актовъ и дѣлъ были и такіе, которые содержали въ себѣ не одни межевыя, но и важныя историко-статистическія свѣдѣнія; таковы: 1) Межевая книга о разграниченіи харьковскаго и черниговскаго намѣстничествъ отъ новороссійской губерніи, 1782 года; 2) Описаніе г. Кіева и прилегающихъ селеній съ показаніемъ числа жителей и количества земли (приложеніе къ выгонному плану 1788 г. съ пятиверстной пропорціей); 3) Вѣдомость кіевской губ. чигиринскаго у. Лебединскаго монастыря, сколько въ немъ имѣется церквей, келій, монашествующихъ и служителей и проч., 1799 г. 4) Описаніе Чигиринскаго Свято-Троицкаго женскаго монастыря 1799 г.; 6) Вѣдомость кіевской епархіи св. Николаевскаго пустыннаго Медвѣдовскаго монастыря и подробное описаніе онаго, 1799 г.; 7) Свѣдѣніе кіевской духовной дикастеріи о чигиринскомъ Мотронинскомъ Трицкомъ монастырѣ, 1799 г., 8) Краткая статистическая вѣдомость объ уманскомъ уѣздѣ. 1799 г.; 9) Такія же вѣдомости относительно волостей Бѣлогородской, Бышевской, м. Обухова, с. Нещерова и др.

Любопытно было бы знать, сохранились ли и до настоящаго времени эти дѣла въ архивѣ кіевской губ. чертежной; а затѣмъ возникаетъ и другой вопросъ: не слѣдовало ли бы передать ихъ хоть теперь въ Цертральный Архивъ, такъ какъ въ настоящее время означенныя дѣла едва-ли кому-либо необходимы «для дѣловыхъ соображеній», какъ утверждалъ губернскій землемѣръ въ 1852 г.

О. Л.

Къ біографіи гетмана Павла Тетери. Извѣстно, что біографія этого безславнаго гетмана становится вполнѣ достовѣрной лишь съ той поры, когда онъ очутился въ войскѣ козацкомъ и занялъ должность переяславскаго полковника; о предшествовавшемъ же этому періодѣ его жизни, равно какъ и о его происхожденіи и мѣстѣ родины, существуютъ лишь болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія въ родѣ тѣхъ, какія, наприм., были высказаны въ письмѣ Э. Руликовскаго, помѣщенномъ въ одной изъ книжекъ нашего журнала [1]). Въ актовыхъ книгахъ кіевскаго Центральнаго архива отысканъ нами документъ (нижепомѣщаемый), представляющій интересъ въ томъ от-

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1888 г., № 6.

ношеніи, что онъ окончательно уясняетъ, по крайней мѣрѣ, вопросъ о томъ, гдѣ находился и чѣмъ занимался Тетеря въ годы, непосредственно предшествовавшіе переходу его въ козацкій лагерь. Оказывается, что до 1647 года Павелъ Тетеря занималъ должность «регента» (т. е. правителя) канцеляріи городскаго суда во Владимірѣ-Волынскомъ [1]), и въ томъ году пришелъ на службу къ проживавшему на Волыни брацлавскому каштеляну Габріелю Стемпковскому и сдѣлался повѣреннымъ («агентомъ») по дѣламъ этого богатаго и вліятельнаго пана-сенатора. Но когда въ слѣдующемъ 1648 г. на Украинѣ вспыхнуло возстаніе и передовые отряды Хмельницкаго приближались къ границамъ Волынскаго воеводства, откуда въ паническомъ ужасѣ бѣжали всѣ, носившіе имя шляхтича, то хитроумный Тетеря не послѣдовалъ за своимъ вельможнымъ патрономъ, а добровольно передался на сторону побѣдителей, своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, и вмѣстѣ съ ними опустошалъ королевскія области, унесши съ собою важныя бумаги и документы Стемпковскаго, что и побудило послѣдняго занести на него жалобу. Кстати замѣтимъ, что въ этомъ документѣ фамилія Тетери вездѣ употребляется съ окончаніемъ мужескаго, а не женскаго рода: *Тетерь* (имен. пад.), *Тетерови* (дат. пад.). Полагаемъ, что это не случайное видоизмѣненіе, такъ какъ точное фамильное прозвище Тетери должно быть хорошо извѣстно какъ жалобщику, у котораго онъ былъ на службѣ, такъ равно и чиновникамъ Луцкаго городскаго суда, гдѣ онъ, безъ сомнѣнія, нерѣдко появлялся по дѣламъ своего патрона. Впослѣдствіи самъ онъ неизмѣнно подписывался *Тетера*.

О. Л.

Протестація велможного его милости пана Стемпьковскаго, каштеляна Браславского, противко Павлови Тетерови, аентови его милости пана Браславского.

Року тысеча шестсотъ пятдесятого, мѣсяца февраля двадцат второго дня.

На враде кгродскомъ, в замку его королевскои милости Луцкомъ, предо мною Яномъ з Великого Зялова Зяловскимъ, наместникомъ замъку и буркграбъства Луцькаго, становши очевисто, шляхетъный

[1]) А не „подписка“ канцеляріи Луцкаго гродскаго суда, какъ утверждаетъ Э. Гуликовскій въ означенномъ письмѣ.

панъ Марцианъ Хемъский, слуга ясновелможного его милости пана Кгабрыеля на Несвичу Стемпъковского, кашътеляна Браславского, именемъ того жъ пана своего противко Павлови Тетерови, слузе и аенътови его милости пана Брасълавского рукодайному, сведъчылъ и соленитеръ протесътовалъся въ тотъ способъ: ижъ менованный Павелъ Тетеръ (sic!), впередъ будучи реенътомъ канъцелярии кгродское Володымерское, с тое жъ реенъции затягъненый былъ до справъ его милости пана Браславъского в року тысеча шестъсотъ чотырдесятъ семомъ и справы одобравшы од урожоного пана Яна Охрымовича, межи которыми записы на долгъ и сознане—оригиналовъ два: оденъ од урожоного его м. пана Адама Гулевича Воютынъского на суму пять тысечей деветъдесятъ золотыхъ и грошей двадъцять и два, а другий одъ урожоного его милости пана Шымона Козики на суму пулпяти тысячы деветдесятъ золотыхъ и грошей двадцять и два з•процессами; которые справы (и иншыхъ не мало, о которыхъ се на тот часъ ведати не можетъ), кгды ребеллия козацкая наступила и панства его королевской милости зъ Ордою пустошыли, препомъневшы веры и цноты служебъничои и ничого на срокгость права посполитого и на вины въ немъ на таковыхъ суровo описаныхъ не дбаючы, кгди се тот непрыятель року прошлого тысеча чотыръдесять осмого ку воеводъству Волынскому зближалъ, тотъ же менованый Павелъ Тетер, справъ не отдавшы и оные неведати где заподевшы, до тое ж ребеллии козацкое утекъсе и сполне з ними панства его королевское милости инъфестовалъ. Зачымъ, остерегаючы целости (правъ) пана своего протесътансъ теперешный, ижъ великая руина в справахъ погынулыхъ деетъся и еслибы далей в терминахъ правныхъ деять и стати се мела, таковую протестацию заноситъ и далъшую протестацию за повъзятемъ ведомости о справахъ подати зъ мелиорацией теперешънее оферовалъ се, просячы, абы тая его протестация до книгъ была прынятая и записаная; што отрымалъ.

Книга гродская Луцкая 1650 г., № 2492, л. 184 обор.

Полтавскій земскій музей. Полтавское земство, послѣ геологическаго изслѣдованія губерніи, произведеннаго по его порученію проф. Докучаевымъ, открыло въ помѣщеніи при губернской управѣ въ Полтавѣ естественно-историческій музей, въ основаніе котораго легли коллекціи образцовъ почвъ и горныхъ породъ и растеній, собранныя экспедиціями гг. Докучаева и Краснова. Къ этому присоеди-

нились: коллекція полезныхъ ископаемыхъ, находимыхъ въ губерніи, геологическіе разрѣзы, дающіе понятіе о залеганіи главнѣйшихъ геологическихъ отложеній въ Полтавщинѣ, остатки нѣкогда населявшихъ губернію, исчезнувшихъ животныхъ, гербаріи полтавской флоры и образцы древесныхъ породъ, энтомологическія коллекціи и отдѣльные предметы по зоологіи, кое-что по сельскому хозяйству и небольшая библіотека по общему и прикладному естествознанію. Основныя цѣли музея, по мнѣнію земства, должны быть—естественно-историческое изученіе губерніи и распространеніе естественно-историческихъ знаній среди мѣстнаго населенія. Только обстоятельное, научное изученіе края можетъ выяснить всѣ его почвенные и иные рессурсы и на основаніи этихъ точныхъ и несомнѣнныхъ свѣдѣній можетъ дѣйствовать земство, какъ хозяинъ губерніи, въ вопросахъ поднятія сельско-хозяйственной культуры края, всякихъ улучшеній и нововведеній по этой части, развитія новыхъ производствъ и т. п. Музей-же является хранилищемъ документовъ такого изученія, научною опорой и пособіемъ къ наглядному изученію губерніи для всѣхъ желающихъ.

Устроители музея не отнеслись къ задачѣ своей узко и односторонне и допустили пріобщеніе къ коллекціямъ естественно историческимъ и памятники жизни человѣка въ краѣ, включивъ въ задачу своихъ собираній и предметы по археологіи и этнографіи. У мѣстнаго любителя, члена Московск. Арх. Общ. И. А. Зарѣцкаго, пріобрѣтены коллекціи древностей, собранныхъ имъ близь Полтавы, въ дюнныхъ пескахъ около р. Ворсклы и ея притоковъ Коломака и Свилковки. Тѣмъ же г. Зарѣцкимъ и г. Ферхминымъ пожертвованы предметы, найденные при раскопкахъ въ Зѣньковскомъ и Кобелякскомъ уѣздахъ. Спеціально командированнымъ управою лицомъ собрана коллекція гончарнаго производства въ губерніи (матерьялы, орудія производства, произведенія въ разныхъ стадіяхъ обработки и обстановка производства въ фотографіяхъ и рисункахъ). Подъ руководствомъ проф. Докучаева печатается теперь иллюстрированный, популярный очеркъ мѣстной природы, которому земство хочетъ дать широкое распространеніе; пріобрѣтенъ микроскопъ, химическая лабораторія, и музей, которымъ завѣдуетъ нынѣ кандидатъ естественныхъ наукъ г. Ольховскій, приведенъ въ научную систему и порядокъ.

Бюджетъ этого крайне полезнаго учрежденія первоначально опредѣленъ былъ въ 3000 руб. въ годъ (2000 руб. на содержаніе музея и персонала его и 1000 руб. на пріобрѣтенія), но эта сумма со-

кращена уже на 2000 руб., и раздаются голоса, требующіе закрытія музея и доказывающіе его безполезность. Полтавское губернское земство, какъ знаютъ всѣ слѣдившіе за его дѣятельностью, дѣйствительно мало отличалось бережливостью. Но расходъ на музей,—и къ тому же небольшой расходъ,—чрезвычайно полезенъ и желателенъ, и дай Богъ, чтобъ это разумное учрежденіе сохранило и впредь свою жизнь.

Z.

Фабрика фарфора Миклашевскаго. Лѣтъ тридцать назадъ хорошею репутаціею и значительнымъ распространеніемъ на югѣ Россіи и въ столицахъ пользовались фарфоровыя издѣлія фабрики помѣщика Черниговской губерніи Андр. Мих. Миклашевскаго, находившейся въ с. Волокитинѣ Глуховскаго уѣзда. Издѣлія эти выдѣлывались изъ мѣстной фарфоровой глины, находимой въ дачахъ с. Полошекъ того же уѣзда, главнымъ образомъ на земляхъ помѣщиковъ Скоропадскихъ. Фабрика въ Волокитинѣ просуществовала съ небольшимъ лѣтъ двадцать и закрылась въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, одновременно съ «эмансипаціей». Производство шло крѣпостнымъ трудомъ и, вѣроятно, при новыхъ условіяхъ, не обѣщало прежнихъ шансовъ дохода. Издѣлія этой фабрики исчезли теперь изъ обыкновенной продажи и начинаютъ уже разыскиваться собирателями и любителями русскаго фарфора, какъ имѣющія нѣкоторое артистическое значеніе, чего, послѣ Императорскаго завода и издѣлій Попова и Гарднера, о другихъ русскихъ фарфорахъ сказать нельзя.

Художественный оттѣнокъ приданъ издѣліямъ Миклашевскаго иностранцемъ, но мастеръ этотъ не копировалъ какой-нибудь извѣстный образецъ, а старался сообщить нѣкоторую своеобразность выдѣлываемымъ вещамъ и, дѣйствительно, далъ имъ характеръ, который позволяетъ отличить издѣлія волокитинской фабрики отъ другихъ. Этотъ мастеръ былъ французъ Дартъ, двѣнадцать лѣтъ завѣдывавшій производствомъ фарфора Миклашевскаго. Задумавъ открыть фабрику, владѣлецъ сталъ подъискивать для управленія ею подходящее лицо и, въ одну изъ поѣздокъ за границу, встрѣтилъ Дарта, имѣвшаго раньше свой небольшой заводъ во Франціи, но прекратившаго дѣятельность вслѣдствіе какихъ-то комерческихъ неудачъ. Дартъ согласился ѣхать въ Россію. Ознакомившись съ глуховскою глиной, онъ нашелъ ее годною для выдѣлки фарфора, но не могъ самъ

опредѣлить составъ и пропорцію тѣхъ примѣсей, какія ей требовались для этого. Съ цѣлью узнать секретъ, онъ поступилъ на нѣкоторое время простымъ рабочимъ въ одну изъ русскихъ фабрикъ,—кажется, Корнилова,—куда поставлялась эта глина. Узнавъ такимъ образомъ составъ, онъ началъ производство въ Волокитинѣ.

Кромѣ столовой и чайной посуды, фабрика Миклашевскаго производила: вазы, группы, бѣлыя и раскрашенныя, лѣпныя рамы для зеркалъ, подсвѣчники и т. п. Попадаются и вещи, украшенныя рисунками этнографическаго характера. Наиболѣе обычный орнаментъ волокитинскихъ вещей—мелкіе, раскрашенные цвѣты и листья. Послѣ смерти Дарта работами завѣдывалъ нѣкій финскій уроженецъ Антипычъ, человѣкъ способный и державшій производство еще на извѣстной высотѣ. Марка фабрики все время была (А. М.).

Самымъ выдающимся произведеніемъ фабрики остался фарфоровый иконостасъ въ церкви с. Волокитина. Всѣ части его сдѣланы на фабрикѣ г. Миклашевскаго, также какъ и большіе фарфоровые подсвѣчники (ставники) передъ образами. Только медальоны царскихъ вратъ, представляющіе копію извѣстнаго «Благовѣщенія» Боровиковскаго, дѣланы въ Петербургѣ.

Желательно, чтобы кто-нибудь изъ глуховчанъ, имѣющихъ возможность ближе знать исторію фабрики г. Миклашевскаго, пополнилъ краткія свѣдѣнія о ней этой замѣтки.

Z.

В. Я. Ломиковскій. Напечатанный въ «Кіевской Старинѣ» «Словарь малороссійской старины» выдвигаетъ имя В. Я. Ломиковскаго и является несомнѣннымъ свидѣтелемъ принадлежности ему другой рукописи, также обозначенной его именемъ, которую, по неизвѣстности этого имени, склонны были приписывать другому лицу. Мы говоримъ о спискѣ народныхъ думъ, принадлежавшемъ проф. А. А Котляревскому. Этимъ спискомъ, какъ извѣстно, очень древнимъ и предшествовавшимъ первому, Цертелевскому собранью думъ, пользовались сперва Н. И. Костомаровъ (въ статьѣ «Южнорусское народное пѣсенное творчество»), затѣмъ П. И. Житецкій, въ своемъ изслѣдованіи о думахъ. Оба ученые обходятъ молчаніемъ вопросъ о происхожденіи рукописи. Въ «Историческихъ пѣсняхъ Южнорусскаго народа», во 2 выпускѣ, сдѣлана догадка о томъ, что запись эта сдѣлана авторомъ «Энеиды» И. П. Котляревскимъ. Только въ статьѣ Костомаро-

ва «Историческая поэзія и новые ея матерьялы» (Вѣстникъ Европы 1874 г. № 12) названо имя Ломиковскаго, но безъ всякихъ указаній и подробностей. Обнародованный теперь «Словарь» и свѣдѣнія, сообщаемыя теперь издателемъ его А. М. Лазаревскимъ, бросаютъ свѣтъ на личность В. Я. Ломиковскаго и дѣлаютъ вполнѣ правдоподобной замѣтку рукописи о принадлежности списковъ думъ именно ему. Этотъ миргородскій обыватель, устроитель усадьбы «Трудолюбъ», является такимъ образомъ однимъ изъ первыхъ піонеровъ изученія какъ бытовой и общей исторіи, такъ и памятниковъ устнаго творчества южно-русскаго края.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ). Т. I (1802—1815 г.). Д. И. Багалѣя.

Этотъ только что вышедшій трудъ проф. Багалѣя печатался прошлую зиму въ возобновленныхъ «Запискахъ Харьковскаго университета»; онъ представляетъ начало, первый выпускъ большой исторической работы по исторіи Харьковскаго университета и заключаетъ въ себѣ двѣ главы изъ времени возникновенія университета. Хотя исторія учрежденія Харьковскаго университета часто уже разсказывалась и раньше и въ изслѣдованіяхъ академиковъ Сухомлинова и Лавровскаго, и въ біографіи Каразина, и во многихъ воспоминаніяхъ первыхъ его профессоровъ, а также въ фельетонахъ мѣстныхъ газетъ, но въ трудѣ Д. И. Багалѣя встрѣчаются нѣкоторые новые факты, извлеченные имъ и.ъ внимательно изученнаго архива университета, гдѣ находятся богатѣйшіе еще далеко не исчерпанные матеріалы мѣстной исторіи.

Большимъ интересомъ отличается первая глава, гдѣ въ общемъ очеркѣ состоянія Харькова до открытія университета въ концѣ XVIII вѣка выясняется общее культурное состояніе края; она объясняетъ, какъ могло въ такомъ маленькомъ городкѣ возникнуть высшее просвѣтительное учрежденіе, какимъ въ то время обладали лишь двѣ главныя столицы. Но дѣло въ томъ, что въ этомъ новомъ недавно заселенномъ краѣ шла въ то время уже интенсивная культурная жизнь съ умственными запросами; ихъ развитію способствовали сравнительная матеріальная обезпеченность населенія и внѣшняя безопасность, какой оно пользовалось съ конца XVIII вѣка. Самымъ просвѣщеннымъ сословіемъ являлось духовенство, и черное, и бѣлое; ихъ помощниками въ дѣлѣ просвѣщенія края были сначала козацкая

старшина, а потомъ образовавшіеся изъ нея же помѣщики, которые строили церкви, основывали монастыри, дѣлали на нихъ пожертвованія, часто и сами переходили въ духовное сословіе.

Не мало усердія къ церкви проявлялось и со стороны остальной массы населенія; церковь являлась объединяющимъ центромъ; она брала на себя иниціативу и просвѣщенія, и благотворенія той самой массы, приношеніями которой сама жила. Связь была взаимная и живая, и въ силу этой связи населенія и церкви создались три крѣпко между собою связанныя учрежденія, оставившія глубокій и благотворный слѣдъ въ жизни края: братства, шпитали (больницы и богадѣльни) и школы. Школы, возникавшія всегда по желанію самого населенія, при той или другой церкви, часто на средства братства или же всего прихода, являлись во 2-й половинѣ прошлаго вѣка важнымъ всесословнымъ училищемъ, удовлетворявшимъ всеобщему запросу грамотности, просвѣщенія. Въ 1732 г. школъ было: въ Харьковскомъ полку 18, въ Ахтырскомъ—28, въ Изюмскомъ—36 и въ Сумскомъ—47. Въ нѣкоторыхъ селахъ было по нѣскольку такихъ школъ. Сравнивая число народныхъ училищъ тогда и теперь, г. Багалѣй праходитъ къ краснорѣчивому выводу: тогда, т. е. въ 1732 году,—когда школы заводились по желанію и на средства населенія ихъ приходилось 1 на 2373 души жителей; въ 1894 же году 1 школа приходилась на 4270 душъ. Главный контингентъ учащихся составляли дѣти крестьянъ, поступившихъ въ возрастѣ 7—12 лѣтъ, затѣмъ много было дѣтей духовныхъ лицъ и дворянъ. Многія лица изъ послѣдняго сословія приглашали къ себѣ домашнихъ учителей, такъ называемыхъ «мандрованныхъ» учителей, большей частью дьяковъ, которые всю свою жизнь переходили изъ одного помѣщичьяго дома въ другой, изъ одного села (гдѣ часто учили и дѣтей козаковъ и крестьянъ) въ другое. Такимъ же странствующимъ учителемъ былъ одно время и извѣстный философъ Г. С. Сковорода, явившійся лучшимъ представителемъ того умственнаго тяготѣнія къ знанію, къ истинѣ, какое замѣчалось во всемъ населеніи Слободской Украйны. Какъ всякая сильно одаренная личность, Сковорода, конечно, оказалъ большое вліяніе въ смыслѣ пробужденія въ обществѣ высшихъ духовныхъ запросовъ.

Другимъ разсадникомъ болѣе широкихъ знаній являлся Харьковскій коллегіумъ. Дворянамъ Слободской Украйны не чужда была также и западноевропейская культура, такъ какъ многіе изъ нихъ ѣздили учиться въ заграничные университеты. Все это вмѣстѣ взя-

тое и создало ту атмосферу болѣе высокихъ умственныхъ запросовъ и духовныхъ потребностей вообще, при которой и дворяне, и простые обыватели такъ чутко откликнулись на приглашеніе Каразина объ учрежденіи въ небольшомъ плохо обстроенномъ городкѣ, удаленномъ отъ всего образованнаго свѣта, третьяго въ Россіи университета.

Въ 1797 г. въ Харьковѣ открыто было главное народное училище, представлявшее по своей программѣ не то среднюю общеобразовательную, не то техническую школу. Въ первый годъ въ немъ было всего 83 ученика, но уже черезъ два года число ихъ достигло 382. Такія же училища были и въ другихъ городахъ Слободской украинской губерніи. Такимъ образомъ къ началу текущаго столѣтія въ ней утвердились троякаго рода училища: церковно-приходскія, духовныя и свѣтскія; всѣ они въ сущности были всесословныя; съ воцареніемъ Александра I, побуждаемые его рескриптомъ, Харьковскіе дворяне стали собирать средства на военное спеціально дворянское училище. Пожертвованія собирались довольно успѣшно, но въ 1802 г. молодой увлекающійся энтузіастъ, съ твердой волей и настойчивостью, В. Н. Каразинъ предложилъ замѣнить это предполагаемое училище университетомъ. Это предложеніе, какъ мы видимъ теперь, упало на вполнѣ подготовленную почву, и пламенныя обращенія Каразина къ дворянству Слободской украинской губерніи нашли самыхъ чуткихъ слушателей между учениками философа въ сѣрой видлосѣ, который всю жизнь сѣялъ доброе слово истины. Первые жертвователи на Харьковскій университетъ были всѣ ученики, друзья и знакомые Сковороды. При ихъ энергичномъ содѣйствіи блестящая идея Каразина оформилась и осуществилась [1]).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Багалѣя ясно обрисовывается талантливая личность Каразина и его участіе въ предварительномъ устройствѣ университета. Оказывается, что въ средѣ сочувствующаго этому дѣлу дворянства были и ожесточенные противники его, не желавшіе не только жертвовать на него что-либо отъ себя, но и убѣждавшіе другихъ, что вся эта подписка на 400000 р. со стороны дворянства есть одно беззаконіе. То были изюмскій предводитель дворянства Капустянскій,—дворяне Максимовичъ и другіе. Покровительствуемая губернаторомъ, не сочувствующимъ начинаніямъ Каразина, и

[1]) Еще раньше были предположенія устроить университетъ въ Сумахъ или въ Черниговѣ, Глуховѣ и Новгородѣ-Сѣверскѣ. Но ни въ одномъ изъ этихъ просвѣщенныхъ уже въ то время и гораздо болѣе старыхъ городовъ, чѣмъ Харьковъ, не нашлось такого энергичнаго инаціатора, какъ Каразинъ.

даже прокуроромъ Евецкимъ — эта оппозиція довела даже свой протестъ противъ сборовъ дворянскихъ денегъ на университетъ до личнаго разсмотрѣнія Государя. Но отвѣтъ Александра I былъ далеко не утѣшителенъ для оппозиціи, такъ какъ только подтверждалъ законность постановленія дворянъ о преданіи Капустянскаго уголовному суду за цѣлый рядъ неправильныхъ и незаконныхъ поступковъ.

Съ другой стороны особенно отраднымъ явленіемъ выступаетъ та поддержка, какую оказали университету купцы и обыватели города Харькова, побуждаемые къ тому своимъ просвѣщеннымъ и гуманнымъ головою Урюпинымъ. Самъ Урюпинъ является однимъ изъ главныхъ и усердныхъ помощниковъ В. Н. Каразина. Духовенство, конечно, тоже не могло не откликнуться съ сочувствіемъ къ просвѣтительному начинанію, и въ его средѣ Каразинъ имѣлъ близкаго и глубоко ему сочувствующаго друга въ лицѣ извѣстнаго въ свое время священника Фотіева; онъ держалъ въ Харьковѣ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ, доставившій первыхъ слушателей Харьковскому университету.

Урюпинъ, Фотіевъ и губернскій предводитель дворянства Донецъ-Захаржевскій были первое время главными сподвижниками Каразина, распространявшими каждый въ своей средѣ его идею, вызывавшими къ ней довѣріе. Впослѣдствіи на помощь ему выступили и оффиціально назначенныя лица: попечитель Харьковскаго учебнаго округа Северинъ Потоцкій и профессоръ будущаго университета Тимковскій. Еще успѣшнѣе пошли подготовительныя работы, когда Потоцкій назначилъ изъ первыхъ приглашенныхъ имъ профессоровъ, Рижскаго, Тимковскаго, Делавиня, Балленъ-де-Баллю и Осиновскаго, комитетъ; Каразинъ имѣлъ въ немъ тоже совѣщательный голосъ. Много заботъ лежало на этомъ комитетѣ: и перестройка дома, пріобрѣтеніе земли, которая частью была пожертвована крестьянами, частью за безцѣнокъ продавалась частными собственниками, приглашеніе профессоровъ, снабженіе университета пособіями, кабинетами, библіотекой и т. п. Все это было затруднительно по отдаленности Харькова отъ столицъ. Первымъ дѣятелямъ приходилось много думать и разсчитывать, чтобы устройство университета было какъ можно экономнѣе, такъ какъ главнымъ затрудненіемъ въ ихъ дѣятельности было неправильное поступленіе сборовъ и пожертвованій.

Шагъ за шагомъ слѣдитъ проф. Багалѣй за этой симпатичной дѣятельностью всего общества, направленной къ возможно лучшей постановкѣ огромнаго по своему значенію дѣла просвѣщенія такой

обширной территоріи, какую представлялъ изъ себя Харьковскій учебный округъ, включавшій въ свои предѣлы всю Новороссію, Малороссію, Донщину и Курскую губ. Эта дѣятельность вполнѣ заслуживаетъ именно такого детальнаго и точнаго документальнаго изученія, какое предпринято проф. Багалѣемъ. Обращаясь при этомъ къ обществу съ просьбой о присылкѣ всякихъ у кого-либо имѣющихся матеріаловъ для исторіи Харьковскаго университета, проф. Багалѣй тѣмъ самымъ доказываетъ, что не желаетъ сдѣлать изъ своего труда одну обработку сухихъ архивныхъ матеріаловъ, а хочетъ представить живую картину того самого общества, въ средѣ которой возникало, развивалось и укрѣплялось сложное дѣло всесторонняго и всесословнаго образованія. Нельзя не пожелать успѣха такой грандіозной задачѣ, тѣмъ болѣе, что добросовѣстное исполненіе ея въ первомъ лежащемъ передъ нами выпускѣ «Опыта исторіи Харьковскаго университета» убѣждаетъ читателей, что этотъ трудъ выполняетъ опытное и искусное перо.

С. Р.

Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы. Томъ второй. Дневники раскопокъ 1887—1889 г. гр. Алексѣя Бобринскаго и о курганахъ звенигородскаго и роменскаго уѣздовъ. Спб. 1894. Цѣна 8 рублей.

Въ свое время въ нашемъ журналѣ данъ былъ отчетъ о первомъ томѣ названнаго здѣсь труда предсѣдателя Археологической Коммиссіи [1]). Въ недавно изданномъ второмъ томѣ дневники раскопокъ изложены въ порядкѣ тѣхъ-же группъ кургановъ, что и въ первомъ, при чемъ, такъ же, какъ и тамъ, дневники каждой отдѣльной группы сопровождаются личными соображеніями автора. Особенность же вновь вышедшаго тома заключается въ томъ, что въ него внесено также довольно много вводнаго матеріала, и что ему предпослано обширное введеніе, въ которомъ гр. Бобринскій высказываетъ свои взгляды на нѣкоторые общіе вопросы археологіи; что же касается изложенія, то во второмъ томѣ оно отличается большимъ, чѣмъ въ первомъ, обиліемъ литературныхъ указаній и критическихъ отзывовъ о высказанныхъ ранѣе сужденіяхъ по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ.

---

[1]) „Кіев. Стар“. 1887, октябрь.

Начнемъ съ введенія. Въ началѣ его авторъ характеризуетъ мѣстные курганы по ихъ формѣ и, въ качествѣ одной изъ разновидностей кургановъ, упоминаетъ о т. н. майданахъ, т. е. о кольцеобразныхъ насыпяхъ, съ однимъ или болѣе выходами, которые обыкновенно защищаются сегментными валами; при этомъ, въ выноскѣ къ своему труду, онъ воспроизводитъ статью Подберезскаго, напечатанную въ VII томѣ «Записокъ Одесск. Общ. Ист. и Древн.» и на особенной таблицѣ перепечатываетъ оттуда же и планы «Майдановъ». Подберезскій придавалъ «Майданамъ» обрядовое значеніе; нашъ осторожный авторъ не рѣшается высказать опредѣленное мнѣніе о цѣли подобнаго рода земляныхъ сооруженій. Замѣтимъ, что они широко распространены по всему югу Россіи, и что о подобныхъ «Майданахъ», иначе «робленыхъ» или «раскопаныхъ» могилахъ въ херсонской губерніи, былъ рефератъ на одесскомъ археологическомъ съѣздѣ (напечатанъ въ издававшихся во время съѣзда «Рефератахъ»); авторъ реферата, г. Браунеръ, основываясь на топографическомъ расположеніи и на формѣ майдановъ, пришелъ къ заключенію (къ которому присоединяемся и мы), что «Майданы» сооружались съ стратегическими цѣлями.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ обозрѣнію попытокъ, сдѣланныхъ въ наукѣ гг. Забѣлинымъ, Самоквасовымъ и Антоновичемъ по части классификаціи кургановъ, на основаніи ихъ устройства и содержимаго, и, дополняя ихъ свѣдѣніями добытыми имъ самимъ, предлагаетъ свою, оговариваясь, однако, что считаетъ ее пригодною только для могильныхъ насыпей Малороссіи. Гр. Бобринской дѣлитъ курганы по слѣдующимъ эпохамъ: 1) эпоха каменно-бронзовая, дѣлимая, въ свою очередь, на два періода. 2) скиѳская (отъ VII—VI в. до Р. X.), раздѣляемая также на два періода 3) переходная,—называемая г. Самоквасовымъ сарматскою, вопросъ о самостоятельномъ существованіи которой гр. Бобринской оставляетъ открытымъ, и 4) Славянская. Авторъ аргументируетъ свою классификацію различными общими соображеніями, съ большею подробностью останавливаясь на первыхъ двухъ эпохахъ.

Дневники гр. Бобринскаго отличаются точностью и строгою объективностью. Остановимся на нѣкоторыхъ обобщеніяхъ и заключеніяхъ, высказываемыхъ имъ при изложеніи дневника.

Охарактеризовавъ т. н. «пряслицы» различнаго рода, авторъ приходитъ къ заключенію, что если это названіе вѣрно по отношенію къ шиферным̃ъ кружкамъ великокняжеской эпохи и къ схожимъ

съ ними глинянымъ предметамъ болѣе древнихъ временъ, то едва ли примѣнимо къ крупнымъ конусообразнымъ предметамъ каменно-бронзовой и скиѳской эпохъ, которые при томъ попадаются не только при женскихъ, но и при мужскихъ скелетахъ; оставляя вопросъ объ этихъ послѣднихъ *пряслицахъ* открытымъ, онъ спрашиваетъ: не предназначались ли онѣ для надѣванія на тетиву, для защиты пальцевъ отъ порѣзовъ? Но тогда трудно понять, почему же эти предметы попадаются и въ женскихъ могилахъ?

Въ первомъ томѣ своего труда гр. Бобринской подвергнулъ уже разсмотрѣнію вопросъ о значеніи красной окраски костей, характеризующей многія могилы юга Россіи древнѣйшей эпохи, но, не пріѣдя къ опредѣленному заключенію, высказалъ догадку, не слѣдъ ли это окраски деревянныхъ склеповъ, которые впослѣдствіи обвалились на костякъ? Въ настоящемъ, второмъ томѣ, онъ возвращается къ этому вопросу и, соглашаясь съ замѣчаніями г. Оссовскаго, отказывается отъ прежней догадки и присоединяется къ мнѣнію, что народъ данной эпохи имѣлъ обыкновеніе окрашивать тѣло въ красный цвѣтъ, а также окрашивать и тѣла покойниковъ.

Въ главѣ VIII о курганахъ и могильникахъ надъ лѣвымъ берегомъ р. Тенетинки гр. Бобринской описываетъ всѣ городища и валы, какъ осмотрѣнные имъ самимъ, такъ и тѣ, о которыхъ упоминаютъ сочиненія Фундуклея и Похилевича; кромѣ того, нѣкоторыя свѣдѣнія почерпнуты имъ изъ пріобрѣтеннаго имъ рукописнаго сочиненія доктора де-ла-Флиза (см. «Кіев. Стар.» 1889 г., іюль); объ исторіи и памятникахъ окрестностей знаменитаго Мотронинскаго монастыря въ этой главѣ читатель найдетъ особый обстоятельный экскурсъ и при немъ—планъ валовъ, находящихся вокрукъ монастыря. Къ слову сказать, пишущему эти строки извѣстно подобной же формы земляное укрѣпленіе въ лѣсу Чута, александрійскаго уѣзда херсонской губ.

Интересны наблюденія гр. Бобринскаго относительно того, что обрядъ трупосожженія въ Малороссіи принадлежитъ какъ къ каменно-бронзовой, такъ и къ скиѳской эпохамъ, даже и къ позднѣйшему времени. Это должно служить предостереженіемъ противъ неосторожныхъ выводовъ объ эпохахъ курганныхъ погребеній.

Кромѣ дневниковъ курганныхъ раскопокъ въ ближайшихъ окрестностяхъ м. Смѣлы, во второмъ томѣ настоящаго труда гр. Бобринскаго находимъ свѣдѣнія о курганахъ въ окрестностяхъ м. Шполы, гор. Звенигородки и въ роменскомъ уѣздѣ полтавской губ. Въ

окрестностяхъ м. Шполы гр. Бобринской произвелъ изслѣдованіе могильника къ Ю. В. отъ с. Матусова, бл. урочища Колонтаевки и собралъ свѣдѣнія о раскопкахъ, сдѣланныхъ нѣсколькими дамами, сначала подлѣ самой Шполы, въ урочищѣ Дарьино, затѣмъ—подлѣ с. Василькова. Болѣе интересна раскопка въ послѣднихъ двухъ мѣстахъ. Она дала, между прочимъ, великолѣпную львиную головку, выдѣланную изъ кости и напоминающую другую головку, изданную гр. Бобринскимъ въ первомъ томѣ своихъ «Дневниковъ», кромѣ того при раскопкѣ найдены: золотыя бляшки съ изображеніями козловъ и человѣческихъ лицъ, золотой браслетъ, золотой перстень съ изображеніемъ борьбы двухъ животныхъ и пр. О раскопкахъ бл. города Звенигородки, въ частности—въ ближайшихъ окрестностяхъ м. Рыжановки, авторъ заимствуетъ свѣдѣнія изъ статей Готфрида Оссовскаго, появившихся на польскомъ языкѣ, въ изданіяхъ, мало доступныхъ для большинства русскихъ археологовъ, за что нельзя, конечно, не быть признательнымъ гр. Бобринскому. Раскопки эти отличались необыкновеннымъ богатствомъ драгоцѣнныхъ украшеній художественной работы; найдены были, между прочимъ, золотая діадема, золотыя серьги и бусы, золотое ожерелье, золотыя розетки съ пояса, золотые перстни съ монетами, и печатки, такіе же браслеты и пр. Всѣ эти древности подробно описаны въ трудѣ гр. Бобринскаго. Характеръ искусства почти всѣхъ находокъ—греческій, въ частности—пантикапейскій, и всѣ онѣ относятся, по замѣчанію автора, къ періоду процвѣтанія въ Пантикапеѣ высшаго искусства, когда на нѣкоторыхъ издѣліяхъ замѣчается отпечатокъ вліянія искусства далекаго востока (650—480 г. до Р. Х.); небольшое же количество мѣстныхъ издѣлій представляетъ опыты грубаго скиѳскаго ювелирнаго дѣла.

Въ роменскомъ уѣздѣ производили раскопки въ разное время: С. А. Мазараки, профессоръ В. Б. Антоновичъ, Д. Я. Самоквасовъ, а также Т. В. Кибальчичъ. Въ своемъ трудѣ гр. Бобринской даетъ свѣдѣнія о раскопкахъ г. Мазараки, находки котораго поступили главнымъ образомъ въ его, гр. Бобринскаго, собраніе древностей, а частію въ Историческій музей въ Москвѣ, и воспроизводитъ изъ газетъ нѣкоторыя данныя о раскопкахъ г. Самоквасова. По формамъ погребенія и по характеру найденныхъ при раскопкахъ предметовъ курганы роменскаго уѣзда близки къ смѣлянскимъ и относятся къ скиѳской эпохѣ.

Изъ отдѣльныхъ экскурсовъ въ книгѣ гр. Бобринскаго заслуживаютъ вниманія сдѣланная имъ классификація характерныхъ формъ

скиѳской посуды (стр. 107) и замѣчанія относительно мѣстъ и условій нахожденія морскихъ привозныхъ раковинъ, извѣстныхъ подъ названіемъ cypraca moneta (стр. 125); между прочимъ, интересно найденное авторомъ свѣдѣніе, что раковины эти ловятся не только въ Индійскомъ океанѣ, но и въ европейскихъ моряхъ.

Цѣлая (шестая) глава книги занята антропологическими таблицами, составленными со всевозможной тщательностью.

Среди случайныхъ находокъ древностей (глава VII) находимъ описаніе предметовъ съ Княжей горы, золотой курильницы, найденной близъ м. Корсуня, стеклянныхъ шаровъ изъ окрестностей Смѣлы и другихъ.

Книга украшена многими, изящно исполненными рисунками въ текстѣ и тридцатью особыми таблицами рисунковъ, исполненными большею частію литографическимъ способомъ, а частію—фототипіей; нѣкоторыя таблицы напечатаны золотомъ и серебромъ. Словомъ, въ трудѣ гр. Бобринскаго мы находимъ изданіе, которому трудно найти равное по роскоши на русскомъ языкѣ. Антропологи и этнографы будутъ благодарны ему за особую таблицу орнамента на скиѳской посудѣ.

Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель, полезность котораго понятна для всякаго.

Трудъ гр. Бобринскаго не блещетъ научными открытіями; авторъ скромныхъ «Дневниковъ» не гонится за сенсаціоннымъ успѣхомъ, но онъ невольно привлекаетъ къ себѣ сочувствіе необыкновеннымъ трудолюбіемъ, точностью и тщательностью работы и любовью къ наукѣ. Мы думаемъ даже, что вообще въ дѣлѣ археологическихъ изысканій, во избѣжаніе весьма возможныхъ разочарованій, слѣдуетъ умѣрять свои, иногда черезчуръ пылкія, надежды и помнить, что открытія въ археологіи, точно также, какъ и въ другихъ областяхъ знанія, даются только упорнымъ трудомъ, не отступающимъ передъ неудачами.

Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества. Томъ 93-й. Спб. 1894.

Въ составъ этого тома вошли депутатскіе наказы отъ дворянъ новороссійской губерніи, числомъ одиннадцать (страницы 19—79).

Не задаваясь цѣлью исторической оцѣнки наказовъ, что удобнѣе сдѣлать въ другой формѣ и въ другое время, отмѣтимъ тѣ

просьбы новороссійскихъ дворянъ екатерининскаго времени, которыя обращаютъ на себя особенное вниманіе.

Дворяне Днѣпровскаго пикинернаго полка просятъ утвердить за ними владѣніе заднѣпровскими грунтами и угодіями, купленными и выслуженными предками ихъ до 1752 года, когда они отошли подъ Новосербію и слободскіе полки, а потомъ вошли въ составъ елисаветградской провинціи, и освободить поселенія ихъ полка отъ дачи во владѣніе постороннимъ владѣльцамъ, отмѣнить разныя пошлины, вновь введенныя въ ихъ пользу, но давно уничтоженныя въ Малороссіи и, наконецъ, разрѣшить свободное винокуреніе.

Офицеры елисаветградскаго пикинернаго полка просятъ: оставить въ потомственномъ владѣніи земли, отведенныя по штату офицерамъ и рядовымъ полка, оставшуюся по отмежеваніи землю раздавать всѣмъ, кто пожелаетъ заводить хозяйство, въ вѣчное уже владѣніе и отрѣзать полку лѣсныя дачи изъ владѣній Чернаго и Желтаго гусарскихъ полковъ.

Офицеры Чернаго Гусарскаго полка просятъ нарѣзать имъ двойное количество земель противъ положенія и разрѣшить для домашняго обихода свободное винокуреніе.

Грузинскіе дворяне донецкаго пикинернаго полка жалуются: принявъ русское подданство, они получили во владѣніе земли съ крестьянами въ полтавскомъ полку, но нарѣзаны онѣ были неправильно, крѣпостные же, вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія податей, разорились, или ушли въ запорожье, а частью отошли подъ Новую Сербію; землями, которыя по праву должны были перейти къ нимъ, завладѣла полковая старшина, а имъ не дозволяютъ и покупать земли у казаковъ. Вслѣдствіе этого офицеры просятъ: принять мѣры противъ побѣговъ крѣпостныхъ, возвратить бѣжавшихъ, а вмѣсто тѣхъ, которые исчезли безслѣдно, наградить другими, узаконить за ними земли, по праву имъ принадлежащія, и подтвердить право на покупку земель.

Наказы грузинскихъ князей и дворянъ днѣпровскаго пикинернаго полка, офицеровъ донецкаго пикинернаго же полка, шляхетскаго малороссійскаго полтавскаго полка и шляхетства донецкаго пикинернаго полка на столько близки и по содержанію, и по изложенію, что, очевидно, сочинялись совмѣстно, или даже списаны съ одного оригинала, съ незначительными отъ него отступленіями. Желанія, высказанныя во всѣхъ этихъ наказахъ, сводятся къ слѣдующему: возвратить земли, отведенныя изъ ихъ владѣній подъ

новороссійскую губернію, и отмѣнить денежные сборы, ранѣе того отмѣненные въ Малороссіи.

Особенно интересенъ наказъ дворянъ бахмутскаго уѣзда. Недостатокъ рабочихъ рукъ, столь чувствительный въ Новороссіи и въ настоящее время, въ царствованіе императрицы Екатерины, какъ видно, былъ еще болѣе чувствителенъ. Не смотря на запрещеніе переходовъ, крѣпостные дѣлали частые побѣги. Бахмутскіе дворяне жалуются, что офицеры поселенныхъ здѣсь гусарскихъ полковъ, равно управители атаманы казенныхъ слободъ, принимаютъ и укрываютъ бѣглыхъ крѣпостныхъ; поэтому дворяне просятъ наложить строгіе штрафы для такихъ укрывателей, не взирая на ихъ званіе; пятый пунктъ наказа вводитъ читателя въ «дѣвичью» зажиточнаго помѣщичьяго дома и приподнимаетъ уголокъ завѣсы, за которой скрываются крѣпостныя затворницы, хорошо обученныя „разному пристойному дворянскимъ домамъ мастерству“ и потому представляющія, въ хозяйственномъ инвентарѣ, особенно цѣнную статью; и вотъ эти-то крѣпостныя дѣвушки,—жалуются дворяне,—„вмѣсто благодарности и должныхъ заслугъ... по подговорамъ отъ господъ своихъ побѣги чинятъ и въ скорости выходятъ въ замужество разнаго званія за чиновныхъ и не чиновныхъ людей, а по большей части за военныхъ служителей, которые берутъ ихъ безъ опасности въ разсужденіи, что по состоявшемуся въ въ 1754 году, мая 13 дня указу повелѣно съ нихъ за тѣхъ бѣглыхъ женокъ и дѣвокъ взыскивать помѣщикамъ только по десяти рублей, не пріемля того, что помѣщики и за науки таковыхъ издерживаютъ болѣе 50 рублевъ“... Въ огражденіе своихъ правъ, бахмутское дворянство проситъ, во первыхъ установленія строгихъ правилъ для духовенства, „ктожъ отважитца какую бѣглую женку за себя взять, такой бы *преступникъ*, также и бѣглая наказаны были тѣлеснымъ наказаніемъ, *какимъ помѣщикъ ея пожелаетъ* (оба, т. е. и мужъ, который могъ быть и чиновнымъ!), а платежъ за тѣхъ бѣглыхъ женокъ и дѣвокъ положить по исполненіямъ отъ помѣщиковъ въ челобитныхъ цѣнахъ, не свыше ста рублевъ“... Мотивировку этого ходатайства бахмутскіе дворяне заключаютъ довольно неожиданнымъ доводомъ: вслѣдствіе рекомендуемыхъ мѣръ прекратятся побѣги, а, вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣдственныя дѣла, „и кровопролитіе по такимъ дѣламъ въ пыткахъ и наказаніяхъ удержаться можетъ“—мысль, достойная гуманнаго вѣка!.. Но въ слѣдующемъ пунктѣ наказа, когда дѣло касается убійствъ, совершаемыхъ крѣ-

постными надъ помѣщиками, бахмутскіе дворяне оставляютъ уже въ сторонѣ всякую гуманность: высказавъ убѣжденіе, что „таковые худою совѣстью зараженные люди“ не чувствуютъ „высокоматернюю Ея Императорскаго Величества человѣколюбивую милость“, они просятъ гуманную императрицу, „въ строгость злыхъ и къ сохраненію добрыхъ людей“, не ослаблять ни пытокъ, ни казней... Изъ послѣдняго пункта наказа видно, что не одни крѣпостные бѣгали отъ помѣщиковъ, но и жены. Въ данномъ случаѣ дворянъ, собственно, занимаетъ имущественная сторона вопроса: дѣло въ томъ, что за бѣжавшими иногда записано мужемъ движимое и недвижимое имущество, и жены проживаютъ его. Дворяне просятъ по отношенію къ такимъ женамъ правительственныхъ мѣръ, которыя ограждали бы имущественныя права мужской половины дворянства. Такъ извращало крѣпостное право взгляды на женщину и семейныя понятія! Любопытно, что въ составленіи этого наказа принимала участіе одна дворянка, правда—неграмотная...

В. Ястребовъ.

Ab. Hovelacque et G. Hervé. Recherches ethnologiques sur le Morvan. (Eftrait des Memoires de la Société d'Anthropologie de Paris). P. 1894.

Хотя эта книга ни малѣйшимъ образомъ не относится къ нашей мѣстности, тѣмъ не менѣе мы считаемъ очень полезнымъ познакомить съ нею нашихъ читателей, какъ съ превосходнымъ образцомъ подобнаго рода мѣстныхъ изслѣдованій. Авторы,—оба пользующіеся всемірною извѣстностью ученые,—одинъ директоръ Антропологической школы въ Парижѣ, другой—профессоръ въ ней, взяли предметомъ свего изслѣдованія очень незначительный уголокъ центральной Франціи, но уголокъ, изученіе котораго, какъ мы сейчасъ увидимъ, должно было пополнить пробѣлъ въ рѣшеніи чрезвычайно важнаго общаго вопроса о географическомъ распредѣленіи кельтскаго племени. Дѣло въ томъ, что распространеніе это опредѣлялось до сихъ поръ только на основаніи историческихъ и лингвистическихъ данныхъ, не принимая во вниманіе данныхъ антропологическихъ, вслѣдствіе чего за кельтовъ принимались различныя группы населенія Франціи, въ высшей степени разнообразныя по своимъ физическимъ особенностямъ. Работы Вильяма Едварда, Брока и Ланьи выяснили уже эти особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ Франціи, которыя по указаніямъ

Ю. Цезаря представляли главные центры кельтскаго населенія, т. е. Оверни и Бретони, но оставили два пробѣла относительно связи этихъ центровъ съ одной стороны съ группой альпійской, а съ другой—между собою т. е. между оверньятами и бретонцами. Одинъ изъ этихъ пробѣловъ былъ не такъ давно пополненъ работою г. Говеляка о Савоярахъ, второй же составляетъ предметъ разбираемаго нами труда.

Въ географическомъ отношеніи Морванъ представляетъ собой промежуточное пространство между восточнымъ и западнымъ центрами кельтскаго населенія. Благодаря своей довольно значительной высотѣ и гористой мѣстности, онъ легко могъ служить убѣжищемъ для племени, которое должно было отступить передъ нахлынувшими въ равнины длинноголовыми сѣверными народами. Наконецъ, нынѣшнее его населеніе, не отличаясь отъ населенія Бургундіи и прочихъ частей Франціи по языку, очень разнится отъ него по физическимъ признакамъ. Эти то именно обстоятельства и заставили авторовъ выбрать Морванъ предметомъ своего изслѣдованія. Опредѣливши и описавши очень подробно географическое положеніе этой мѣстности, при чемъ они не упустили изъ виду также и геологически-палеонтологическихъ ея особенностей, они прослѣдили ея исторію, не пренебрегая даже такой, повидимому, мелочью, какъ проведеніе въ ней дорогъ, административное раздѣленіе и проч., собрали очень тщательны статистическія свѣдѣнія за все время ихъ существованія, приняли во вниманіе всѣ археологическія данныя, изъ которыхъ оказалось, что мѣстность эта была заселена только въ теченіе бронзоваго періода, и такимъ образомъ пришли къ заключенію, что первоначальное ея населеніе было, вѣроятно, кельтское. Оставалось подтвердить это антропологическими данными, для чего авторы и приступили къ подробнѣйшему изученію череповъ, какъ собранныхъ по ихъ просьбѣ мѣстными жителями, такъ и находящимися въ громадныхъ коллекціяхъ Музеума въ Jardin des Plantes и Антропологической школѣ. Изученіе это, исторію котораго мы, разумѣется, пропускаемъ, и привело ихъ къ выводамъ, показывающимъ, что по размѣрамъ череповъ, (головной указатель=83,5) населеніе Морвана не только представляетъ всѣ наиболѣе характерныя черты кельтскаго типа, но и является какъ разъ промежуточнымъ звеномъ между круглоголовымъ населеніемъ Оверня и Бретани. Такіе же точно результаты дали и изученіе роста, цвѣта глазъ, волосъ, и т. д., при чемъ опредѣлились въ цифрахъ и вліянія (очень незначительныя пока, но постоянно уве-

личивающіяся) сосѣднихъ элементовъ. Такимъ образомъ получилась возможность прійти къ положительнымъ и вполнѣ несомнѣннымъ заключеніямъ. Главныя достоинства этой работы заключаются въ величайшей обдуманности ея плана, въ самой строгой научности исполненія, въ доходящей до настоящаго изящества, тонкости и отчетливости анализа фактовъ и, наконецъ, въ удивительной ясности изложенія. Конечно, такія изслѣдованія возможны только въ странѣ, обладающей громадными массами ученаго матеріала, многое зависитъ, разумѣется, и отъ личныхъ качествъ изслѣдователей, которые, какъ напр. г. Говелякъ, лингвистъ по спеціальности, способны не отступить передъ измѣреніемъ череповъ, чтобы прійти къ выводамъ, прямо противоположнымъ ихъ прежнимъ узко-филологическимъ взглядамъ, и признать кельтами населеніе, у котораго въ языкѣ не сохранилось ни одного кельтскаго слова; но стремленіе къ возможно большей степени объективности и научности изслѣдованія обязательно для всѣхъ, и мы очень горячо рекомендуемъ трудъ гг. Hovelacque'a и Hervé всѣмъ, кто захотѣлъ бы заняться подобными работами и у насъ.

Ѳ. В.

Алексѣй Веселовскій. Этюды и Характеристики. Москва 1894 г.

Двадцать статей, составляющихъ настоящую книгу, представляютъ собою, на нашъ взглядъ, весьма занимательное и поучительное, иной разъ даже увлекательное чтеніе для всякаго, кому не чужды высшіе вопросы жизни и просвѣщенія, чье сердце не остается равнодушнымъ къ великимъ именамъ, составляющимъ гордость человѣчества или славу отдѣльнаго народа, каковы Вольтеръ, Джордано Бруно, Джонатанъ Свифтъ, Викторъ Гюго, Гоголь, Грибоѣдовъ, Дидро, Бомарше, Мольеръ, Фонвизинъ и др. Тонъ книги—искренній, живой, бодрящій... Иногда встрѣчаются весьма картинныя, даже поэтическія страницы, напримѣръ, хотя бы въ статьѣ «Титана и Пигмеи. Альпійская фантазія». Мысли вездѣ свѣжія, нерѣдко своеобразныя, иногда даже пріятно изумляющія глубиною или новизною. (Напримѣръ, хотя бы бѣглая, но живая характеристика Онѣгина, этого типа «путешественниковъ» хандрящихъ отъ бездѣлья, когда дѣла передъ глазами не оберешься). (Статья «Три путешествія). Случается натыкаться въ книгѣ и на явно натянутыя сравненія, на сближенія, такъ сказать, притянутыя за уши; но, даже въ такихъ случа-

ихъ яркій фейерверкъ мыслей, блестящее изложеніе выкупаютъ упомянутый недостатокъ.

Читателямъ нашимъ особенно рекомендуемъ статью «Мертвыя души» (557—610 стр.), гдѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ та мысль автора, какъ бы кто ни отнесся къ ней въ концѣ концовъ, что планъ этой «поэмы», волновавшій и занимавшій Гоголя всю жизнь, тожественъ былъ (или по меньшей мѣрѣ, предполагался таковымъ) съ планомъ «Божественной Комедіи» Данта, тройственное дѣленіе которой такъ соблазняло Гоголя, такъ согласовалось съ его конечными видами и стремленіями и такъ затрудняло поэта въ его завѣтной мысли довести до конца свой трудъ, примѣнивъ къ нему планъ «Божественной Комедіи». Соображенія г. Веселовскаго кажутся намъ довольно удачными и искусно подобранными; они имѣютъ всѣ данныя для признанія ихъ истинными или, по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятными; къ тому же они очень хорошо объясняютъ и самое названіе «Мертвыхъ душъ» поэмою. Замыселъ Гоголя (построить свою поэму по плану Дантовой и наполнить ее соотвѣтствующимъ *правдивымъ* содержаніемъ) кажется, однако, нашему автору превысившимъ силы поэта или, по крайней мѣрѣ, неисполнимымъ для него по совокупности множества всяческихъ условій... «Выполнить его (т. е. замыселъ Гоголя) могъ бы только средневѣковый поэтъ дантовской силы, если бы мыслимо было соединеніе въ немъ религіозныхъ восторговъ и гражданской борьбы съ геніальнымъ комизмомъ [изо всей поэмы Данта только небольшая сцена между бѣсами (Адъ, XXI—XXII) способна вызвать улыбку]. Гоголь печально заблуждался, думая, что можетъ сладить съ такою задачею. Не смотря на его иноческіе вкусы, порою грозившіе взять верхъ надъ дѣятельнымъ служеніемъ своему народу смѣлымъ словомъ, не смотря на постоянное общеніе съ духовными лицами и чтеніе душеспасительныхъ книгъ, въ немъ не было того пламеннаго религіознаго чувства, которое итальянцу XIII—XIV вѣка внушило бы могучіе гимны и свѣтлыя видѣнія. Такія крайнія мѣры, какъ поѣздка въ Палестину, не помогали, и онъ съ ужасомъ признавался, что и тамъ остался холоденъ. Между тѣмъ все было выношено и продумано внутренне, — только мечты безсильны были воплотиться въ словахъ и образахъ. Если бы судьба послала Гоголю болѣе долгую жизнь, и третій томъ «Мертвыхъ душъ» былъ написанъ хоть вчернѣ, врядъ ли онъ увеличилъ бы сколько-нибудь его художественную славу. Такимъ образомъ, по мнѣ-

нiю г. Веселовскаго, ежели Данту и недоставало генiальнаго комизма, то Гоголю въ его планахъ помѣшало отсутствiе необходимой *непосредственной* религiозной силы и благоговѣйныхъ восторговъ.

А. Степовичъ.

Отчетъ о состоянiи Коллегiи Павла Галагана съ 1 октября 1890 г. по 1 октября 1894 г. Кiевъ 1894 г. (стр. 215).

«Четыре года тому назадъ директоромъ Коллегiи Павла Галагана И. И. Ничипоренкомъ былъ выпущенъ въ свѣтъ отчетъ за время 1 октября 1886 г. по 1 октября 1890 г., и съ тѣхъ поръ школа наша не заявляла о себѣ путемъ печати русскому учено-педагогическому мiру и обществу. Какiя бы ни были тому причины, мы считаемъ такой ходъ дѣла неправильнымъ и полагаемъ, что всякое уважающее себя среднее учебное заведенiе обязано не только знакомить общество путемъ печати со всѣми обстоятельствами своей внутренней жизни, но и заявлять о себѣ по возможности со стороны научной и литературно-педагогической дѣятельности, чтобы показать, что личный составъ его не погрязаетъ въ бездѣйствiи застоя, а, напротивъ, проникнутъ стремленiемъ къ совершенствованiю какъ въ дѣлѣ чистой наукѣ, такъ и разработкѣ учебно-воспитательныхъ вопросовъ». Такъ опредѣляется цѣль и значенiе настоящаго отчета его составителемъ. Не можемъ не прибавить съ своей стороны, что поставленная задача выполнена удачно, и настоящiй отчетъ выгодно отличается отъ обычныхъ отчетовъ средне учебныхъ заведенiй, заключающихъ въ себѣ одни оффицiальныя свѣдѣнiя, сопровождаемыя не менѣе оффицiальною актовою рѣчью. Въ отчетѣ коллегiи, кромѣ обстоятельныхъ свѣдѣнiй о личномъ составѣ учащихъ и учащихся, объ учебныхъ пособiяхъ, о постановкѣ учебнаго дѣла и успѣшности занятiй учащихся и т. п., мы встрѣчаемъ и другiя свѣдѣнiя, которыя, дѣйствительно, могутъ ознакомить общество съ различными обстоятельствами внутренней жизни коллегiи: таковы свѣдѣнiя о важнѣйшихъ постановленiяхъ Совѣта Коллегiи (стр. 35—39), объ особенностяхъ въ постановкѣ учебнаго дѣла вообще (стр. 13) и преподаванiя искусствъ въ частности (стр. 11—12), сочувственное воспоминанiе о лицахъ, оставившихъ службу въ Коллегiи,—И. И. Ничипоренкѣ, П. Э. Ромерѣ, П. И. Житецкомъ, Е. К. Трегубовѣ (стр. 2—3); наконецъ, прощальное слово новаго директора коллегiи А. I. Степовича воспитанникамъ выпуска 1894 г. (20—24).

Въ приложеніяхъ къ отчету помѣщены слѣдующія статьи: 1) Высшее образованіе въ Римѣ во времена императоровъ—О. И. Гордіевича; 2) Значеніе изученія словесности для нравственнаго воспитанія юношества—В. Н. Куницкаго; 3) Къ 100-лѣтію рожденія Яна Коллара, пѣвца и проповѣдника «славянской взаимности»—А. І. Степовича; 4) Краткій обзоръ важнѣйшихъ моментовъ движенія греческой культуры въ государствахъ древняго міра»—О. И. Гордіевича; 5) Языкъ и слогъ комедіи «Горе отъ ума»—В. Н. Куницкаго. Помѣщеніемъ этихъ статей выполняется вторая задача отчета—заявить о жизни заведенія со стороны научной и литературно-педагогической. Не можемъ не замѣтить, что такая задача представляется намъ слишкомъ широкою. Научная дѣятельность преподавателей средне-учебнаго заведенія—если она существуетъ—не можетъ быть связана съ этимъ заведеніемъ, особенно въ городѣ университетскомъ: она выражается участіемъ въ ученыхъ обществахъ, спеціальныхъ журналахъ, наконецъ, въ изданіи отдѣльныхъ сочиненій. Отчетъ учебнаго заведенія можетъ упомянуть объ дѣятельности, но въ немъ не могутъ быть помѣщаемы всѣ научныя работы преподавателей. Другое дѣло работы педагогическаго характера: онѣ ближе стоятъ къ задачамъ учебнаго заведенія, а въ Кіевѣ, при отсутствіи педагогическаго общества и педагогическихъ изданій, скорѣе всего могутъ появляться при отчетахъ учебныхъ заведеній, и, можетъ быть, по преимуществу Коллегіи, которой, по выраженію отчета, «Высочайше предоставлено счастливое право самостоятельной разработки учебно-воспитательнаго дѣла въ Россіи»(предисловіе).

Изъ помѣщенныхъ въ книгѣ статей наиболѣе близкое отношеніе къ педагогическимъ вопросамъ имѣютъ рѣчь г. Куницкаго и первая статья г. Гордіевича. Авторъ первой статьи очень широко ставитъ вопросъ о воспитательномъ значеніи словесности,—предмета, который по его мнѣнію, долженъ занять первое мѣсто среди предметовъ общеобразовательной школы.«Если вы хотите, говоритъ онъ въ заключеніе своей статьи, чтобы наша школа не только учила, но и прежде всего воспитывала, дайте въ ней какъ можно больше мѣста и простора изученію словесности призовите въ воспитатели тѣхъ, кто, по выраженію Пушкина, способенъ «глаголомъ жечь сердца людей», а, по выраженію Лермонтова, легко и свободно читаетъ въ этихъ сердцахъ и призванъ свыше—*провозглашать имъ «любви и правды чистыя ученья!*» Къ сожалѣнію, вторая статья г. Куницкаго представляетъ какъ бы противорѣчіе сказанному въ первой.

Скрупулезное изученiе языка комедiи «Горе отъ ума», перечисленiе всѣхъ встрѣчающихся въ ней «по изданiю Гарусова» словъ (которыхъ оказывается 13246, а за исключенiемъ повторенiй—3370, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ повторяются отъ 2 до 50 и болѣе разъ), наконецъ, помѣщенный въ приложенiи «Полный словарь «Горе отъ ума» (въ которомъ указано, въ какомъ дѣйствiи и сколько разъ употреблено извѣстное слово)—все это, по нашему мнѣнiю, не много внесетъ въ объясненiе безсмертной комедiи Грибоѣдова, и статья г. Куницкаго много выиграла-бы, если-бы онъ ограничился указанiемъ нѣкоторыхъ лексическихъ и грамматическихъ особенностей языка Грибоѣдова и, въ особенности, мѣткихъ остроумныхъ выраженiй (перечисленiемъ которыхъ онъ заканчиваетъ свои статьи). Г. Гордiевичъ въ своей статьѣ касается интереснаго вопроса о системѣ образованiя, выработавшейся окончательно въ римской школѣ временъ имперiи; систему эту онъ называетъ «чисто-формальною» и указываетъ отголоски ея въ позднѣйшей школѣ западно-европейской и русской.

В. Щербина.

Обозрѣнiе журналовъ за 1-ую половину 1894 г.

Kwartalnik historyczny № 1. Въ отдѣлѣ библiографiи помѣщены между прочимъ рецензiи на слѣдующiя сочиненiя: *Самоквасовъ*: Хронологическая классификацiя могилъ южной Россiи. *Плещинскiй*: Бояре Межиричскiе. *Колеса*: Украински народни письни въ поэзiяхъ Богдана Залескаго. *Огоновскiй*: Исторiя литературы русской. *Осадчiй*: Козацкiй батько Палiй. *Антонiй I.*: Историческiе силуэты. *Алькаръ*: Мемуары овручскаго хорунжича въ концѣ XVIII ст.

Kwartalnik historyczny № 2. Въ отдѣлѣ библiографiи помѣщены рецензiи на слѣдующiя сочиненiя: *Рыхликъ*: Костелъ во имя всѣхъ святыхъ въ г. Ярославѣ. *Теодоровичъ*: Городъ Владимiръ Волынской губернiи, въ связи съ исторiею Волынской епархiи. *Теодоровичъ*: Историко-статистическое описанiе церквей и приходовъ Волынской епархiи, томъ III. — «Къ столѣтiю возсоединенiя Подолiи съ Россiей». «Труды подольскаго епархiальнаго историко-статистическаго комитета, кн. V». *Сергiенко*: Громадзкiй рухъ на Вкраïнi Руси въ XIII в.

Грушевскій: Къ вопросу о Болоховѣ.—Въ отдѣлѣ некрологовъ помѣщенъ некрологъ Ролле и полный списокъ его сочиненій и журнальныхъ статей.

Ateneum—Апрѣль. Рецензія *К. Нитмана* на вышедшую въ 1894 году Исторію города Львова, составленную г. Фридрихомъ Папэ; содержитъ краткій пересказъ содержанія сочиненія и нѣсколько поправокъ по второстепеннымъ вопросамъ.

Ateneum—Май. Статья *Краусгера*: «Франкъ и Франкисты въ Польшѣ» содержитъ указанія на новые источники, а также новыя данныя, добытыя на ихъ основаніи, относительно загадочной мистической секты, возникшей въ Подоліи во второй половинѣ XVIII ст. среди подольскаго еврейскаго населенія, секты, извѣстной, по имени ея основателя Іосифа Франка, подъ именемъ Франкистовъ.

Wisła—Январь—Мартъ. *Франко*: «Славянскія преданія о Магоматѣ». Въ статьѣ г. Франко указаны преданія о Магометѣ, встрѣчающіяся въ польской литературѣ XVI—XVIII ст., упомянуты по каталогамъ рукописей заглавія древне-русскихъ сказаній о Магометѣ, и одно изъ этихъ сказаній, найденное авторомъ въ рукописи вѣнской придворной библіотеки, приведено и снабжено учеными комментаріями. Затѣмъ авторъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о распространеніи легенды о Магометѣ въ западныхъ литературахъ, особенно въ Италіанской. Признавая все научное достоинство работы г. Франка, нельзя не замѣтить одной странности въ редакціи статьи: между тѣмъ какъ италіянскіе тексты приведены въ подлинникѣ на италіянскомъ языкѣ, не только отрывки изъ русской рукописи помѣщены въ польскомъ переводѣ, но той же участи подверглось и двустишіе, процитированное изъ малорусской пѣсни; пріемъ, едва-ли умѣстный въ изданіи, посвященномъ этнографіи и фолькъ-лору.

Чтенія въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. *Книга I.* Въ отдѣлѣ «Протоколовъ засѣданія Общества» помѣщено извлеченіе изъ реферата *Е. В. Барсова*: «Что значитъ у Константина Багрянороднаго русское названіе днѣпровскаго порога αειφας». Путемъ весьма сложныхъ филологическихъ выкладокъ и сближенія корней словъ: греческихъ, еврейскихъ и славянскихъ, а также соображеній относительно фауны у днѣпровскихъ пороговъ, г. Барсовъ пришелъ къ заключенію, что названія порога: αειφας и Неясыть—оба славянскія и значатъ: коршунъ-порогъ.

Книга II. Въ отдѣлѣ смѣси помѣщены между прочимъ слѣдующія статьи:

1) «Изъ документовъ Немировскаго конгресса. Сообщилъ В. А. Уляницкій». Эта связка документовъ дипломатическаго характера: Инструкціи и рес-

кринты, посылавшіеся русскимъ посламъ изъ С.-Петербурга, и реляціи пословъ о ходѣ конгресса, представленныя высшему правительству въ теченіе засѣданій въ Немировѣ такъ называемаго конгресса. Конгрессъ этотъ состоялся въ царствованіе Анны Іоанновны въ 1737 году (съ 11 іюля по 10 октября); въ составъ его входили послы: русскіе, австрійскіе, турецкіе и польскій; мѣстомъ засѣданій выбранъ былъ Немировъ (м. Подольской губ.), какъ пунктъ нейтральный; цѣль конгресса состояла въ томъ, чтобы положить конецъ войнѣ, которую Россія и Австрія вели съ Турціею, и заключить съ послѣднею мирный трактатъ. Впрочемъ посланники не могли достичь предположенной цѣли и примирить слишкомъ разногласныя условія, предложенныя обѣими сторонами. Послѣ безъуспѣшныхъ трехмѣсячныхъ попытокъ конгрессъ прекратилъ свои дѣйствія, и посланники разъѣхались по домамъ.

2) «О возмущеніи противъ турокъ 280 русскихъ, бывшихъ въ плѣну на каторгѣ въ 1643 году». Это двѣ челобитныя, поданныя царю Михаилу Ѳеодоровичу русскими плѣнниками, освободившимися изъ турецкой каторги и возвратившимися въ Москву изъ Мессины черезъ Римъ, Венецію, Вѣну и Варшаву. Въ челобитной названо 21 имя плѣнниковъ, возвратившихся въ Москву: это стрѣльцы, боярскія дѣти, козаки и пашенные крестьяне, захваченные разновременно въ плѣнъ татарами въ Слободской Украинѣ; находясь на турецкой каторгѣ, на галерѣ, они совмѣстно съ другими плѣнниками (всѣхъ было 280) «разныхъ земель» возмутились, овладѣли галерою и высадились въ Мессинѣ.— О событіи этомъ въ «Кіевской Старинѣ» (1883. кн. II, стр. 224—228) помѣщенъ былъ разсказъ участника плѣна, возмущенія и освобожденія, италіянца Сильвестра изъ Ливорно. Сопоставляя разсказъ этотъ съ челобитною стрѣлецкаго атамана, калужанина Ивана Семеновича Мошкина, мы находимъ полное совпаденіе до мельчайшихъ подробностей обоихъ разсказовъ. Притомъ разсказы эти взаимно себя дополняютъ и поясняютъ. Такъ, напримѣръ, начальникъ заговора возставшихъ каторжниковъ, названный въ итальянскомъ разсказѣ: «нѣкій русскій капитанъ Симоновичъ», есть не кто иной, какъ авторъ челобитной—Иванъ Семеновичъ Мошкинъ. Обратно, авторъ италіанской брошюры и главный пособникъ Мошкина—Сильвестръ изъ Ливорно, названъ въ челобитной «нѣкій иноземецъ Шпанскія земли».—Кажущееся противорѣчіе, переименованіе въ испанцы италіянца Сильвестра, въ дѣйствительности есть результатъ лишь неточныхъ географическихъ познаній Мошкина; по его мнѣнію, Мессина есть «порубежный городъ Шпанскія земли», плѣнники очутились здѣсь во владѣніяхъ, «Шпанскихъ нѣмцевъ» и т. п. Ошибки эти, при недостаточности географическихъ познаній автора челобитной, понятны, если вспомнимъ, что Неаполь и Сицилія въ 1643 году составляли владѣнія Испанской короны. Челобитныя

Мошкина и его товарищей, равно какъ и разсказъ Сильвестра изъ Ливорна, представляютъ богатый историческій матеріалъ для исторіи южно-русскаго народнаго творчества, если мы сличимъ оба разсказа съ самою полною изъ числа дошедшихъ до насъ козацкихъ думъ, съ думою о побѣгѣ Самуила Кошки изъ турецкой неволи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на издаваемый въ С.-Петербургѣ ежемѣсячный историко-литературный и политическій журналъ

„ГАЛИЦКО-РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ"

посвященный знакомству съ событіями въ Прикарпатской Руси и съ бытомъ Русскихъ Галичанъ и другихъ славянскихъ народовъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

1) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся событіямъ въ Россіи и за границей, въ особенности же, въ Прикарпатской Руси. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣлъ, имѣющій цѣлью знакомить читателей съ важнѣйшими событіями церковной жизни Русскихъ Галичанъ и другихъ славянскихъ народовъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Монографіи, романы, повѣсти, стихотворенія, народныя пѣсни, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера, составленныя при содѣйствіи выдающихся русскихъ и галицкихъ поэтовъ, писателей и ученыхъ. 5) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 6) Внутренняя и внѣшняя хроника разныхъ событій, корреспонденціи внутреннія и заграничныя. 7) Выдержки изъ газетныхъ статей и журнальныхъ обозрѣній. 8) Библіографія и критика. 9) Мелкія извѣстія и послѣднія новости. 10) Иллюстраціи, соотвѣтствующія содержанію статей. 11) Справочный отдѣлъ. 12) Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ пересылкою и доставкою во всѣ города Россіи и за границу на годъ 5 рублей, на полгода 3 рубля. Безъ пересылки и доставки (въ С.-Петербургѣ) на годъ 4 рубля, на полгода 2 рубля.

Подписка принимается: въ Редакціи „ГАЛИЦКО-РУССКАГО ВѢСТНИКА", С.-П-бургъ, Гороховая № 15; въ Славянскомъ Обществѣ, площадь Александринскаго

театра № 9; въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

Редакторъ-издатель; **В. Драгомірецкій.**

2—3

1895 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ“

СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената“ и „Собранія узаконеній и распоряженій Правительства“.

Выходитъ два раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ **безъ предварительной цензуры.**

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою СЕМЬ руб.

Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—4 руб. и къ 1-му апрѣля—остальные—3 рубля.

(С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59, кв. № 1).

Программа: Передовыя статьи.—Законодательная хроника въ Россіи.—Обзоръ постановленій отечественнаго и иностраннаго законодательствъ.—Статьи и замѣтки по вопросамъ, возникающимъ въ судебной и административной практикѣ.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи изъ Россіи и заграницы.—Выдающіеся процессы и рѣчи.—Фельетонъ.—Движеніе по государственной службѣ (приказы министерствъ).—Дѣйствія правительства (собранія узак. и распор. прав.).—Рѣшенія Правительств. Сената и циркуляры подлежащихъ министерствъ.—Списки дѣлъ назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору редакціи „Юридической Газеты“ за справками по дѣламъ, какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти контора редакціи принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщеніе справокъ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ департаментовъ и Общаго Собранія Правительств. Сената производится въ „Юридической Газетѣ“ въ отдѣлѣ „Почтоваго ящика“ и притомъ не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе года. Лица или учрежденія, желающія получать по дѣламъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому

отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу, прилагаютъ кромѣ того и стоимость отвѣтной телеграммы. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 2. Всѣ другія справки и порученія по всѣмъ вообще правительственнымъ, административнымъ и судебнымъ (центральнымъ и мѣстнымъ), общественнымъ, сословнымъ и частнымъ учрежденіямъ производятся не иначе, какъ на условіяхъ предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Лица и учрежденія, обращающіяся къ намъ за справками, обязаны сообщить: а) бандероль, за которою получаютъ „Юридическую Газету"; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 5. Контора редакціи „Юридической Газеты" также принимаетъ на себя и указаніе повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

2—3

Ученыя Записки
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
НА 1895 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть р зъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 коп. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И САМООБРАЗОВАНІЯ

IV-й годъ ИЗДАНІЯ **МІРЪ БОЖІЙ.** IV-й годъ ИЗДАНІЯ

ВЫХОДИТЪ 1-го ЧИСЛА КАЖДАГО МѢСЯЦА.

въ размѣрѣ 18—20 печатныхъ листовъ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журна «Міръ Божій»—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе, въ видѣ—1) оригинальныхъ и переводныхъ беллетристическихъ произведеній, какъ новѣйшихъ, такъ и класическихъ; 2) научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія; 3) критическихъ и библіографическихъ отзывовъ о важнѣйшихъ явленіяхъ современной литературы и 4) извѣстій о выдающихся событіяхъ текущей русской и заграничной жизни, литературы и науки. Имѣя въ виду не только юношество (подъ которымъ редакція разумѣетъ, конечно, не подростковъ 13—14 лѣтъ), не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботиться о тщательномъ подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность съ одной стороны слѣдить за движеніемъ современной мысли, а съ другой—пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, общественнымъ и историческимъ.

Въ 1895-мъ году журналъ будетъ издаваться съ тѣми же сотрудниками и по той же програмѣ, при чемъ для напечатанія препролагается, между прочимъ, слѣдующее:

«По новому пути», романъ Д. Мамина-Сибиряка; «Исторія одной жизни», повѣсть К. Станюковича; «Изъ прошлаго», повѣсть А. Луговового; «Князь и кметы», историческій романъ Крашевскаго; «Таинственная исторія», романъ Оноре Бальзака; «Процессы оплодотворенія въ растительномъ царствѣ» (съ рисунками), проф. И. Бородина; «Окраска животныхъ» (съ рисунками), проф. Н. Холодковскаго; «Мозгъ и мысль», проф.

Челпанова; «Неорганическій міръ» (съ рисунками), очерки В. Агафонова; Основы психологіи» съ франц. подъ ред. проф. Г. Челпанова; «Исторія» цивилизаціи до среднихъ вѣковъ» (съ рисунками), Дюкудрэ, перев. подъ ред. Д. Коропчевскаго; «Очерки русской культуры» проф. Н. Милюкова; «Біографія Ив. Серг. Тургенева» (съ нѣск. портрет.), Ив. Иванова; «Изъ исторіи прессы» А. Слѣпцова; «Маркъ-Аврелій», очеркъ И. Краснoперова; «Добрые обычаи и нравы» (изъ воспоминаній изслѣдователя), Ф. Щербины; «Очерки народнаго труда», Н. Мурашкинцева.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой—**7** р., безъ доставки—**6** руб., заграницу—**10** руб. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ и редакціи—Лиговка, **25**, кв. **5**, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Разсрочка черезъ казначеевъ и по соглашенію съ редакціей. Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 5% съ каждаго экземпляра.

Изд. **А. Давыдова**. Ред. **В. Острогорскій.**

Имѣются годовыя экземпляры **1894** и **1893** года, за **1892** годъ всѣ экземпляры израсходованы.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“.

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная безъ предварительной цензуры.

Знамя газеты: Люди—братья; ихъ долгъ—жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи ко благу общему.

Основная задача газеты—изученіе нуждъ родной земли. Работы, начинанія, проекты, ошибки и успѣхи общественныхъ дѣятелей различныхъ мѣстностей нашего обширнаго и все еще мало изслѣдованнаго отечества—вотъ тотъ матріалъ, которымъ мы преимущественно стремимся дѣлиться съ тружениками-участниками общественной работы

Освѣщая нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской земли, всѣхъ слоевъ нашего народа—мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребляемъ всѣ усилія, чтобы «Русская Жизнь» по вопросамъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики, была органомъ, цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Съ переводомъ печатанія «Русской Жизни» въ устраиваемую нынѣ свою типографію размѣръ газеты будетъ увеличенъ безъ увеличенія подписной платы.

Подписная цѣна съ пересылкой для иногороднихъ: На годъ—**9** р., полгода—**5** р., **3** мѣсяца—**3** р., одинъ мѣсяцъ—**1** р., для городскихъ—**8** р., **4** р. **50** к., **2** р. **60** к., **90** к.; заграницу: на годъ **17** р., полгода **9** р.

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ

Новымъ подписчикамъ, оплатившимъ годовую подписку, газета высылается безплатно по 1 января 1895 года со дня полученія въ Главной Конторѣ подписныхъ денегъ; оплатившимъ полугодовую подписку ранѣе 1 декабря газета высылается безплатно за декабрь сего года.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 23.

Отдѣленія Конторы:

С.-Петербургъ: 1) при книжномъ магазинѣ Н. Фену и Комп. Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора; 2) при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Литейной, 46.

Москва: Моховая, противъ университета, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Никольской, въ Славянскомъ Базарѣ, при книжномъ магазинѣ И. Д. Сытина и въ Конторѣ Печковской.

Варшава: Новый свѣтъ, 67, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Томскъ—при книжн. магазинѣ П. И. Макушина.

Редакторъ-Издатель *А. Пороховщиковъ*

1—3

„КІЕВСКОЕ СЛОВО"

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ЛИТЕРАТУРНО ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

ГАЗЕТА

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1895 ГОДУ НА ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, законодательнымъ, судебнымъ, земскимъ и т. п. Особенное вниманіе будетъ обращено на сельское хозяйство, свеклосахарную промышленность, лѣсоводство и пр.

2) Телеграммы внутреннія и заграничныя, причемъ будетъ обращено особое вниманіе на коммерческія извѣстія.
3) Корреспонденція внутренняя и заграничная.
4) Извѣстія изъ славянскихъ земель.
5) Повѣсти, разсказы и романы.
6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (Фельетонъ).
7) Обозрѣніе русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ.
8) Критика литературная, художественная и театральная.
9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія Правительства. Мѣстная хроника г. Кіева. Краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края.
10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы, лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на «Кіевское Слово» съ доставкой и пересылкой на годъ **10** р., на 6 м.—**6** р., на 3 м.—**4** р., на 1 м.—**1** р. **50** к.; безъ доставки и пересылки—на годъ—**8** р., на 6 м.—**5** р., на 3 м.—**3** р., на 1 м.—**1** р. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ **5** р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые **5** р., безъ доставки въ тѣ-же сроки по **4** р. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по **60** к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногороднаго адреса—**20** к.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ редакціи, на Большой Владимірской, д. № 35, А. Я. Антоновича, 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: Л. Идзиковскаго. Б. В. Корейво и Н. Оглоблина.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ Главную Контору «Кіевскаго Слова», Большая Владимірская домъ № 35.

Редакторъ-издатель *В. М. Богдановъ.*

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Выходитъ въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участіи тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и въ прежніе годы.

Постоянные отдѣлы журнала слѣдующіе: 1) Изящная словесность (Оригинальные и переводные романы, повѣсти разсказы, очерки, стихотворенія и т. д). 2) Наука (философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч.) 3) Искусство (обозрѣнія театральныя, музыкальныя, художественныя и др.) 4) Воспоминанія 5) Путешествія. 6) Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей. 7) Критика и библіографія (отзывы о сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ литературы, новости иностранной журналистики и обозрѣнія духовныхъ журналовъ.) 8) Вопросы церковной жизни. 9) Современные вопросы. 10) Лѣтопись печати. 11) Внутреннее обозрѣніе. 12) Иностранное обозрѣніе. 13) Иностранныя корреспонденціи. 14) Экономическія замѣтки. 15) Областной отдѣлъ (письма и сообщенія изъ провинціи.) 16) Объявленія.

Содержаніе книгъ 1895 г. будетъ отличаться богатствомъ, разнообразіемъ и полнотой. Пріобрѣтено, между прочимъ, для напечатанія неизданное произведеніе И. А. Гончарова и богатый запасъ писемъ Аксаковыхъ, Ю. Ѳ. Самарина, И. С. Тургенева, Ѳ. М. Достоевскаго, М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, К. Н. Леонтьева, А. Ѳ. Писемскаго, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, М. Е. Салтыкова, (Щедрина). В. М. Гаршина и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (въ предѣлахъ Имперіи) съ пересылкой и доставкой: на годъ—**15** руб., на полгода—**7** руб. **50** коп., на 3 мѣс.—**3** руб., **75** коп., на 1 мѣс.—**1** р. **25** коп. Съ пересылкой за границу—**18** руб.

Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—**12** руб., 6 мѣс.—**6** руб., 3 мѣс.—**3** руб., 1 мѣс.—**1** руб.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ журнала и во всѣхъ лучшихъ книжн. магазинахъ.

Магазинамъ уступки—50 коп. съ экз.; доставившимъ подписки на 10 экз. и болѣе—уст. 10% съ экз. Подписку съ разсрочкой платежа просятъ адресовать исключительно въ контору редакціи. Книги журнала 1890—1891 г. г. продаются въ конт. ред. по 7 руб. за годъ, 1892—1894 г. г. по 5 руб. за годъ. Пересылка доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ пять лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

Письма, телеграммы, рукописи и посылки адресуются такъ: Москва, редакція «Русскаго Обозрѣнія» (уг. Тверской и М. Гнѣздниковскаго пер., д. Спиридонова).

Редакторъ-Издатель *Анатолій Александровъ.*

1—3

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ"

выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ Іюля и Августа, книгами около 15 листовъ. Первая книга выйдетъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ сего 1894 года.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной конторѣ, пользуется разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіи первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Студенты Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПБургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по разсчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи, **С.-Петербургъ, Екатерининская улица, зданіе Министерства Юстиціи.** Рукописи должны быт направляемы въ редакцію. Причитающійся гонорарь можетъ быть высылаемъ иногороднимъ сотрудникамъ по почтѣ.

Редакторъ, Членъ консультаціи при Министерствѣ Юстиціи учрежденной,

Профессоръ *Н. Сергѣевскій.*

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ".

Въ 1894 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было напечатано: «Зарницы», пов. В. Микуличъ (автора «Мимочки»). «Неизлечимые», пов. П. Боборыкина. «На разныхъ дорогахъ». ром. Вас. Немировича-Данченко. «Совершеннолѣтіе» и Татьянинъ день», разск. гр. Л. Л. Толстого. «Лушка», разск. Е. Лѣтковой. «Въ странѣ пирамидъ», разсказы Д. Мордовцева. «Женская жизнь» пов. М. Крестовской. «Утрата», разс. А. Стернъ. «Тайна рѣки» пов. Ф. Нефедова. «Чиновничьи клавикорды», быль Н. Трахимовскаго. «Гомочка», пов. В. Дмитріевой. Статьи: «Рознь между художниками» В. Стасова. «Новые союзы въ Европѣ» гр. Л. Камаровскаго. «Типы преступниковъ» проф. Ю. Петри. «Воспоминанія о П. И. Чайковскомъ» Г. Лароша. «Двѣ славянскія повѣсти» П. Боборыкина. «Первый Публицистъ въ Европѣ» проф. А. Шепелевича. «Встрѣчи» Ник. Ге. «Земское страхованіе» И. Вернера. «Сельскія библіотеки» В. Вахтерова. «Тургеневъ и Толстой» проф. Д. Овсянико-Куликовскаго. «О себялюбіи, какъ двигателѣ общественной жизни» проф. А. Исаева. «Принципъ свободы въ царствѣ животныхъ» проф. Н. Вагнера; «Связка писемъ Герцена», Е. Некрасовъ. «Жоржъ Зандъ» П. Вейберга. «Въ Палестинѣ» очерки Б. Корженевскаго. «Записки А. О. Смирновой» (125—45 гг.). Бесѣды государя Николая I, Пушкина, Жуковскаго, Гоголя и др. Переводы: «Изъ дневника Аміеля», пер. гр. М. Толстой, подъ ред. и съ предисловіемъ гр. Льва Толстого. «Семейство Поланецкихъ», ром. Г. Сенкевича. «Современная Ніобея», ром- Іонаса Ли. «Торжество смерти», Г. д'Аннунціо и много друг.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналѣ: 1) Областной и земскій отдѣлъ. 2) Провинціальная печать Л. Прозорова. 3) Критика и библіографія. 4) Письма: изъ Америки, изъ Франціи, изъ Италіи, изъ Англіи. 5) Внутреннее обозрѣніе. 6) Политическая лѣтопись Л. Половскаго. 7) Театръ. 8) Изъ жизни и литературы. 9) Литературныя замѣтки. А. Волынскаго.

Условія подписки на 1894 г.		По полугодіямъ		По четвертямъ года			
Безъ доставки въ Спб. въ конторы журнала.	На годъ. 12 р.—к.	Январь. 6 р.—к.	Іюль. 6 р.—к.	Январь. 3 р.—к.	Апрѣль. 3 р.—к.	Іюль. 3 р.—к.	Окт. 3 р.
Съ доставкой въ Спб. .	12 „ 50 „	6 „ 50 „	6 „ — „	3 „ 50 „	3 „ — „	3 „ — „	3
Съ перес. въ Имперіи.	13 „ 60 „	7 „ — „	6 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „
Заграницей	16 „ — „	8 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	3 „

Подписка на всѣ означенные сроки. Разсрочка платежей. Служащіе могутъ вносить помѣсячно за ручательствомъ казначеевъ.

Подписка принимается. Въ Гл. Конт.—Спб., Троицкая ул., 9, и въ моск. отдѣл.—Тверская, близь памятника Пушкина; д. Сазикова. Кромѣ того, въ Спб.—въ книжн. магаз. Фену, въ Москвѣ—въ кон. Н. Печковской, во всѣхъ книжн. магазин. Карбасникова, «Новаго Времени» и др.

Издательница *Л. Я. Гуревичъ.* Редакторъ *М. Н. Альбовъ.*

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

(ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ)

Въ 1895 г. (годъ 25-й.)

Журналъ будетъ издаваться въ 1895 г. по той-же расширенной программѣ, обнимающей всѣ отрасли юридическихъ и государственныхъ наукъ, при тѣхъ-же постоянныхъ сотрудникахъ, какъ и въ текущемъ году.

Отдѣлы журнала: 1) Оригинальныя статьи, 2) Хроника законодательства и суда, 3) Критика и библіографія, 4) Указатель юридической литературы, 5) Замѣтки и извѣстія.

Журналъ даетъ 10 ежемѣсячныхъ книгъ (кромѣ Іюля и Августа); въ каждой книгѣ не менѣе 15 печатныхъ листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ СПБ. . . . 8 р.
Съ доставкой въ СПБ . . . . 8 р. 50 к.
Съ пересылкой. . . . . 9 р.
Съ кассаціонными рѣшеніями сената
(съ доставкой и пересылкой). 13 р.

Члены Юридическаго Общества, Студенты и вообще учащіеся, а также кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности платятъ половину, т. е. 4 р. 50 к., а съ кассац. рѣш. 8 р. 50 к.,

Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 р, съ кассац. рѣш. 8 р. остальныя деньги въ Іюнѣ.

Подписка принимается въ Конторѣ журнала (СПБ, Новоисаакіевская, 4, кв. 7.) и въ книжныхъ магазинахъ: Мартынова (Невскій, 46), Новаго времени, Риккера (Невскій, 14.) Анисимова (Садовая, 18), Цинзерлинга (Невскій 20).

Контора открыта по вторникамъ и пятницамъ, отъ 7 до 9 ч. веч.
Редакція (Спасская, 16) открыта по вторникамъ отъ 2 до 4 час.
Редакторъ проф. *В. Латкинъ*.
1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1895 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ »РУССКАЯ СТАРИНА», вступая въ 1895 году въ двадцать шестой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ — разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы государственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала на страницахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпоху, среди которой дѣйствовали эти лица, и нравы современнаго имъ общества. Такого рода личныя воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося отечественною исторіею. Для того же, чтобы читатели «РУССКОЙ СТАРИНЫ» имѣли возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другихъ историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается краткое содержаніе такого рода статей.

Въ 1895 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими почтенными трудами содѣйствовали успѣху нашего изданія и въ числѣ которыхъ мы назовемъ А. Ѳ. Бычкова, В. А. Бильбасова, Н. Богдановскаго, Воробьева, Н. Ѳ. Дубровина, Жмакина, А. И. Ильинскаго, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, М. Я. Ольшевскаго, М. Л. Песковскаго, В. В. Стасова, Тучкову-Огареву, Н. К. Шильдера, Н. Л. Ширяева, В. И. Шенрока, П. Л. Юдина и др.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ.

1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей

государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Отзывы о содержаніи историческихъ статей, помѣщаемыхъ какъ въ разныхъ періодическихъ историческихъ изданіяхъ, такъ и въ общихъ литературныхъ; 12) Народная словесноссь; 13) Архивные документы; 14) Родословія.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 году, если пожелаютъ получить первую часть Записокъ В. А. Инсарскаго, которая была напечатана въ 1894 году, приплачиваютъ 50 коп.

Войсковыя части могутъ выписывать „РУССКУЮ СТАРИНУ" чрезъ редакцію „Досугъ и Дѣло".

Редакція печатаетъ и выпуститъ въ свѣтъ въ январѣ 1895 года

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Эти записки въ видѣ извлеченій и отрывковъ появлялись уже въ печати, но никогда не были изданы въ полномъ ихъ объемѣ. Нынѣ редакція „РУССКОЙ СТАРИНЫ" пріобрѣла отъ его брата полный экземпляръ подлинной рукописи и приступила къ отдѣльному изданію безъ всякихъ пропусковъ и какихъ либо сокращеній. Такимъ образомъ въ первый разъ появится въ печати полный трудъ извѣстнаго общественнаго дѣятеля и патріота, дѣйствовавшаго въ трудную для Россіи эпоху Отечественной войны.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ" на 1895 г., подписавшихся до 1 февраля, уступается за 1 р. 50 к.

═ Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредствено въ главную контору, въ Петербугъ, Фон-

тапка, 145. Кромѣ того подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ"

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края" и „Сѣвернаго Телеграфнаго Агенства". V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ) и извѣстія другихъ газетъ. VI. Мѣстная хроника VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ. XII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библіографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія; дѣла назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Стороннія сообщенія. XXII. Объявлеція.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи..

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА УМЕНЬШЕНА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкою иногороднимъ:

На	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
	11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50
съ доставкою въ Харьковѣ:												
	10 —	9 50	9 —	8 25	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Редакторъ-издатель **А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.**

1—3

Вышелъ и разсылается подписчикамъ 90 выпускъ

(Райскія смоквы—Реформатская церковь)

„НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ“,

изданіе съ 44 вып. Т-ва А. Гранатъ и К°, бывш. Т-ва А. Гарбель и К°.

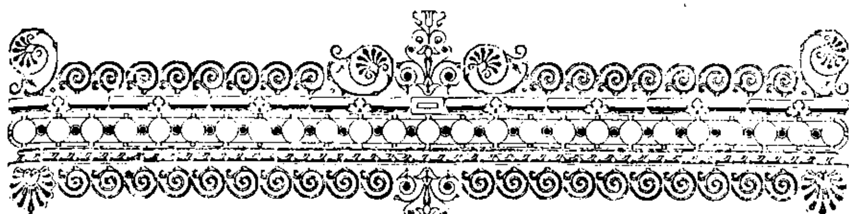
Изданіе обнимаетъ всѣ отрасли знанія и стремится содѣйствовать самообразованію и болѣе разностороннему развитію. Въ изданіи принимаютъ участіе; проф. Д. Н. Анучинъ, проф. П. Г. Виноградовъ, проф. Ю. С. Гамбаровъ, М. Я. Герценштейнъ, пр.-доц. Г. М. Герценштейнъ, В. А. Гольцевъ, В. Н. Григорьевъ, пр.-доц. И. Я. Гурляндъ, пр.-доц. А. Г. Гусаковъ, Діонео, маг. А. И. Каминка, маг. А. К. Кедровъ, проф. В. Ф. Левитскій, пр.-доц. И. Л. Лось, проф. И. В. Лучицкій, проф. И. Н. Миклашевскій, С. А. Муромцевъ, В. А. Мякотинъ, проф. П. А. Некрасовъ, проф. В. М. Нечаевъ, В. П. Острогорскій, М. Л. Песковскій, проф. Э. Ю. Петри, проф Э. Л Радловъ, М. Н. Ремезовъ, пр.-доц. А. Р. Свирщевскій, А. П. Субботинъ, проф А. С. Тауберъ, проф. А. Ф Фортунатовъ, проф. А. И. Чупровъ и др.

Въ вышедшихъ 90 выпускахъ (составляющихъ 6 томовъ и 6 вып. 7-го тома) помѣщено 64,262 статьи и замѣтки, 1,259 портретовъ и рисунковъ, 18 географическихъ картъ, хромо и олеграфіи, таблицы рисунковъ, 2 серіи «Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ»,

Все изданіе составитъ 108—115 выпусковъ или 8 томовъ. Цѣна тому (14 вып.) на обыкнов. бум. 4 р. 20 к., на лучш. бум. 5 р. 60 к., тому въ перепл. 4 р. 50 к. и 6 р. За пересылку приплачивается 10% цѣны. *По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.* Допускается разсрочка на слѣд. условіяхъ: при подпискѣ вносится 5 руб., послѣ чего высылаются первые 6 том. съ наложеннымъ платежомъ въ 5 р., остальныя деньги выплачиваются твехмѣсячными взносами по 5 руб.

Подробные проспекты съ отзывами печати и выдержками изъ текста высылаются по требованію безплатно.

Главная контора: Москва, Долгоруковскій, 8. Отдѣленія конторы: Одесса, Малый пер., д. Гессена; Саратовъ, Мало-Сергіевская ул. д. Губерн. Земской Управы; Томскъ, при Агенствѣ «Западная Сибирь»; Самара, при редакціи «Самарской Газеты»; Таганрогъ, при редакціи «Таганрогскаго Вѣстника.»

1730 годъ. Януарій м-ць.

Четвер. 1. Сей день бувъ похмурный, однакъ холодній, зъ інеемъ, ночъ оттеплѣла. Обѣдали всѣ господа у гетмана, п. Михайло зъ Юріемъ Еропкиномъ поссорились, такъ что на дуель ездили, только жъ такъ и вернулись.

Пятокъ. 2. Сей день былъ согласний вчорайшой ночи, похолодний, похмурный зъ інеемъ, и ночъ такова жъ была. Обѣдалисмо у собе, по обѣдѣ проезджалемся зъ глипскимъ сотникомъ за тѣмъ, что въ головѣ тяжесть и обморокъ уже дней скилька, какъ имѣю. Камѣнскій и Романъ зъ Москви повернулись, привезли денегъ 133 р. и 70 сор. и нѣкоторіе вещи. Указъ до князя и до гетмана присланъ о родителю, какъ вершено дѣло его въ прошломъ году въ иностранной колегіи, а присланъ через атютанта княжого.

Субота. 3. Сей день былъ теплій, такъ же и ночъ, и похмурніе. Былемъ рано у князя, оттуду заездилемъ до п. Михайла, оттоль на настовникъ, и вечералемъ у п. Петра Апостола. Въ ночъ, противъ неделѣ, князь поехалъ въ Москву. Чайникъ, дарованній мнѣ отъ п. судійной Чирнишовой, фарфуровий, взялемъ.

Неделя. 4. Сей день сперва былъ тепловатъ, а потомъ холоднѣйшій и вияснился, такъ же и ночъ. Панъ гетманъ поехалъ въ Москву, которому 50 подводъ по станамъ разставлено. Якову Дубровѣ до прежде данних грошей 30 таляр. битихъ, да 8 р., да

облѣка въ 5 р, далемъ теперь 17 р. Посланъ Петро Кухаръ въ Москву, а съ нимъ 7 воз. моихъ, а именно: 3 куѳи гор. двойной, а въ нихъ носат. 29, да зъ дробини — гусей 390, утятъ 214, курей 206, індиковъ 46, грошей далемъ ему 30 р., и на дорогу, и на покупку.

Понеделокъ. 5. Сей день былъ вѣтряний велми и зъ метелицею снѣговою, а ночъ также вѣтряна. Ездилемъ съ п. Михайломъ, братомъ, на пастовникъ, где запечатали палубъ и денги зложили въ оний, а шкатулку московскую зъ червонними, переписавши при Ганцѣ, взяли сюда, а реестръ ей отдали. Генваровскій, сотникъ кролевецкій, пріехалъ зъ Москви съ указомъ, чтобъ ему бить сотникомъ по прежнему [1]). П. Федоръ, дядя, пріехалъ зъ Прилуки, который у насъ и вечералъ.

Крещеніе. Вовтор. 6. Сей день былъ жестоко холодний и свѣтлий, и ночъ такъже. Обѣдалисмо у себе, а службы Божой слухалемъ у Николая, где придику говорилъ Амвросій Дубневичъ, префектъ коллегіума кіевского. Евлампій Брухановъ, бывшій прикажчикъ ямполскій, а по челобиттю Ямполцевъ осаженний за карауломъ зде, ушолъ невѣдомо куда.

Середа. 7. Сей день былъ теплѣйшій маленко, и ночъ такъже похмурна. Ездилемъ на пастовникъ зъ отцемъ Мойсеемъ, обѣдалемъ зъ род., а по обѣдѣ у вечеру былемъ у п. обозного енер. П. Михайло, братъ, далъ карту Кондзеровскому отъ панеи писанную, по якой онъ визичилъ 120 р. Яснополскому на потребу покойной тіотки. Аннуе. 3 зол. %. 208 (?).

Четвер. 8. Сей день былъ ясний, толко не противъ прежнего холодний, а ночъ похмурна и тепла. Полусорочини покойной тіотки отправляли и тамъ попи и мы, и префектъ обѣдали. По обѣдѣ матцѣ моей видать кунтушъ покойной тіотки казалемъ Ганцѣ. Кумичъ пріехалъ отъ сестри, а обехалъ ей въ Болховѣ.

Пятокъ. 9. Сей день былъ ясний и не холодний велми, и ночъ ясная, мало холоднѣйшая. Получилемъ зъ Москви отъ Курбатова писмо и календаръ.

---

[1]) См. о Генваровскомъ — Опис. Стар. Малор., II, 375.

Субота. 10. Сей день былъ тепловатъ, вѣтрянъ и зъ малою метелицею, и ночъ такъже, толко не было метелици. Сегодня поехалемъ передъ обѣдомъ въ Ямань, где сестру свою Уляну Івановну стрѣтилемъ, которая о преставленіи покойной тіотки моей, а своей матки, увѣдомившись, плакала зѣло. Туда жъ потомъ пріехали жена моя и Кондзеровскій зъ женою; отобѣдавши тамъ, поехалисмо къ Глухову и смеркомъ уже пріехали въ Глуховъ.

Неделя. 11. Сей день былъ тепловатъ противъ вчорайшого, такъ-же и ночъ, толко вѣтряна. Сегодня рано посѣщали сестру Уляну Івановну панѣ гетманова, Мякининша и протчіе, по которыхъ отездѣ, службы Божой виелухавши, откушалисмо, и поехали обѣ сестри [1], а после ихъ и я, въ монастиръ Гамалѣевскій, чи тежъ Харлампіевскій, и пріехали сюда, где покойную тіотку мою видѣлъ я лицемъ мало толко отмѣнившуюся, за тимъ что мало почернѣло, а на бородѣ и на концахъ ушей велми красно, да концѣ жъ ушей мягки. Получилемъ сегодня писмо отъ швакгра п. Андрѣя, требуючое извѣстія объ отездѣ гетманскомъ въ Москву, и отписалемъ къ нему жъ тогда.

Понеделокъ. 12. Сей день былъ тепловатъ зъ мокрою сверху метелицею, а ночъ такова жъ, толко безъ метелици. Здѣ въ монастирѣ Харлампіевскомъ передновалисмо; после обѣда пріехала панѣ гетманова, такъ же родитель, родителка, дядя п. Федоръ, жена моя и дѣти.

Вовтор. 13. Сей день маленко студенѣйшій былъ отъ вчорайшого, и ночъ, однако жъ не холодни. Въ сей день погребеніе преставлшойся тіотки моей ясневелможной зде, въ монастиру, совершилося: по службѣ Божой въ 11-мъ часу, были зъ духовенства архимандритъ новгородскій Нилъ, который службу Божую служилъ и въ погребеніи началствовалъ, префектъ коллегіумъ кіевского Амбросій Дубневичъ, передъ погребеніемъ, по службѣ Божой, предику пространную говорилъ. После предики началась церемонѣя и совершилась при общей всѣхъ жалости. Зъ духовенства жъ, кромѣ

[1] Другая сестра Евдокія Константиновна, жена Чарныша, дочъ гетманши Скоропадской отъ перваго ея мужа К. Голуба.

помянувшихся, были зъ монастира Петропавловскаго законники, такъ же зъ пустинки Мутинской началникъ зъ братіею, зъ священниковъ же: протопопъ глуховскій съ многими попами и зъ другихъ городовъ, а именно: Новгородка, Воронѣжа и Кролевца священники, зъ мирскихъ лицъ знатнѣйшихъ: ясневел. панѣ гетманова, княгиня Шаховская и Мякининша, сегодня рано пріехавшіе. Такъ же п. Петрова и п. Михайлова, тіотка п. Павлова и п. Миклашевская, зъ мужей: брегадиръ Арсеніевъ, родитель, дядя п. Федоръ, п. Федоръ Савичъ и Афанасій, сотникъ глинскій, которіи всѣ по погребеніи и кушали зде, и множайшіи ночовали, а нѣкоторіе, а именно толко княгиня, Мякининша и попи разехались. Положено жъ тѣло покойной тіотки въ церквѣ трапезной, по правомъ боку, помѣжъ зъ тѣломъ покойного дядѣ, гетмана Скоропадского.

Середа. 14. Сей день былъ холодний, вѣтряний, ночъ потепляе. Тутъ мы продновалисмо, а панѣ гетманова и княгиня, и брегадиръ и протчіе, по обѣдѣ, разехались. Стефанъ Тернавскій, бунчуковскій товаришъ, умре.

Четвер. 15. Сей день билъ такъ же холодний, вѣтряний зъ метелицею, а ночъ тиха. Сегодня по обѣдѣ родитель зъ маткою и протчіе розехались, а я остался, и пянъ былъ.

Пятокъ. 16. Сей день былъ холодний и ночъ, толко безъ вѣтру, и пробавилемъ въ монастирѣ. У вечеру сестра Уляна Івановна была очинъ болна.

Субота. 17. Сей день былъ и ночъ противъ прежнего дня. У лазнѣ милемся и рубашку новую сестра дала. Федорець, служитель покойной тіотки, отправленний въ Нѣжинъ, удержанъ въ Глуховѣ затѣмъ, что Бокъ докторъ пріехалъ и через него послалемъ билъ реестръ нѣкоторихъ покупокъ. Увѣдомилемся, зъ листа съ Москви писанного, что панъ гетманъ сталъ квартерою въ дворѣ сестриномъ, въ Москвѣ, и что еще сватба не была.

Неделя. 18. Сей день былъ холодній, такъже и ночъ, толко похмурна. Сегодня, по службѣ Божой и по обѣдѣ, поехалисмо и пріехали въ Глуховъ. Імператорское величество Петръ Вторий преставился, о чомъ зри февр. 20-го.

Понеделокъ. 19. Сей день былъ вѣтряний, а вечоръ и ночъ зъ метелицею снѣжною. Писалемъ до Курбатова въ Москву, благодаря за его утѣшительное писмо. Федорець поехалъ въ Нѣжинъ, которому на покупки далемъ 8 р.

Вовтор. 10. Сей день былъ вѣтряний зъ снѣгомъ, а ночъ безъ снѣгу. Сегодня рано денги зъ склепу вивезли покойной тіотки къ сестрѣ, п. Михайло, братъ, я и Кондзеровскій, а именно 1000 р. и 3 мѣшки чеховъ, да скриню зъ сребромъ.

Среда. 21. Сей день былъ противъ прежнихъ дней и ночъ вѣтряни зѣло. Обѣдалемъ у сестри, и до позна просидѣлемъ зъ моимъ нещастіемъ. Позно пріехалемъ домой и кунтушъ парчевий покойной тіотки отъ сестри матцѣ привезлемъ. Жена моя заболѣла.

Четвер. 22. Сей день былъ противъ прежнихъ же, и ночъ, толко велми вѣтряни. Матка отехала въ Роменъ, которую жена опровадить до Каменя поехала, а я зъ род. у сестри билисмо, и тамъ вечерали.

Пятокъ. 23. Сей день былъ противъ прежнихъ же, и ночъ тиха. Обѣдалемъ у сестри и до вечора позабавилемъ, а у вечеру пріехалемъ домой зъ п. Михайломъ.

Субота. 24. Сей день былъ противъ прежнихъ и ночъ. П. Кондзеровскій привезлъ отъ сестри зъ имѣнія покойной—род. (?) 1500 а., намъ зъ п. Михайломъ по 1000 р.

Неделя. 25. Сей день былъ холодний и ясний, такъже и ночъ. Зъ Громѣкою роздѣлку учинилемъ сестрѣ п. судіиной и заплатилъ 208 чорвонних въ 500 р., а росписку отъ его взялемъ и облѣкъ ея. Обѣдалемъ у сестри и вечералемъ.

Понеделокъ. 26. Сей день былъ вѣтряний зъ метелицею, такъже и ночъ. Обѣдалемъ въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до доктора и до сестри, где и вечералемъ. Даровала мнѣ табакеръ золотую. Купилемъ куеъ 4 гор. за 26 р. и 20 а.

Вовтор. 27. Сей день былъ вѣтряний же и холодний, и ночъ такъ же. Сестра велми болна была и отехала по обѣдѣ зъ другою сестрою въ Гамалѣевку, а мы зъ женою ночовали на пастовнику. Между тимъ билемъ у Количова. Принялемъ отъ Федорця, тіотчи-

ного слуги, привезенних окъ 2 кагве, тютюну тур. окъ 2, 3 бруски мила, 4 фунти камбали, а въ данних на то 14 р., не далъ отчету.

Середа. 28. Сей день былъ ясний, а холодний, такъже и ночъ. Ездилемъ рано зъ п. Михайломъ въ Дунаецъ и повернувшись оттуду, обѣдалемъ у панеи гетмановой, зъ женою. Господаръ, приехавши зъ Сваркова, обявилъ, что тютюну принялъ отъ тютюнника калюжновского и зложили тамъ пудовъ 54.

Четвер. 29. Сей день былъ ясний и велми холодний, такъже власне и ночъ. Сорочинное поминаніе умерший тіотцѣ моей, гетмановой, отправлялисмо въ Глуховѣ, обѣдали попи, а съ ними род. и я. Потомъ, у вечеру, ездилемъ до обозного енер., а повернувшись, вечералемъ зъ род., а по вечерѣ зъ Алексашею Толстимъ у лазнѣ тутъ мившимся, поехалемъ на пастовникъ и тамъ самъ ночовалемъ.

Пятокъ. 30. Сей день такъ же билъ ясній и холодний, и ночъ. Купилемъ 9 куѳъ гор. за 52 р., 7 гривенъ и 5 копѣекъ.

Субота. 31. Сей день холодній, такъ же и ночъ, да къ тому и ясна. Сестра Уляна Івановна повернулась зъ монастира Гамалѣевского. Въ Тулиголови заплатить виннику за карбъ (?) далемъ 4 р., такъ же и кобернику дала панѣ барму зимнюю, кожухъ сѣрий и рубль, а Забарѣ на покупку лѣса на дрова.

М-цъ февруар. Неделя. 1. Сей день былъ весма холодній и ночъ, и свѣтліе. Зъ Сухоносовки привезено соли бочокъ 6, вовни рунъ 500 и протчіе дробніе рѣчи. Зъ Москви пріехалъ Юско сестринъ и обявилъ, что его импер. в-во всемилостивѣйшій государь нашъ Петръ Вторий ко вѣчному отиде блаженству, генваря числа 18-го, въ ночъ противъ числа 19-го, а въ наслѣдіе імперіи престола избранна дочъ старшая блаженной и вѣчнодостойной памяти государя царя Іоанна Алексѣевича, царевна Анна Івановна Курляндская, по которую отправлени отъ тайного верховного совѣта князь Василій Лукичъ Долгорукій, отъ сената князь Михайло Михайловичъ Голѣцинъ меншій, а отъ генералѣтета генералъ порутчикъ Леонтіевъ.

Понеделокъ. 2. Сей день былъ такій же, якъ и вчера, и ночъ. Родитель захоровалъ, а видъ фебри; которого докторъ Бокъ сталъ куровать. Обѣдалисмо у сестри, а потомъ она была у насъ. Атютантъ князя Шаховского Леонтіевъ пріехалъ сюда въ Глуховъ съ Москви.

Вовтор. 3. Сей день былъ противъ прежнихъ теплѣйшій, и ночъ свѣтла и холодна. Обѣдалемъ у дому, а жена у сестри. Род. легше стало. Сестра сегодня стала декоктъ пить, а по обѣдѣ была у насъ. Сухоносовскіе подводи отпущенни, черезъ которіе послалемъ 2 куѳи гор. да попу сухоносовскому на сорокоустъ за покойную тіотку 4 р., да писалемъ въ Тулиголовы, чтобъ 3 кадѣ винничнихъ туда жъ вислали; а до Алексѣя объ управленіи и о покупкѣ стѣнокъ у Перервинцяхъ.

Середа. 4. Сей день былъ свѣтлій и холодній, и ночъ, а зъ вечера на небѣ свѣтлость была. Братъ Марко отправленъ въ Роменъ, черезъ которого послалемъ до Несторовича сто руб., половину на покупку воловъ, а половину на роздачу косарамъ на сѣно. Да черезъ егожъ писалемъ до родителки и брата п. Семена поздравленіе. Да ему жъ данъ реестрикъ покупокъ въ ярмарку тамошнемъ, на якіе взять ему у родителки позиченіе 20 р., 5 р. ему, а 15 р. въ расходъ. Жена моя стала декоктъ пить. Обѣдалемъ у сестри, а по обѣдѣ былемъ у брегадира и у Потіомкина. Сестра п. Чарнишева поехала въ Подоловъ.

Четвер. 5. Сей день холодний и свѣтлий Такъ же и ночъ. Вѣжевскому въ расходъ далемъ грошей 6 р. и записалемъ. Пріехали съ Москви люде мои и привезли 6 стуловъ за 3 р. съ полтиною, да баулъ болшій за 6 р. безъ четверти, да желѣза 7 пудъ по 20 а. пудъ. Купилемъ лѣсу у тулиголовскихъ козаковъ Голубенковъ за 5 р.

Пятокъ. 6. Сей день былъ свѣтлий и холодний, и ночъ. Писалемъ въ Москву, черезъ куріера, до Каратаева о томъ, чтобъ онъ въ наставленіи своемъ содержалъ Петра, а прислалъ би риби: бѣлужку, 2 осятра и лосося, оливокъ зъ ведро и мѣноgовъ бочонокъ. Тутъ же приложилемъ писмо доктора Бока до Gумберта и 2 рцецета,

одинъ на мою, другій на его потребу, чтобъ заплатить Петру оніе, такъже и къ Петру писалемъ, чтобъ слушался его. Обѣдалемъ въ дому съ Якубовичемъ. Пріехали съ Москви сотникъ сороч. и противъ прежнего сказивали.

Субота. 7. Сей день и ночъ были свѣтліе, холодніе и отчасти вѣтряніе. Обѣдалемъ въ дому съ Якубовичемъ сегодня, а не вчора, у вечеру ездилемъ до Сухарева, котрий и подарилъ мнѣ картузъ табаку, а оттоль билъ у обозного енер. Повернулся Кайнара зъ Кіева съ писмами отъ духовенства, о пріемѣ денегъ на сорокоусти, за покойную тіотку.

Неделя. 8. Сей день и ночъ были противъ прежнихъ. Рано былемъ у брегадира и въ церквѣ ст. Николая, обѣдалемъ у сестри и вечералемъ. Ярема привѣзъ зъ Тулиголовъ горѣлки двойной 3 куѳи болшихъ и четвертая малая, въ якихъ всѣхъ носатокъ 35.

Понеделокъ. 9. Сей день былъ свѣтлий, холодний и вѣтряний и ночъ. Александръ отъ сестри привюзъ мнѣ всѣ листи отъ архиереевъ и протчихъ принесеніе отвѣтніе, о пріемѣ послѣднихъ денегъ на поминаніе за покойную тіотку.

Вовтор. 10. Сей день былъ зъ ранку холодний, а свѣтлий, а потомъ мале теплѣйшій, а ночъ была зъ невеликою метелицею. Александеръ принюсъ отъ сестри ко мнѣ чотки маліе, бруштиновіе, а женѣ чипчѣкъ бѣлий, таѳовий.

Середа. 11. Сей день былъ отъ прежнихъ теплѣйший, такъже и ночъ. Видѣлемся зъ брегадиромъ и Потемкиномъ у церквѣ княжой, потомъ ездилемъ до п. Михайла, зъ нимъ билемъ у склепу и повернулемся. Уговорилемъ ямщиковъ въ Москву за 2 р. съ полтиною отъ лошадѣ. Погребеніе въ Москвѣ імператорского величества было.

Четвер. 12. Сей день былъ противъ прежнего и ночъ. Билъ у мене рано економъ печерскій, зъ протопопою Ѳаляховскимъ, и показалъ мнѣ вѣрчое писмо отъ консистористовъ о пріемѣ отъ мене денегъ 800 р., потому у мене такіе деньги въ присутствіи протопопи и принялъ, а писмо тое мнѣ отдалъ. Сварковскій человѣкъ

посланъ до п. Григор., въ Новгородокъ, зъ 22 р., да прежнихъ 8 р., на покупку 3-хъ плитовъ (плотовъ) и 6000 дранѣ да до Овдоколля,—на уговоръ зробить куөъ великихъ 60, и на тое дано 8 р. Гапцѣ для роздачи милостыни нищимъ 20 р. У склепу билисмо зъ п. Михайломъ, братомъ. До швакгра п. Андрѣя. Полуботка отписалемъ и бутилокъ 2 венгер. послалемъ

Пятокъ. 13. Сей день былъ похмурний и не велми холодний, однакожъ зъ вѣтромъ, а ночъ свѣтла и холоднѣйшая. Поехалемъ рано зъ Глухова, и за полчаса пріехалемъ въ пустинку Мутинскую, куда потомъ пріехалъ и родитель зъ Ромна. Родитель росказивалъ, что малороссійскихъ купцовъ, ходившихъ въ Кримъ а повернувшихся оттуду къ граници и непропущеннихъ, стоитъ 4500 воз.

Субота. 14. Сей день былъ погодний и отчасти холодний, а по болшой части къ веснѣ склонний, ночъ такъже свѣтла и мразна. Сегодня зде въ монастирѣ Св. Тайнамъ пріобщалемся и родитель, и сей увесь день зде, въ монастирѣ, пробавилисмо. Полковница сумская Анна Михайловна Миклашевсковна, жена Івана Кондратіева, умре отъ водяной болѣзни и чехотной.

Неделя. 15. Сей день былъ похмурний и ночъ, однако жъ холодновата и зъ сухимъ воздухомъ. По службѣ Божой и по обѣдѣ, родитель поехалъ въ Камень, а я зде въ монастырѣ остался, и зъ строителемъ Паисіемъ прибавилъ день, сидя и разговаривая. Писалемъ до брата Марка, въ Ромень, о запроваженно сюда въ Глуховъ рѣчий, за которими посланъ Юско, а до жени о взяттю росписки отъ економа софѣйского въ пріемѣ отъ мене денегъ 800 р. Новоизбранная на престолъ россійскій імператрица, великая государиня Анна Івановна входъ свой имѣла въ Москву.

Понеделокъ. 16. Сей день былъ похмурний и сперва мокроватъ, а потомъ до вечора и въ ночѣ, холоденъ. Поехалемъ зъ монастирня Мутинского, по часахъ, и пріехалемъ до сестри п. судійной, въ Подоловъ, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ позабавилемъ до вечора, и отехавши, пріехалемъ ноччю въ Тулиголови. Сестра п. судиная отдала мнѣ доводчихся 8 червонихъ отъ ея.

Вовтр. 17. Сей день былъ свѣтлій и холодний, также и ночъ. Сей день тутъ въ Тулиголовахъ пробавилемъ, где гор. куѳъ 2 неполнихъ, тутъ въ Тулиг. въ комнатѣ, осмотреніе были.

Середа. 18. Сей день былъ похмурний, але холодний, ночъ теплѣйшая. Рано поехалемъ въ Глуховъ, где засталемъ въ добромъ здоровю родителя, жену, дѣтей и сестру Уляну Івановну. Обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до сестри и тамъ позабавивши, повернулемся назадъ.

Четвер. 19. Сей день былъ противъ вчорайшого и ночъ вѣтряная и зъ метелицею. Обѣдалемъ у сестри, а по обѣдѣ повернулемся въ скорѣ. Черезъ Вѣжевского послалемъ осталніе 8 р. до економа софѣйского, понеже въ недочоту столко стало въ 8 мѣшковъ до 790 р., але онъ росписки не далъ для того, что якобы тамъ много лихихъ копѣекъ есть.

Пятокъ. 20. Сей день былъ вѣтряний и зъ великою метелицею, ночъ тихша. Ездилемъ рано до Потіомкина, которий о моемъ обозѣ, чтобъ былъ пропущенъ, писалъ до сѣвского воеводи Івана Якимовича Синявѣна. Купилъ дровъ за 5 р. 50 воз. Камѣнскій посланъ въ Москву, а съ нимъ 10 куѳъ, а въ томъ числѣ двойной куѳъ 4, а простой 6, а носатокъ двойной 35, а вѣдеръ „ а простой носатокъ 61 и кварть 30, а вѣдеръ „—„ Дано Камѣнскому на дорогу 30 р. на заплатку ямщикамъ, а сварковцямъ двомъ тутъ далъ 10 р., по 5 р пара, зъ поворотомъ, да ему жъ дана інформацѣя на писмѣ въ 10 пунктахъ, о покупкахъ и слушаннюся дворецкого. Імператорское величество Петръ Второй, самодержецъ всероссійскій, умре генвар. 18-го числа, въ 1-мъ часу по полночи, въ Москвѣ. О чомъ сицевий манѣфестъ или обявленіе отъ верховного тайного совѣта. *(Слѣдуетъ манифестъ)*. Алексѣй пріехалъ съ Сухоносовки съ тимъ, что сѣна не стаетъ.

Субота. 21. Сей день былъ у Сухарева, которий сказивалъ про сестру п. судіину, которой видалъ готовихъ денегъ после аресту 7000 р., а въ томъ числѣ 2000 р., даннихъ ей зъ дому ясневелможной тіотки, а въ томъ росписался въ пріемѣ Дяковскій. Повернулся мужикъ съ отвѣтомъ отъ п. Григоріевой зъ Новгородка,

что куплены будутъ плити и дрань, а отъ стар. овдоколеского, что онъ взялъ 8 р на куфи (бочки) великіе.

Неделя. 22. Сей день былъ не велми холодній, але зъ великою снѣжною метелицею, а ночъ тихшая была мало, и метелиця утихла. Обѣдалемъ въ дому, а со мною Чуйкевичъ и Руновскій. По обѣдѣ поехалемъ до сестри, и тамъ до 10-го часа позабавилемъ.

Понеделокъ. 23. Сей день былъ теплій и мокроватий, снѣгъ знатне сталъ роставать въ днѣ и въ ночѣ. Было въ церквѣ с-таго Іліи обявленіе о вступленіи на престолъ ея імпер. в—ва Анни Івановни и молебствіе, при пушечномъ стрелянню. По молебнѣ, у гетманскомъ дому обѣдалисмо всѣ. Получилемъ черезъ Гаврила, слугу п. Михайлового, писмо зъ Москви отъ дворецкого, что товару Петро нѣчого непродалъ, а за 2 рецепти 60 р. Далисмо Алексѣеви, слузѣ, на покупку сѣна для товару и на роздачу косарамъ 50 р., а на строеніе футора Гамалѣевского, до Несторовича, 10 р. и листъ.

Вовтор. 24. Сей день такийже, якъ и вчера, а ночъ свѣтла и съ морозомъ сухого воздуха. Дали старостѣ тулил. 20 р. на роздачу, до новини, на жито. Алексѣй, слуга, отправленъ въ Сухоносовку. Братъ Марко пріехалъ зъ Ромна въ Глуховъ.

Середа. 25. Сей день былъ свѣтлий, сухий, однакожъ теплій, а ночъ свѣтла и мразна. Сегодня обѣдалисмо у себе, по обѣдѣ посѣщалъ насъ Степанъ Миклашевскій, Люка, Дмитрашко и Кондзеровскій. Мѣди москалеви дали на казанъ 53 фунт. и полфунта, а осталося въ деножкахъ персидскихъ 20 фунт. и въ лому 7 фунт.

Четвер. 26. Сей день былъ свѣтлій и теплій, а ночъ холоднѣйша съ малимъ снѣжкомъ. Обѣдалемъ вчера у сестри, а у вечеру былемъ у п. Михайла пріехавшого. Отправилемъ человѣка сестри п. судіиной зъ отвѣтомъ о виданню сѣна Огкидачу 219 воз., по силѣ указу.

Пятокъ. 27. Сей день былъ похмурній, але тепловатъ и ночъ. До прежде купленной малой куфи гор., еще сегодня болшихъ купили 4, а пятую малую за 40 р. съ полтиною, итого купленихъ всѣхъ, по сіе число зде въ імбарѣ, великихъ куфъ 4 и малихъ 2.

Меду купили 24 пуда, по 40 а. пуд. Івану Канарчѣ, служителеви сестриному, далемъ, едугому въ Борзну, на покупки 30 р. Григорій Огѣенко взялъ теперъ грошей за горѣлку 24 р. съ полтиною, и во всѣхъ денгахъ за гор. взятихъ квѣтовалъ, а именно въ 90 р. картою. Сестра прислала зъ женою постѣль.... (?) и 10 плахтъ простихъ.

Субота. 28. Сей день былъ зъ ранку холоденъ, въ день отлигло, похмурний къ ночѣ, и черезъ ночъ морозъ. Тищенку, едучому до ярмарку борзенского, далемъ черезъ Ярему 23 р. Обѣдалемъ у сестри зъ братомъ п. Михайломъ и панею его, и навчилемся играть въ кадрилѣю и ломбаръ. Сестра дала на монастиръ Мутинскій 100 р. да облѣкъ въ 100 р.

М ць мартъ. Неделя. 1. Сей день былъ холодній зъ ранку, до полудня метелиця невеликая, а къ вечору и черезъ всю ночъ жестокая метелиця зъ вѣтромъ. Семенъ Лизогубъ зъ женою пріехалъ въ Глуховъ, для роздѣлки зъ сестрою. Жена моя зъ дѣтми поехала по обѣдѣ 3-го часа, зъ полдня, въ Тулиг. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до сестри и тамъ игралисмо зъ братомъ п. Михайломъ въ кадрилѣю. Старци Печерского кіевского монастира подали писмо отъ Копи, чтобъ по леgацѣи Gорки, епископа, на монастиръ ихъ дать 140 р. и отдалемъ.

Понеделокъ 2. Сей день былъ холодній вѣтряний зъ превеликою метелицею снѣжною и ночъ. Рано былисмо у сестри, а п. Михайло у мене, я у дому обѣдалъ, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла и тамъ у кадрилѣю игралемъ. Купили куѳу гор. за 6 р., итого куѳъ купленнихъ болшихъ 6, а менш. 1.

Вовтор. 1. Сей день былъ холодній и вѣтряній велми, ночъ холодная жъ, да не такъ вѣтряна. Рано съ п. Михайломъ ездилисмо до сестри, где и обѣдалисмо. Писалъ писмо до п. Якова Полуботка, упоминаючись объ обѣтницю.

Середа. 4. 4 р. далемъ на бочки до Ямполя, а 8 р. Архипу на шкло до Почепа, а за Федора, зятя Плетюнчиного, человѣку дунайскому козаку 3 р. за долгъ его, что онъ коня взялъ у его, за 10 копъ ценою. Сей день былъ холодний же велми, толко не

такъ вѣтрянъ и ночъ. Именинница была сестра Уляна Івановна, у которой обѣдалисмо и дневалисмо. Отправилемъ Архипа по шкло, 60 шибъ за 8 р., а другого мужика въ Стародубъ зъ писмами, до Демяна и п. Миклашевского.

Четвер. 5. Сей день былъ холоднiй же велми, да тихiй и ночъ. Лизогубъ Семенъ зъ женою были у сестри Уляни, оба, зъ п. Михайломъ, где упоминался у сестри половинную долю движимого и недвижимого імѣнія. Я обѣдалемъ у сестри, а по обѣдѣ ездилемъ до брегадира и до п. Мяхайла.

Пятокъ. 6. Сей день былъ также холодний и ночъ, и свѣтліе, якъ и вчора. Далемъ денегъ до Ямполя на бочки и на варенне 5 р. а до Воронѣжа на пиво жъ и на бочки 4 р. П. Михайло былъ у мене и Кондзровскій и обявлялъ претенсѣю Семена Лизогуба отъ сестри недвижимого імѣнія всего.

Субота. 7. Сей день противъ прежнихъ холодний же. Черезъ Кучарского, отездившого въ Роменъ, посладемъ до Несторовича 50 р. на покупку воловъ, до прежнихъ 150 р., да ему жъ Кучарскому тожъ на воли далемъ 30 р.; черезъ его жъ писма до Алексѣя и Олихвѣренка. Забарѣ далемъ 14 р. въ росходъ. Желязо, служитель род., отправленъ въ Москву зъ писмами и челобитними объ опредѣленіи маетностей на рангъ, объ обилахъ и о Засул., а я писалъ до Курбатова и спалню послалъ, до Каратаева о присилки съ Петромъ рибы и проч. и Карпу за гор....(?).

Неделя. 8. Сей день былъ холоднiй же и ночъ противъ прежнихъ, толко похмурнiй. П. Павловая, миргородская полковница, пріехала зъ Москви и привезли мнѣ 2 лосося и пудъ икри. Обѣдалисмо у сестри и играли у кадрилѣю зъ п. Михайломъ и панею его.

Понеделокъ. 9. Сей день былъ теплѣйшій противъ прежнихъ да вѣтряний велми, и ночъ. Обѣдалисмо у сестри, зъ братомъ п. Михайломъ. Корецкій Петро пріехалъ, съ Москви, зъ присягами печатними.

Вовтор. 10. Сей день еще теплѣйшій противъ прежнихъ и ночъ зъ мокримъ воздухомъ. Обѣдалисмо у сестри, для именин-

ници дочери ея. Братъ п. Михайло поехалъ въ Нѣжинъ почтою, зъ Люкою, а мене опредѣлили били, чи приговорили, ехать въ полкъ Нѣжинскій приводить къ присяги старшину, но, за моимъ отездомъ, отставили.

Середа. 11. Сей день былъ теплий и ясний сперва, къ вечору холоднѣйшій, ночъ зъ морозомъ. Сегодня рано поехалемъ зъ Глухова на пастовникъ до сестри, а оттуду у футоръ Калюжновскій, и съ футора въ село Сварковъ, где обѣдалемъ и ночовалемъ. Тутъ, въ Сварковѣ, видѣлемъ все жито зсипанное въ комнатѣ, 111 четвертей въ готовости.

Четвер. 12. Сей день холодний зъ метелицею, а къ вечору мокрий, ночъ зъ приморозомъ, ясна. Сей день тутъ въ Сварковѣ пробавилисмо, куда пріехала жена и братъ. Василко Кучеравщенко, забавникъ, зъ горячки умре. Повернулся зъ Нѣжина братъ п. Михаило. Іванъ Ломиковскій, зять гетманскій, умеръ.

Пятокъ. 13. Сей день былъ зъ ранку холодний, о полднѣ теплѣйшій вечоръ и ночъ холоднѣйшіе. Пріехалемъ въ Глуховъ и ездилемъ зъ п. Михайломъ до Семена Лизогуба, отъ сестри Уляни, который домогался себѣ всѣхъ Чернѣговскихъ маєтностей и 2000 р. П. Павелъ (Апостолъ) зъ Москви пріехалъ.

Субота. 14. Сей день былъ холодній зъ ранку, а после отъ слонца оттеплѣлъ, да рано жъ была метелица снѣжная, въ ночѣ было холодно, зъ метелицею. Обѣдалемъ въ дому; по обѣдѣ ездилемъ до сестри, куда пріехалъ Семенъ Лизогубъ зъ женою и простившись, отехала жена его зъ Глухова въ домъ свой. Староста тулиг. Мануйловичевъ видалъ въ мою винницю жита 30 четвертей, а тутъ ему откупить. Параскевія Марковна, Демянова Якубовичева, сестра родителя моего, умре.

Неделя. 15. Сей день былъ холодній, по обѣдѣ теплѣйшій, къ вечеру и черезъ ночъ морозъ. Сегодня обѣдалисмо у брегадира, оттуду заехалемъ въ дворъ гетманскій, где писалемъ черезъ почту до Москви, къ Каратаеву, о лекарствахъ. У вечеру пріехалемъ до сестри, где и вечералемъ. Семенъ Лизогубъ подалъ своей претенсѣи вѣдомость отъ сестри, а именно: 5000 червоних, маетности чер-

нѣговскіе всѣ, пудъ сребра, кунтушъ зелений аксамитний зъ футромъ и другихъ 2, да 1000 овецъ, кобилъ и коровъ по 100.

Понеделокъ. 16. Сей день былъ холодний, такъ же и ночъ зъ вѣтромъ. Купилисмо сегодня 6 куеъ, и того всѣхъ купленнихъ гор. куеъ 18. Зторговалися зъ комарицкими людми села Фашовки на 100 брусовъ дубовихъ тресаженоихъ, по 6 р., которимъ и задатку далемъ 18 р, а въ порукахъ за нихъ бѣлополовскій житель Опанасъ Кострица. До Крисіокъ послалемъ полъ 5 четверика глуховской мѣри жита, до винницѣ.

Вовтор. 17. Сей день билъ холодний велми и вѣтряний збитъ зъ снѣжною метелицею, ажъ до полночи, а за полночъ утихло, толкожъ морозъ сталъ и випогодилося. Демянъ пріехалъ зъ Стародуба и привезлъ доправленнихъ денегъ отъ должниковъ того полку 170 р., а еще не доправилъ 120 р. въ томъ же полку. Людямъ моимъ роздана барма, каруну 2 штуки и тузѣну штука. Купилемъ ножички, пуделко зъ ложечками.....(?) чулки гарусовіе и кисть шолковую до трости, за 3 р. зъ гривнею. П. есаулиной Мануйловичевой видалемъ 5 р. зъ Сваркова жита, куда и карту далемъ.

Середа. 18. Сей день былъ свѣтлий, ясній, и холодній, такъже и ночъ. Рано чолобитную подалемъ брегадирови, а потомъ Новоторжцову отъ сестри, о пожиткахъ въ Кучеровцѣ удержаннихъ, такъ же въ Сасиновцѣ и Линовицѣ. Зъ Семеномъ Лизогубомъ раздѣлку учинилисмо отъ сестри Уляни Івановни на томъ, что—Лизогубовой женѣ владѣть всѣми маетностми и протчіимъ недвижимимъ имѣніемъ въ полку Чернѣговскомъ имѣючимся, да зъ заводу скотиного и лошадѣного по 100 штукъ, да зъ суконь: кунтушъ аксамитний, зелений, горностаями подшитий, да другій покойной тіотки кунтушъ парчевий, подъ соболями, сѣделъ двѣ, рондовъ два, шабель двѣ, сагайдакъ и оружже; а сестрѣ Улянѣ—остатся при всѣхъ движимихъ пожиткахъ и недвижимомъ імѣніи, которое есть, опрочъ полку Чернѣговского. Янъ Старжинскій, слуга сестри п. судіиной, позичилъ у мене на імя сестри 50 р. на заплаченне Мокріевичу за его претенсѣю, которому и заплатилъ. Писалемъ до п. Якова швакгра, о покупкѣ вина лаgонского сюда. Кравцю Леску далисмо грошей 3 р.

Четвер. 19. Сей день былъ холодній и вѣтряний, ночъ теплѣйша и мокровата. Обѣдалисмо у себе сами, а по обѣдѣ ездилисмо зъ п. Михайломъ до Семена Лизогуба, зъ росписними картами, где исправили и повернувшись, били у брегадира, который и подписалъ, а потомъ пріехалъ до насъ Семенъ, зъ которимъ тилко жъ картами и розмѣнялисмося. Сестра подарила мнѣ рондъ безъ подоѕоння, турецкій, подъ шмалцемъ.

Пятокъ. 20. Сей день былъ холодній зъ ранку, однакожъ къ вечеру сталъ теплъ, такъже и ночъ. Поехалемъ зъ Глухова, после полдня, и пріехалемъ на ночъ въ Тулиголовъ. Въ Тулиголов. засталемъ куѳу гор. оковитой, а 2 простой. Сестра подарила дочерамъ моимъ по кунтушу, аксамитний и злотоглавн., также и мнѣ подарила кунтушъ покойного пана.

Субота. 21. Сей день билъ теплій и ночъ, и много снѣгу ростало. Поехалемъ зъ Тулиг. и пріехалемъ въ Глуховъ на обѣдъ. По обѣдѣ ездилемъ въ городъ до Мякинина, который вина анталъ уступилъ мнѣ за свою цену. Зъ Крисіокъ прислани 4 куѳи гор. да 6 куѳъ порожнѣхъ.

Неделя. 22. Сей день былъ теплій и свѣтлій. Въ Криски отправлени крисковци и черезъ нихъ господареви сукно и 3 р., да зъ особна на нѣкоторіе покупки, а именно: дрань, улля и проч. 10 р. Купилемъ коня у Михайла цигана за 9 р., а въ придатку конь буланий. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ февр. подавали шляхетство россійское въ Москвѣ, въ тайний верховний совѣтъ, доношеніе въ 9 пунктахъ о исправленіи нѣкоторихъ нуждъ государственнихъ, въ слѣдуючемъ. *(Слѣдуетъ положеніе верховн. совѣта о госуд. правленіи. См. въ изд. 1859 г., 1, 346).*

Понеделокъ. 23. Сей день былъ теплій, такъ же и ночъ, отчего въ Ясманѣ рѣцѣ наводненіе великое учинилось, такъ что въ пекарнѣ нашей води до колѣнъ было. Отослалемъ до сестри рондъ сутий да тесакъ къ Кондзеровскому, черезъ Гаврила.

Вовтор. 24. Сей день былъ теплій, толко зъ превеликимъ вѣтромъ полуденнимъ, такъже и ночъ. Дожко паний зроблено за 2 р. Александрови подарилемъ